Эр1 401

А-457

М. А. Алданов.

Армагеддонъ.

С.-Петербургъ.
1918.

ЭР1—
401

М. А. АЛДАНОВЪ.

Март

Василію Васильевичу Вейдле
въ знакъ глубокаго уваженія
24. III. 18 М. Алданов

Армагеддонъ.

И видѣлъ я выходящихъ изъ устъ дракона и изъ устъ звѣря и изъ устъ лже-пророка трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ:

Это—бѣсовскіе духи, творящіе знаменія; они выходятъ къ царямъ земли всей вселенной, чтобы собрать ихъ на брань въ оный великій день Бога Вседержителя...

И онъ собралъ ихъ на мѣсто, называемое по-Еврейски Армагеддонъ...

И произошли молніи, громы и голоса, и сдѣлалось великое землетрясеніе, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ люди на землѣ. Такое землетрясеніе! Такъ великое!

Откровеніе св. Іоанна, гл. 16.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1918.

ЭР

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
993162
сф 37401

Типографія «**Научное Дѣло**». С.-Петербургъ, Загородный пр., 74.

Serpens nisi serpentem comederit non fit Draco.

Нашъ цивилизованный міръ—великій маскарадъ. Есть тамъ рыцари, духовныя лица, воины, доктора, философы, адвокаты—и кого только нѣтъ еще. Но все это лишь маски, за которыми въ большинствѣ случаевъ скрываются спекулянты. Одинъ надѣваетъ личину права, чтобы удобнѣе ограбить сосѣда; другой для той же цѣли пользуется маской патріотизма или общественнаго блага, третій — костюмомъ религіи. Знай-же, что на маскарадѣ этомъ яблоки сдѣланы изъ воска, цвѣты—изъ шелка, рыбы—изъ картона, и все, все тамъ прахъ и комедія. Вотъ двое людей такъ вдумчиво бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Знай-же,—одинъ изъ нихъ продаетъ гнилой товаръ, а другой платитъ фальшивой монетой.

Шопенгауеръ.

Предисловіе.

Діалогъ «Драконъ», за исключеніемъ двухъ небольшихъ отрывковъ, вставленныхъ позже, написанъ въ началѣ войны, но не могъ появиться въ свѣтъ вслѣдствіе запрещенія цензуры. Послѣ революціи онъ былъ (съ большими пропусками) напечатанъ во второй книжкѣ «Лѣтописи» за 1917-ый годъ. Характеръ вопросовъ, затрагивавшихся въ діалогѣ, дѣлалъ возможнымъ помѣщеніе его въ названномъ журналѣ, несмотря на расхожденіе во взглядахъ между редакціей и авторомъ, который, при крайне отрицательномъ отношеніи къ идеологіи, господствовавшей въ 1914 году, съ начала войны принялъ «оборонческую» точку зрѣнія. Статьѣ была предпослана оговорка.

Темы «Дракона» въ настоящее время врядъ ли представляютъ интересъ и авторъ не сталъ бы перепечатывать діалогъ, еслибы послѣдній не былъ органически связанъ со второй частью книги: подъ названіемъ «Колесница Джагернатха» собраны замѣтки одного изъ дѣйствующихъ лицъ «Дракона». Онѣ представляютъ собой, большей частью, случайныя и безпорядочныя отраженія чужихъ словъ въ умѣ односторонне мыслящаго человѣка. Отсюда и чрезвычайное обиліе цитатъ, и утомительное единство настроенія.

Книга, состоящая изъ этихъ двухъ частей, печатается «на правахъ рукописи».

ДРАКОНЪ.

Ein, zwei, Polizei,
Drei, vier, Officier...

Изъ нѣмецкой начальной хрестоматіи.

Химикъ. Знаю заранѣе, что мы съ вами ни въ чемъ не сойдемся, а всего менѣе въ вопросахъ политики. Но химія меня утомила, я радъ освѣжиться хотя бы безплоднымъ споромъ.

Писатель. А, вы идете изъ лабораторіи?

Химикъ. Да, я былъ занятъ со своими ассистентами работой на государственную оборону. Дѣлаемъ что можемъ.

Писатель. Вы ведете изслѣдованія по Handbuch'амъ и Lehrbuch'амъ. Химическія вещества берлинскаго завода Кальбаума вы взвѣшиваете на геттингенскихъ вѣсахъ Сарторіуса, растворяете въ Эрленмейеровскихъ колбахъ, нагрѣваете на Бунзеновской горѣлкѣ, титруете изъ іенскихъ бюретокъ, осаждаете на лейпцигскихъ фильтрахъ, разсматриваете въ Цейс-

совскій микроскопъ и сжигаете въ Либиховской печи. Въ минуты отдыха вы съ ассистентами ругаете нѣмецкую культуру.

Химикъ. Надѣюсь, вы не собираетесь выступить въ роли защитника «нѣмецкой культуры»?

Писатель. Успокойтесь, не собираюсь. Какъ и вы, какъ и всѣ, я заключаю слова «нѣмецкая культура» въ самыя уничтожающія кавычки и подписываюсь подъ любой тирадой противъ Германіи съ какимъ угодно числомъ восклицательныхъ знаковъ. Констатирую только, что за время войны знаки препинанія вытѣснили изъ полемическаго обихода аргументы почти такъ же легко, какъ бумажныя деньги замѣнили золотую монету.

Химикъ. Знаю, что вы рады при случаѣ пустить наудачу во всѣ стороны нѣсколько «коварныхъ инсинуацій» (вотъ вамъ еще кавычки). Вы можете сказать о себѣ, какъ Бейль: mon métier est de semer des doutes. Но въ нынѣшнее время сомнѣваться—самое неподходящее ремесло. Подумайте объ этомъ, старый дилеттантъ и скептикъ.

Писатель. Ругательства ваши не оскорбительны. Слово дилеттантъ выдумано малоспособными людьми. А скептикъ... Въ день окончанія войны вся Европа будетъ состоять изъ скептиковъ. Когда видишь, что сотни милліоновъ людей, живущихъ по одну сторону границы, единодушно уличаютъ во лжи сотни милліоновъ людей, живущихъ по другую сторону, невольно беретъ сомнѣніе: существуютъ ли дѣйствительно общеобязательныя истины или даже здравыя нормы человѣческаго разсудка. Изъ двухъ враждующихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ, одна лжетъ, если не обѣ.—Тотъ «интересъ», который, говорятъ, правитъ міромъ, толкуется въ двадцатомъ столѣтіи почти столь же грубо

и безсмысленно, какъ пять тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но отчего передовые мыслители такъ боятся признать эту неоспоримую истину и упорно желаютъ вдвинуть вопросъ въ рамку нѣсколько фантастическаго свойства,— вотъ загадка, надъ которой, впрочемъ, было бы напрасно ломать себѣ голову. «Въ философіи удивленіе— признакъ ума», — говоритъ старинный мыслитель. Въ политикѣ удивленіе скорѣе признакъ глупости. Поэтому утѣшительно хоть то, что вызывать его становится господамъ политикамъ изъ года въ годъ все труднѣе. Въ срединѣ прошлаго вѣка австрійскій государственный дѣятель еще могъ, напримѣръ, «удивить міръ своей неблагодарностью». Теперь, согласитесь, этимъ удивить весьма мудрено.

Химикъ. Поѣзжайте въ Германію и выскажите свои скорбныя мысли тѣмъ, на кого падаетъ отвѣтственность за нынѣшнюю бойню.

Писатель. Отвѣтственность? «Предъ небомъ и исторіей», не такъ-ли? Повѣрьте, на судѣ исторіи особенно виновными будутъ побѣжденные. Побѣдителей порою судятъ, но всегда чрезвычайно снисходительно.

Химикъ. Пріятно слышать: вѣдь въ концѣ концовъ мы побѣдимъ.

Писатель. Кто знаетъ? Еще Маккіавелли говорилъ четыре столѣтія тому назадъ: «Не должно сомнѣваться въ могуществѣ Германіи, ибо много у нея людей, богатствъ и оружія». — «Della potenza della Alamagna non debbe dubitare, perchè abbonda di uomini, di ricchezze e di armi». Вдобавокъ, на всеобщую мобилизацію талантовъ наша власть сумѣла отвѣтить всеобщей мобилизаціей бездарностей. Наконецъ, на сторонѣ нѣмцевъ сражается нашъ непобѣдимый внутренній врагъ, князь Хованскій. Возможно, что въ этомъ стран-

номъ матчѣ Гинденбурга съ Николаемъ-Чудотворцемъ послѣдній рано или поздно переутомится. Впрочемъ, не люди, а стихіи испоконъ вѣка спасали отъ недруговъ святую Русь. Я твердо надѣюсь, что насъ вывезетъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ Германіи. Правда, хлѣба тамъ, повидимому, кое-какъ хватитъ до новаго урожая, но вѣдь не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ: ему нужны еще мясо и картофель. Какъ бы то ни было, главный побѣдитель въ европейской войнѣ уже извѣстенъ: это Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Извѣстенъ и главный побѣжденный: человѣческій разумъ.

Химикъ. Противоположное общее мѣсто. La raison finit toujours par avoir raison.

Писатель. Mais elle n'est pas très pressée. Грозный смыслъ величайшей изъ историческихъ трагедій,— повидимому, въ томъ, что она совершенно безсмысленна. Прокуроры и слѣдователи, разыскивая преступниковъ, руководятся испытанной формулой: is fecit cui prodest. Приложить эту формулу къ величайшему изъ историческихъ преступленій очень мудрено: кто-то fecit и, въ сущности, никому не prodest, хотя бы война кончилась полной побѣдой одной изъ коалицій, что, къ тому же, мало вѣроятно.

Химикъ. Въ томъ-то и дѣло, что есть нѣкоторая разница между уголовщиной и войной. Въ возникновеніи этой послѣдней во всякомъ случаѣ нисколько неповинны ни мы, ни даже наше многогрѣшное правительство. Нѣмецкія газеты полны сообщеній о хитрыхъ и коварныхъ происках русскихъ государственныхъ мужей. Непостижимъ престижъ, которымъ пользуются заграницей наши дѣйствительные тайные Макіавелли. Даже такой умный человѣкъ, какъ Карлъ Марксъ,

чуть ли не до конца своихъ дней считалъ Бисмарка орудіемъ въ рукахъ Петербургскаго кабинета («das blosse Werkzeug des Petersburger Kabinets»). Между тѣмъ наше правительство уже потому не можетъ быть виновнымъ въ возникновеніи войны, что оно смертельно ея боялось и боится — правду сказать, не безъ основанія.

Писатель. Я тоже думаю. Впрочемъ, въ практическомъ отношеніи это обстоятельство для меня рѣшающаго значенія не имѣетъ. Кто бы ни былъ виновникомъ войны, нашъ долгъ остается неизмѣннымъ. «Вино откупорено, его нужно выпить». Я только не нахожу нужнымъ увѣрять, что это отвратительное вино—божественный и благодѣтельный нектаръ. Я даже утверждаю, что всѣ мы имъ отравимся.

Химикъ. Я, напротивъ, смотрю въ глаза будущему безъ боязни. Въ качествѣ дарвиниста я жду отъ войны болѣе сносныхъ условій борьбы за существованіе и побѣды лучшихъ. Въ качествѣ политика—установленія разумныхъ этнографическихъ границъ.

Писатель. Ноздревъ показывалъ Чичикову границу своихъ угодій; потомъ однако оказалось, что ему принадлежатъ земли по ту и по другую ея сторону. Этнографическія границы, о которыхъ вы говорите, обладаютъ тѣмъ же чудеснымъ свойствомъ. Намъ вѣдь совершенно неизвѣстно, какой этнографъ будетъ ихъ устанавливать. Мало убѣдительны для меня и ваши экскурсіи въ область дарвинизма. «Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ». «Одни умираютъ, чтобы другіе могли жить». «Конкурренція уменьшится, борьба за существованіе станетъ легче»... Три выраженія одной мысли, разнящіяся по красотѣ слога. Любимая философія тѣхъ, кто разсчитываетъ не попасть въ число

искупительныхъ жертвъ. Но эти добрые люди совершаютъ насиліе надъ статистикой. Цѣнности гибнутъ еще въ большемъ масштабѣ, чѣмъ люди, и въ Европѣ, навѣрное, будутъ даже не прежнія, а гораздо худшія условія борьбы за существованіе.

Химикъ. Я не имѣлъ въ виду соображеній экономической необходимости, хотя и они, безспорно, вами разсматриваются очень узко: не на годъ и не на десятилѣтіе должны мы заглядывать впередъ. Но я говорилъ о торжествѣ высшей духовной культуры. Побѣдитъ тотъ, кто заслуживаетъ побѣды.

Писатель. Знаю, слышалъ. «Вся добродѣтель народа проявляется на полѣ битвы. Онъ тамъ весь. Если онъ побѣжденъ, значитъ, его побѣдитель былъ нравственнѣе, дѣятельнѣй, проницательнѣй, умнѣе и храбрѣе». Такъ писалъ въ свое время Викторъ Кузенъ. Защитниковъ этого взгляда всегда въ изобиліи поставляетъ самая могущественная военная держава даннаго историческаго періода: до 1870 г. Франція, теперь Германія, въ отдаленномъ будущемъ, быть можетъ, Россія. Опровергнуть это положеніе трудно: оно прочно забронировано отъ логики непроницаемымъ панцыремъ національнаго самохвальства... Мы говоримъ, что въ 1866 г. побѣдилъ прусскій школьный учитель. Интересно было бы однако увидѣть армію, состоящую изъ Ньютоновъ и Гете, хотя бы и въ призывномъ возрастѣ. Не абиссинскій ли школьный учитель побѣдилъ итальянцевъ Баратьери? Не турецкій ли школьный учитель создалъ боевую славу Турціи? Мы говоримъ, что свободный, культурный человѣкъ, какъ солдатъ, цѣннѣе, чѣмъ вымуштрованный рабъ или заведенный автоматъ. Однако, германскіе автоматы завоевали Бельгію и часть Франціи. Нынѣшняя война, революціонизиру-

ющая всѣ области, всѣ догмы, всѣ привычки нашего мышленія, вѣроятно, произведетъ переворотъ и въ этой спеціальной идеологіи. Я склоненъ думать, что для побѣды скорѣе нуженъ извѣстный juste milieu умственной культуры и политической свободы.

Химикъ. Для побѣды въ первую очередь нужно сознаніе правоты своего дѣла.

Писатель. Сознаніе или иллюзія? Въ роковой день Шарлеруа прусская гвардія столкнулась съ сенегальскими стрѣлками. Въ этотъ день, по странному капризу случая, прогрессъ и свободу защищали африканскіе дикари, тогда какъ реакція и насиліе были представлены въ образѣ культурныхъ бароновъ, вышедшихъ изъ Боннскаго Университета и изъ военныхъ академій... —«Наше дѣло правое», говорятъ нѣмцы, «Крупповскія Берты защищаютъ его вѣскими аргументами (60 пудовъ каждый). А такъ какъ французы могутъ противопоставить имъ лишь Шнейдеровскіе доводы по 30 пудовъ штука, то правота нашего дѣла и превосходство нашей цивилизаціи не подлежатъ никакому сомнѣнію». Такъ откровенно, впрочемъ, нѣмцы не выражаются: это не принято. Но таковъ единственный смыслъ нынѣшнихъ рѣчей: говорятъ же теперь (и вполнѣ серьезно) о *моральномъ* значеніи отдѣльныхъ побѣдъ или о *симпатіяхъ*, порождаемыхъ ими въ нейтральныхъ странахъ. При общей оцѣнкѣ шансовъ враждующихъ сторонъ обыкновенно начинаютъ съ идейныхъ и моральныхъ оцѣнокъ, а затѣмъ незамѣтно, почти безсознательно, переходятъ къ подсчету штыковъ и къ взвѣшиванію металлическихъ аргументовъ. Сраженіе на Марнѣ, къ счастью, было выиграно французами. Но если бы у нѣмцевъ оказалось еще полмилліона солдатъ, еще двѣ тысячи пушекъ, Парижъ могъ бы быть взятъ. Для

меня и въ этомъ случаѣ превосходство французской цивилизаціи надъ нѣмецкой осталось бы столь же несомнѣннымъ. Кѣмъ, гдѣ и когда была установлена прямая пропюрціональность между силой и правомъ въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ?

Химикъ. Значитъ, вы стоите за Бисмарковскую формулу: «сила выше права»?

Писатель. Бисмарковскую? До Бисмарка ее высказалъ Лассаль («Kraft macht Recht»), а до Лассаля—Гете («Man hat Gewalt, so hat man Recht»).

Химикъ. Трогательная нѣмецкая тріада: канцлеръ, агитаторъ и поэтъ.

Писатель. То же самое говоритъ французъ Прудонъ («la force prime le droit»), а еще сильнѣе выражается другой французъ Гюставъ Лебонъ («le droit est la violence qui dure»). Не напоминаю о союзномъ Гоббсѣ и о дружественномъ Спинозѣ. У Лассаля есть остроумная отповѣдь цѣломудреннымъ нѣмцамъ, которые корили его этой формулой.—Если-бъ я создавалъ міръ,—говоритъ Лассаль,—честное слово, я бы устроилъ его иначе: въ моемъ мірѣ право было бы выше силы. Но, къ сожалѣнію, я не принималъ участія въ сотвореніи міра.

Химикъ. Въ такомъ случаѣ надо быть послѣдовательнымъ: значитъ, фраза о клочкѣ бумаги, сказанная Бетманомъ-Гольвегомъ англійскому послу, является точнымъ отраженіемъ правовыхъ нормъ?

Писатель. Существующихъ нынѣ правовыхъ нормъ—разумѣется. Поистинѣ, примѣръ стойкой любви къ наукѣ являютъ тѣ ученые профессора, которые теперь съ самымъ серьезнымъ видомъ читаютъ международное право. Это не мѣшаетъ, конечно, фразѣ Бет-

мана-Гольвега быть промахомъ. Циничныя максимы государственной мудрости канцлеры должны держать про себя или въ крайнемъ случаѣ оставлять для посмертныхъ мемуаровъ (и то нѣтъ: настоящій политическихъ дѣлъ мастеръ—Талейранъ—оставилъ послѣ себя мемуары такой голубиной чистоты, точно ихъ писала Тургеневская Лиза). Щеголять же «цинизмомъ» передъ хладнокровнымъ, осторожнымъ противникомъ, готовымъ ухватиться за всякое слово, это безспорно неудачная мысль; особенно въ такіе дни, когда сочувствіе общественнаго мнѣнія цѣнится на вѣсъ золота (даже въ буквальномъ смыслѣ, ибо можно заключить заемъ). Канцлеры должны твердо помнить, что божественное лицемѣріе—основа государственнаго бытія. Недаромъ Наполеонъ считалъ недопустимымъ сценическое представленіе «Тартюфа»... Мы имѣемъ возможность вернуться къ нѣмецкой культурѣ.

Химикъ. Я перебью васъ. Прошу не смѣшивать меня съ вульгарными нѣмцеѣдами,—это слишкомъ бы облегчило вашу высокогуманиую позицію въ спорѣ. Нѣмецкую культуру безъ кавычекъ я высоко цѣнилъ и цѣню. Но Божескія почести генералу Гинденбургу для нея весьма тревожный симптомъ. Побѣдивъ одну Францію, Германія, по свидѣтельству Ницше, поглупѣла. Еслибъ она побѣдила весь міръ, она, навѣрное, стала бы слабоумной. Меня глубоко возмущаетъ гигантская переоцѣнка цѣнностей, произошедшая на нашихъ глазахъ въ Германіи. Вмѣсто идеализма выросъ націонализмъ, вмѣсто Канта—Круппъ и вмѣсто Шиллера—шуцманъ.

Писатель. Позвольте вамъ замѣтить, что ваша параллель, вполнѣ удовлетворяя потребностямъ дня, врядъ ли можетъ претендовать на особую глубину или на историческую вѣрность. Пресловутый гимнъ «Deutsch-

land, Deutschland über alles» написанъ радикаломъ Гофманомъ фонъ-Фаллерслебенъ въ самый разгаръ идеалистическаго движенія и положенъ на музыку набожнѣйшаго изъ идеалистовъ Гайдна. Фихте, убѣжденный и крайній націоналистъ, вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-аншефъ нѣмецкаго идеализма, нѣчто вродѣ его Клаузевитца... Кстати о Клаузевитцѣ. Знаете ли вы, что этотъ знаменитый русско-прусскій генералъ, которому глубокое знаніе военной теоріи не помѣшало попасть въ плѣнъ къ Наполеону, былъ философъ и кантіанецъ?... Та Германія, гдѣ «аптекарь не способенъ приготовить лѣкарство, не сознавая связи своей дѣятельности съ бытіемъ вселенной», существовала больше въ воображеніи Фр. Альбр. Ланге. Я не поклянусь, что Шиллеръ отказался бы подписаться подъ воззваніемъ германскихъ мыслителей. Авторъ «Потонувшаго колокола»— носитель тѣхъ же традицій, что и авторъ «Колокола»-просто; ихъ подписи приблизительно равноцѣнны. Бѣда именно въ томъ, что идейные колокола звонятъ сами по себѣ, а эмпирическіе звонари живутъ тоже сами по себѣ, и цѣпь, которая связываетъ аптекаря съ бытіемъ вселенной, отличается чрезвычайной гибкостью. Свою связь съ вселенной аптекарь сознаетъ сегодня такъ, а завтра иначе; лѣкарства же онъ готовитъ сообразно съ потребностями той улицы, на которой расположена его аптека.

Химикъ. Изъ насъ двоихъ, оказывается, вульгарный нѣмцеѣдъ не я, а вы. Одинъ нашъ профессоръ не очень давно разоблачилъ Канта, отыскавъ между строкъ «Критики Чистаго Разума» подробнѣйшій планъ крупповскихъ заводовъ (это открытіе, кстати сказать, самостоятельно сдѣлалъ во Франціи Эмиль Бутру). Англійскій публицистъ Остинъ Гарри-

сонъ въ своей книгѣ «The Kaiser's War» документально доказалъ, что моральную отвѣтственность за войну и военную идеологію несетъ Карлъ Марксъ. Французскій писатель Луи Бертранъ обвиняетъ въ тѣхъ же грѣхахъ Гете. А вы—всю нѣмецкую мысль?

Писатель. Вы совершенно меня не поняли. Я именно и доказываю, что звонъ не всегда отвѣчаетъ за звонаря. Любопытно, однако, то, что въ погромѣ нѣмецкой мысли принимаютъ живѣйшее участіе сами нѣмцы. По словамъ Гергардта Гауптмана, каждый германскій солдатъ, отправляясь на войну, уноситъ въ своемъ походномъ ранцѣ книгу,—вы думаете, томикъ Самарова, Блема, Омптеды или другого военнаго беллетриста? Нѣтъ, кто Лютера, кто Шопенгауера, кто Гете. Это Гауптманъ приводитъ, разумѣется, въ доказательство высокой культуры германскаго солдата. Я предполагаю, что авторъ «Извозчика Геншеля» долженъ знать свой народъ, и не смѣю ему не вѣрить. Но мнѣ хотѣлось бы выяснить, кого собственно поноситъ Гауптманъ: нѣмецкую мысль или нѣмецкую армію. Если человѣкъ, передъ тѣмъ какъ угостить непріятеля струей горящаго керосина, прочитываетъ Нагорную Проповѣдь, то это несомнѣнное кощунство. Если же онъ передъ аттакой, отправляясь умереть за кайзера, взвинчиваетъ себя чтеніемъ «Aphorismen zur Lebensweisheit», то, значитъ, онъ идіотъ. Помнится, Гауптманъ упомянулъ еще про Заратустру. Бѣдный «профессоръ экстраординарной философіи»! Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда одновременно были въ модѣ Марксъ и Нитцше, въ Заратустрѣ находили чуть ли не всѣ пункты Эрфуртской программы. Теперь изъ него цѣликомъ выведены гимнъ Лиссауера и трактатъ генерала Бернгарди... Діонисовское начало

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

въ пониманіи прусскаго фельдфебеля. Bestia blonde въ стальной каскѣ. Думалъ-ли Нитцше, что изъ него будутъ стрѣлять, какъ изъ 42-сантиметроваго орудія? Тотъ Нитцше, который сказалъ: «Лишь тамъ начинается человѣкъ, гдѣ кончается государство»...

Химикъ. Итакъ, по-вашему, нѣмцы сегодня то же, что они были вчера?

Писатель. По-моему, взрывъ коллективнаго умопомѣшательства, которымъ мы нынѣ любуемся, возможенъ во всякое время и—увы!—не только въ Германіи.

Химикъ. Неужели вамъ не совѣстно говорить о «коллективномъ умопомѣшательствѣ»? Это противоставленіе своихъ взглядовъ голосу заблуждающагося міра имѣетъ всегда, извините меня, нѣсколько комическій характеръ. Могу васъ увѣрить, что не вы одни замѣчаете темныя пятна развертывающейся передъ нами гигантской картины. Для того, чтобы ихъ замѣтить, не нужно особой проницательности или чрезмѣрной тонкости ума. Но мы о нихъ молчимъ, помня мудрое правило Риваролля: «Разумъ слагается изъ истинъ, о которыхъ надо говорить, и изъ истинъ, о которыхъ надо молчать». Вы же изъ-за нѣсколькихъ безобразныхъ деревьевъ не видите великаго прекраснаго лѣса.

Писатель. Я надѣюсь, что вы мнѣ его покажете.

Химикъ. Кто не хочетъ видѣть, тотъ безнадежно слѣпъ... Какъ можно говорить о «коллективномъ умопомѣшательствѣ» въ дни небывалаго роста сознательности народныхъ массъ? Вы найдете теперь газету въ самой глухой деревушкѣ Сибири.

Писатель. Надо поздравить деревушку. Настало, значитъ, время, когда сибирскій мужикъ понесъ съ

базара—правда, не Бѣлинскаго и Гоголя, но передовую статью г. Суворина и военный романъ г. Брешко-Брешковскаго. Культурный прогрессъ, повидимому, сводится къ уменьшенію разницы въ умственномъ ростѣ между толпой и образованнымъ меньшинствомъ. Это уменьшеніе можетъ быть достигнуто повышеніемъ уровня толпы и пониженіемъ уровня меньшинства. Слѣдуетъ признать, что мы идемъ по второму пути нѣсколько быстрѣе, чѣмъ по первому. Умнѣйшій человѣкъ умнѣйшей страны въ мірѣ—я говорю объ Анатолѣ Франсѣ—въ свое время рекомендовалъ разсматривать политическія явленія «съ точки зрѣнія Сиріуса». Теперь онъ ихъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія газеты «Matin». Я, впрочемъ, всегда думалъ, что первое правило человѣка, чрезмѣрно дорожащаго логикой,— не брать уроковъ этой науки у великихъ людей.

Химикъ. Признаюсь, новый Анатоль Франсъ мнѣ нравится гораздо лучше.

Писатель. О вкусахъ не спорятъ.

Химикъ. Да, лучше. Иронически-благодушная улыбка на устахъ француза показалась бы нынѣ сквернoй гримасой. Позвольте и васъ спросить,—вы къ тому же не Анатоль Франсъ: во имя какого Сиріуса вы иронизируете надъ нынѣшними событіями? Неужели великое народное бѣдствіе можетъ служить темой для иронiи?

Писатель. Аргументы ad hominem позвольте отклонить. Не будемъ горячиться и, главное, не будемъ ничего преувеличивать. Мы всѣ съ войной немного обжились и даже вы, вѣроятно, не цѣлыя ночи напролетъ точите слезы о великомъ народномъ бѣдствіи. — «Что такое общественное несчастье по сравненію съ личной непріятностью?»—сказалъ генералъ де-Сегюръ

видный актеръ наполеоновской трагедіи, человѣкъ, проливавшій свою кровь, а не слезы, не чернила... и не кислоты.

Химикъ. А тѣмъ болѣе—по сравненію съ личнымъ благоденствіемъ, не правда-ли? На фронтѣ — адъ и смерть, но въ тылу развеселое житье... пока тылъ не сталъ фронтомъ.

Писатель. Такъ въ балетѣ «Корсаръ» люди танцуютъ на тонущемъ кораблѣ...—«Le monde est un grand naufrage, la devise des hommes est sauve qui peut»,— говоритъ вѣчный Вольтеръ. Въ дни величайшаго крушенія исторіи пусть каждый спасается, какъ можетъ. Вы ушли въ военно-промышленный комитетъ, – я цѣню и одобряю. Но покорный слуга вашъ не химикъ и вышелъ изъ призывного возраста: разрѣшите мнѣ удалиться въ глубь библіотеки, снявъ съ полки хотя бы Экклезіаста.

Химикъ. Сдѣлайте одолженіе. Что, однако, если въ глубь вашей библіотеки ворвется нѣмецкій уланъ?

Писатель. И въ этомъ мало вѣроятномъ случаѣ мнѣ не удастся обезсмертить себя новымъ Noli turbare, такъ какъ я уѣду двумя днями раньше. Я, впрочемъ, и не думаю иронизировать надъ народнымъ бѣдствіемъ, что было бы, разумѣется, и глупо, и безсовѣстно. Но когда рѣчь заходитъ о внѣшней политикѣ, я вспоминаю слова Бомарше, повторенныя при трагическихъ обстоятельствахъ Наполеономъ: Rions en pour ne pas en pleurer. Если есть область, въ которую за нѣсколько тысячъ лѣтъ исторіи не проникло ни одно новое слово, то именно царство внѣшней политики. Аксіомы, освященныя мудростью вѣковъ, гласятъ, что государство тѣмъ счастливѣе, чѣмъ оно больше, и что ему тѣмъ лучше, чѣмъ хуже его сосѣдямъ. Къ

этому испоконъ вѣка сводится вся практика международныхъ отношеній; и вотъ почему шифрованныя соображенія господъ дипломатовъ неизмѣнно проникнуты особымъ затхлымъ провинціализмомъ, а самыя «глубокія» идеи знаменитыхъ мастеровъ иностранной политики всегда оказываются на уровнѣ пониманія средняго читателя средняго органа желтой или черной прессы. Я восхищаюсь той легкостью, съ которой разные Вольтеры превратились внезапно въ фельдфебелей. Вы жалуетесь, что нѣмцы «перемѣнились». А вы сами, старый либералъ - идеалистъ? Вы ничему не научились, но все позабыли. Боже мой, какъ много вы забыли! Если-бъ я редактировалъ газету, я, быть можетъ, попробовалъ бы печатать на первой страницѣ выдержки изъ каноновъ нашего политическаго идеализма. Боюсь, онѣ теперь производили-бъ впечатлѣніе неумѣстной и безтактной шутки. Два человѣка, два знаменитыхъ писателя, осмѣлились въ 1914 голу говорить языкомъ, точно выражавшимъ ихъ прежнюю связь съ міромъ. Обоихъ улица сейчасъ же обвинила во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ до инородческаго происхожденія включительно. Перваго хоть подѣломъ, потому что Бернардъ Шоу дѣйствительно ирландецъ; а второго опорочили безвинно, ибо Ромэнъ Ролланъ коренной французъ.

Химикъ. Я не читалъ статей Роллана въ швейцарской прессѣ, вызвавшихъ негодованіе во Франціи...

Писатель. Очаровательный Жоржъ Онэ такъ и пишетъ объ авторѣ «Au dessus de la mêlée»: «его *упрекаютъ* въ томъ, что онъ швейцарецъ».

Химикъ. Но памфлетъ Бернарда Шоу «Здравый

смыслъ о войнѣ» я прочелъ и нахожу его возмутительнымъ. Это плохо скрытое англійское «пораженчество».

Писатель. Вовсе нѣтъ. Бернардъ Шоу желаетъ полнаго разгрома нѣмецкаго милитаризма. Я бы сокращенно выразилъ его «плохо скрытую» точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ: «хуже побѣды Россіи есть только одно: это побѣда Германіи». Разумѣется, подобная точка зрѣнія для насъ обидна и не заслужена русскимъ обществомъ. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю: русское общество сфинксъ, а каждый передовикъ къ нему Эдипъ; я не передовикъ и не Эдипъ но, какъ членъ русскаго общества, не принимаю воззрѣній Шоу. Не закрываю глазъ и на забавную сторону его выступленія: Бернардъ Шоу, всю жизнь потѣшавшійся надъ миссъ Гренди, получилъ достойное возмездіе: онъ нынѣ, какъ Францискъ Ассизскій, проповѣдуетъ Евангелье птичкамъ... и разнымъ другимъ животнымъ. Мы, впрочемъ, говорили не о Шоу, а о нѣмецкой культурѣ. Предлагаю вамъ новую, свѣжую, никѣмъ еще не использованную тему—воззваніе 93-хъ германскихъ мыслителей.

Химикъ. Когда я впервые прочелъ этотъ грубый, наглый вызовъ истинѣ и здравому смыслу, мнѣ стало больно, почти до слезъ больно, за подписавшихъ его знаменитыхъ стариковъ, за человѣческую мысль, за достоинство науки.

Писатель. Манифестъ германскихъ мыслителей прежде всего глупъ; это его главный недостатокъ. Но онъ глупъ *типично:* его глупость защитнаго цвѣта.

Химикъ. Нѣмецкій жанръ: feldgrauer Idiotismus.

Писатель. Скажемъ лучше—жанръ 1914 года. Защитный цвѣтъ одинъ и тотъ же во всѣхъ странахъ.

Съ внѣшней стороны «манифестъ» недуренъ. Онъ отъ Гергардта Гауптмана заимствовалъ энергію драматической формы («Euch, die Ihr uns kennt... Euch rufen wir zu: Glaubt uns, Glaubt..!»), отъ Зигфрида Вагнера—гробовую музыкальность стиля («Es ist nicht wahr...», «Es ist nicht wahr...», «Es ist nicht wahr...»), отъ Рихарда Демеля — образность отдѣльныхъ выраженій («der eherne Mund der Ereignisse»). Францъ Штуккъ изобразилъ волшебной кистью Вильгельма II въ образѣ ангела мира съ бѣлыми крылышками на плечахъ. Карлъ Лампрехтъ выяснилъ благодѣтельную роль нѣмецкаго милитаризма въ исторіи. Лабандъ и Листъ доказали юридическую правоту Германіи, Гарнакъ поклялся въ ней на протестантской библіи, а Кнепфлеръ —на католической. Наконецъ, Эйкенъ, Риль и Виндельбандъ наложили печать мягкаго, кантіанскаго идеализма на трогательное заключеніе манифеста, въ которомъ нѣсколько неожиданно появляется «высшее достояніе человѣчества» («der höchste Besitz der Menschheit») и «наслѣдіе Гете, Бетховена, Канта» («das Vermächtniss eines Goethe, eines Beethoven, eines Kant»)... Въ общемъ, довольно плохое разсужденіе на тему о любви къ отечеству и народной гордости, примѣненное, какъ водится, къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Habent sua fata libelli. И даже не pro capite lectoris. Рѣшающимъ элементомъ является не книга, не читатель, а время: дата обезпечиваетъ безсмертіе нѣмецкому манифесту.

Химикъ. Скорѣе имена его авторовъ.

Писатель. Лучшая часть воззванія, безспорно, подписи. Авторовъ нужно, по моему, раздѣлить на нѣсколько группъ. Представителемъ первой, самой немногочисленной, я бы назвалъ знаменитаго геттин-

генскаго математика Феликса Клейна. Объ этомъ ученомъ кто-то замѣтилъ, что во всемъ мірѣ онъ можетъ говорить, не прибѣгая къ популяризаціи своихъ мыслей, съ однимъ лишь Анри Пуанкарэ. Года два тому назадъ Пуанкарэ скончался, и теперь Клейну вовсе не съ кѣмъ говорить: его никто не понимаетъ. Но зато и онъ никого и ничего не понимаетъ. Феликсъ Клейнъ живетъ въ мірѣ четвертаго измѣренія, уравненій седьмой степени и теоріи икосаэдра. Въ сентябрѣ 1914 года къ нему пришли юркіе люди, сказали, что началась война и что нужно подписать манифестъ. Онъ, вѣроятно, съ полной готовностью подписалъ поданную ему бумажку и снова углубился въ теорію икосаэдра. Съ этого геніальнаго маніака, разумѣется, нечего спрашивать.

Химикъ. Къ какой категоріи причисляете вы профессора Оствальда?

Писатель. Онъ васъ интересуетъ, какъ собратъ по спеціальности?

Химикъ. Нѣтъ, не поэтому. Когда я впервые прочелъ во французской газетѣ о шведскомъ интервью Оствальда, я отказывался вѣрить извѣстію, тѣмъ болѣе, что, по нѣкоторой беззаботности насчетъ науки, газета упорно называла знаменитаго химика Остервальдомъ. Обратите вниманіе на слѣдующее. Во первыхъ, Оствальдъ нѣмецъ только по крови; онъ родился и долго жилъ въ Россіи. На послѣднемъ Менделѣевскомъ съѣздѣ академикъ П. И. Вальденъ величалъ его «гордостью русской науки». Во вторыхъ, Оствальдъ не дворянинъ и даже не пожалованный «фонъ»; онъ сынъ бѣднаго ремесленника и очень этимъ гордится. Въ третьихъ, Оствальдъ не консерваторъ, не Excellenz и не придворный; онъ столпъ нѣмецкаго либерализма, фрондеръ по на-

турѣ, достаточно mal vu въ правительственныхъ кругахъ. Въ четвертыхъ, Оствальдъ не гелертеръ обычнаго нѣмецкаго типа; одинъ изъ создателей современной физико-химіи, онъ давно оставилъ эту науку и занялся философіей, затѣмъ сталъ писать интересные психологическіе этюды, а въ самое послѣднее время увлекался живописью и—въ качествѣ предсѣдателя нѣмецкаго союза монистовъ—проповѣдью. До войны Оствальдъ высказывался, какъ убѣжденный пасифистъ. Онъ выводилъ необходимость общаго разоруженія изъ принциповъ энергетики,—кто къ чему, а солдатъ къ солонинѣ,—въ частности изъ своего любимаго научно-философскаго дѣтища, изъ такъ называемаго энергетическаго императива. «Совершенное устраненіе какъ потенціальной, такъ и настоящей войны», писалъ онъ въ своей книгѣ «Философія цѣнностей», вышедшей наканунѣ мірового конфликта, «безусловно въ духѣ энергетическаго императива и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ культурныхъ задачъ нашего времени». И этотъ-то vir animo liber современной ученой Германіи выступаетъ нынѣ съ проектомъ переустройства Европы на началахъ ея подчиненія союзу центральныхъ державъ съ Германіей во главѣ!

Писатель. Въ настоящее время каждый генералъ имѣетъ свой планъ радикальной перемѣны міровой карты. Профессора, повидимому, не желаютъ отстать отъ генераловъ и не менѣе усердно работаютъ надъ составленіемъ различныхъ проектовъ и надъ подысканіемъ къ нимъ аргументовъ политическихъ, экономическихъ, географическихъ и историческихъ. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Это развѣ только чуточку смѣшно. Смѣшно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, медвѣдь, шкуру котораго дѣлятъ, пока еще ры-

читъ довольно грозно; а во-вторыхъ, если медвѣдь издохнетъ, то у профессоровъ, навѣрное, не спросятъ совѣта насчетъ дѣлежа шкуры. У генераловъ спросятъ, а у профессоровъ не спросятъ.

Химикъ. Оствальдъ исходитъ изъ мысли о культурно-соціальномъ мессіанизмѣ нѣмцевъ: «Русскіе, - говоритъ онъ,— еще находятся въ состояніи орды. Французы и англичане не вышли изъ стадіи индивидуализма. Германія же успѣла подняться до организаціонной ступени культуры. Она создастъ идеи коллективнаго труда и вся Европа пожнетъ плоды ея грандіознаго предпріятія». Въ чемъ же, позвольте спросить, заключается организаціонная культура, которой такъ гордится Оствальдъ? Теперь установился обычай отрицать огульно заслуги нѣмцевъ на поприщѣ науки, искусства, литературы. Одинъ французскій публицистъ недавно доказывалъ, что нѣмцы дали міру только плагіаторовъ или въ лучшемъ случаѣ подражателей. Гете, оказывается, важнѣйшее позаимствовалъ у Шекспира, Шопенгауеръ всѣмъ обязанъ Вольтеру. У насъ тоже г. Меньшиковъ разъяснилъ «позоръ Германіи» подробнымъ анализомъ «Фауста», въ которомъ усмотрѣлъ главнымъ образомъ «чисто свиную психологію молодящагося старичка». Это пустое сквернословіе слѣдовало бы оставить. При критикѣ нѣмцевъ намъ, русскимъ, должно руководиться двумя поэтическими изреченіями: «будь строгъ, но будь уменъ» и «я правду о тебѣ поразскажу такую, что хуже всякой лжи»... Мнѣ хорошо извѣстны точность нѣмецкихъ поѣздовъ, удобства гостинницъ, преимущества освѣщенія и канализаціи, чистота домовъ, ресторановъ, обиліе и дешевизна товаровъ. Но вѣдь не это профессоръ Оствальдъ собирается насаждать въ завое-

ванномъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, всѣ эти блага недоступны для народовъ, не надѣленныхъ германскимъ Methodengeist'омъ. Дѣло идетъ, разумѣется, о соціально-политической организаціи страны. И я себя спрашиваю со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ, чѣмъ мы до сихъ поръ обязаны Германіи въ этомъ отношеніи. Англія дала міру свободу слова, и свободу совѣсти, habeas corpus и право убѣжища, самоуправленіе и народное законодательство. О Франціи говорить нечего: она почти полтора столѣтія служитъ лабораторіей великихъ соціально-политическихъ опытовъ. Но нѣмецкія страны, въ теченіе 18, 19 и 20 вѣковъ, отъ Меттерниха до Бисмарка, отъ герцога Брауншвейгскаго до Вильгельма II. были храмомъ реакціи, гдѣ распутныя весталки безпрестанно гасили огонь, который цивилизованные люди считаютъ священнымъ. Милитаризмъ, націонализмъ, шовинизмъ, гакатизмъ, антисемитизмъ,—всѣ эти измы, если не были созданы въ Германіи, то непремѣнно разцвѣтали въ ней особенно пышнымъ блескомъ (invention étrangère, fabrication allemande, какъ написано на стрѣлахъ нѣмецкихъ авіаторовъ). Въ частности, и новѣйшая исторія Россіи знаетъ рядъ датъ, которыя долго еще будутъ вызывать благодарное воспоминаніе о Потсдамѣ: двѣ послѣднія относятся къ 1881 и къ 1905 годамъ. Въ русскомъ языкѣ слова конституція и парламентъ имѣютъ французскій или латинскій корень; изъ нѣмецкаго же языка заимствованы штрафъ, тюрьма (Turm), цейхгаузъ, вахмистръ, гауптвахта, шпитцрутены, полицеймейстеръ.

Писатель. Германская цивилизація, съ нѣкоторыхъ поръ завоевывающая міръ почти во всѣхъ областяхъ проявленія человѣческой дѣятельности, естественно обладаетъ свойствами могущественной циви-

лизаціи — parvenue. У нея нѣтъ аристократической самоувѣренности англійской культуры, нѣтъ того утонченнаго charme, того аромата очарованія, которымъ окружена старинная французская цивилизація, на мой взглядъ величайшая, во всякомъ случаѣ наиболѣе тонкая изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ. Общее мѣсто, усматривающее основную черту нѣмецкой жизни въ грубой практичности, въ сущности близко къ истинѣ,—какъ бо́льшая часть общихъ мѣстъ.

Химикъ. Эта черта проявляется въ любой мелочи. Во французскихъ общественныхъ мѣстахъ запрещеніе курить выражается въ формѣ слѣдующей надписи: «On est prié de ne pas fumer». Мягко, любезно, учтиво. Въ Германіи пишутъ: «Nicht rauchen» или «Rauchen verboten». Грубовато, зато практично: вмѣсто семи словъ два, что составляетъ чувствительную экономію картона и фарфора.

Писатель. У насъ пишутъ «курить строго воспрещается» или «курить строжайше воспрещается». Надпись выходитъ длиннѣе французской и грубѣе нѣмецкой. Зато, благодаря нашей конституціи, за двугривенный вы можете курить хотя бы въ пороховомъ погребѣ.

Химикъ. Черта, особенно характерная для германской психологіи, это сочетаніе страсти съ практичностью, Макса Пикколомини съ ловкимъ коммивояжеромъ. Вертеръ, самый сантиментальный изъ нѣмцевъ, писалъ другу восторженныя письма о Лоттѣ и одновременно закусывалъ бутербродомъ съ ветчиной. Левинъ, далеко не самый сантиментальный изъ русскихъ, не могъ, когда былъ влюбленъ въ Кити, проглотить куска калача. Французъ ѣлъ бы бутербродъ, но не

счелъ бы, вѣроятно, нужнымъ письменно оповѣщать объ этомъ своего друга. «Національная психологія познается изъ мелочей», говоритъ спеціалистъ по національной психологіи.

Писатель. Вѣроятно, поэтому она недорого стоитъ. Впрочемъ, указанная вами черта, повидимому, составляетъ одну изъ безспорныхъ особенностей германскаго народа, скажу даже, одну изъ тайнъ его всевозможныхъ успѣховъ. Это не мѣшаетъ нѣмцамъ, по старой привычкѣ 30-хъ годовъ и изъ любви къ романамъ Шпильгагена, гордиться званіемъ людей голубого неба. Такъ самая достойная, но и самая скучная въ мірѣ страна имѣетъ смѣлость называть себя «веселой Англіей»,—«merry England». Такъ наша родина, гдѣ творятся нигдѣ, кажется, невиданные и неслыханные ужасы, носитъ кличку «святой Руси»... Что касается нѣмецкой политической организаціи, то она естественно отражаетъ тѣ же черты грубоватаго порядка, удобной ясности и нѣкоторой примитивности, которыя свойственны повседневной жизни Германіи. Къ сказанному вами можно добавить, что и сами нѣмцы не всегда раздѣляли мнѣніе проф. Оствальда о преимуществѣ германской соціально-политической формы. Берне, Гейне, Руге, Вейтлингъ, Гервегъ, Марксъ, Энгельсъ, Бернштейнъ, Либкнехтъ провели значительную часть жизни въ странахъ гнилого индивидуализма —по причинамъ, хорошо извѣстнымъ проф. Оствальду. Много ли французовъ и англичанъ переселялось въ Германію, чтобы наслаждаться благами высшей организаціонной культуры?

Химикъ. Какіе ужъ тамъ французы и англичане. Замѣтьте, даже по отношенію къ намъ, русскимъ, нѣмцы всегда являлись элементомъ глубоко реакціон-

нымъ. Въ настоящеее время, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, порядочному человѣку какъ-то неловко обличать внутренняго нѣмца. Но все же я не могу забыть зловѣщую роль, сыгранную въ нашей исторіи русскими дѣятелями нѣмецкаго происхожденія, отъ Бирона до Плеве, отъ Клейнмихеля до Ренненкампфа. Я вспоминаю, что въ декабрьскіе дни 1905 года главная работа по репрессіямъ была поручена Риманамъ и Минамъ. Я вспоминаю и то, что въ декабрьскіе дни 1825 года русскіе командиры корпусовъ были замѣщены нѣмцами. Возстаніе Черниговскаго полка, поднятое С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, было подавлено силами генерала барона Гейсмара...

Писатель. Вы и правы, и нѣтъ. Судя о людяхъ по фамиліи, вы подбираете эти фамиліи пристрастно. Говоря о декабристахъ, вы могли бы, напримѣръ вспомнить, какъ звали ихъ главнаго вождя. Рядомъ съ Бирономъ и Плеве у насъ были съ одной стороны Аракчеевы и Дурново, а съ другой—Аргольды, Фигнеры, Ашенбреннеры, Шмидты. Въ связи съ этимъ—любопытное сопоставленіе. Фамиліи тевтонскихъ воителей: ген. Кусманекъ, ген. Потіорекъ, ген. Пухало, ген. Бюловъ, ген. Беловъ, ген. Шметтовъ (нѣмецкія фамиліи на овъ, по словамъ этнографовъ, свидѣтельствуютъ о славянскомъ происхожденіи), ген. Франсуа, адм. Сушонъ, графъ де-Сегюръ, графъ Кинскій, графъ Разумовскій, князь Лихновскій. Фамиліи воителей славянскихъ: ген. Эвертъ, адм. Эссенъ, ген. Шварцъ, ген. Плеве, адм. Эбергардтъ, ген. Ренненкампфъ, ген. фонъ-деръ-Роопъ, ген. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ и т. д. Ваша химія еще не научилась искусству дозировать человѣческую кровь по національности. Иначе я спросилъ бы васъ, сколько нѣмецкой крови текло, напри-

мѣръ, въ жилахъ Пушкина, внука Христины фонъ-Шебергъ, Герцена, Михайловскаго—сыновей нѣмокъ и т. д. «Имя—звукъ и дымъ», говоритъ Фаустъ (обратите, кстати, вниманіе на фамилію героя нѣмецкой національной поэмы: Faust значитъ кулакъ—вотъ они, швабы).. Интересно, что идейные антиподы Марксовъ и Либкнехтовъ плохо раздѣляютъ восторженную вѣру профессора Оствальда въ провиденціальную функцію Германіи: tu regere imperio populos Germane memento. По крайней мѣрѣ, князь Бюловъ прямо заявляетъ, что нѣмцы не надѣлены даромъ соціально-политическаго строительства... Но это не мѣшаетъ Оствальду проповѣдывать «свободный союзъ государствъ съ Германіей во главѣ».. Эвфемизмъ недуренъ.

Химикъ. Онъ значитъ, разумѣется, «всемірная имперія Гогенцоллерновъ».

Писатель. Да, конечно, трудно допустить, чтобы Вильгельмъ II, вернувшись «im Siegeskranz» въ Берлинъ послѣ тріумфальнаго шествія по Лондону, Парижу и Москвѣ, немедленно пригласилъ союзъ монистовъ для переустройства Европы на новыхъ началахъ. Едва ли можно разсчитывать и на то, что въ результатѣ побѣдоносной для Германіи войны династія Гогенцоллерновъ замѣнится республикой или династіей Оствальдовъ.

Химикъ. Всемірный союзъ государствъ съ однимъ монархомъ во главѣ...

Писатель. Мысль старая и безумная, какъ міръ.

Химикъ. Александръ Македонскій пробовалъ создать міровую имперію, не удалось,—діадохи перессорились; Юлій Цезарь пробовалъ, тоже не удалось,—зарѣзали друзья; Наполеонъ пробовалъ, опять не удалось,—умеръ на Св. Еленѣ. Какъ хватаетъ смѣлости повторять такую попытку? Именно въ этой грандіоз-

ности замысла заключается тотъ престижъ, которымъ окружена въ настоящее время личность германскаго императора.

Писатель. Самымъ трезвымъ людямъ трудно нацѣло «абстрагировать» человѣка отъ его общественнаго удѣльнаго вѣса. Въ «Аметистовомъ Перстнѣ» Анатоля Франса выведенъ воинственный маіоръ Rara, который на каждомъ шагу неизвѣстно о комъ повторяетъ «Ils entendront parler de moi, ces cocos là!», «Il faut que j'en crève un!» и т. д. Маіоръ Rara—комическій персонажъ. Предположите однако, что въ его безконтрольномъ распоряженіи десять милліоновъ солдатъ и самая грозная военная машина въ мірѣ,—комическій элементъ сильно ослабѣетъ. Но признавать за Rara на этомъ основаніи талантъ или даже геній—все равно, что опредѣлять въ пять верстъ ростъ человѣка, стоящаго на Монбланѣ. Я прочелъ по случаю войны всѣ четыре тома рѣчей императора Вильгельма и, узнавъ изъ нихъ только то, что онъ убѣжденный монархистъ (это можно было предвидѣть), очень сожалѣю о потерянномъ времени. Мое общее впечатлѣніе: какой незамѣнимый передовикъ для «Вечерней Газеты» гибнетъ въ этомъ человѣкѣ. И какой прекрасный эпиграфъ могъ бы быть взятъ къ собранію его сочиненій изъ Толстовскаго «Воскресенія»: «генералъ занималъ такое видное первенствующее положеніе, что, какую бы глупость онъ ни сказалъ, ее принимали за умныя рѣчи» А вѣдь дѣйствительно принимали—и, если военное счастье вывезетъ, будутъ принимать и дальше, въ силу свойственнаго людямъ культа успѣха. Уже и до войны имѣлся цѣлый рядъ подробнѣйшихъ біографій Вильгельма II, комментирующихъ каждое его слово. Я ихъ не читалъ, вѣрный мудрому правилу Лихтен-

берга: «Если жизнеописаніе короля не было сожжено на кострѣ, то его можно и не читать»—«wenn eine Geschichte eines Königs nicht verbrannt worden ist, so mag ich sie nicht lesen». Но фактъ не подлежитъ сомнѣнію: написано о германскомъ императорѣ, навѣрное, въ сто разъ больше, чѣмъ хотя бы о Лихтенбергѣ. По этой черточкѣ будущій историкъ съумѣлъ бы возстановить нашу эпоху, «какъ Кювье возстановилъ скелетъ мамонта по одному позвонку»... Странная, однако, судьба Гогенцоллерновъ. Вильгельмъ I отправился покорять міръ на 75-мъ году жизни. Вильгельму II тоже, слава Богу, скоро седьмой десятокъ. Я не требую отъ потсдамскаго властелина, воспріявшаго въ пеленкахъ акушерки, вмѣстѣ съ божественнымъ правомъ, мистическую способность усвоенія скрытой отъ насъ воли Бога, я не требую отъ него, чтобы въ своемъ пониманіи счастья онъ подымался выше земного уровня. Я не лѣзу къ Вильгельму II съ моральными догматами Сократа, не показываю августѣйшему мудрецу входъ въ Діогенову бочку. Но я нахожу, что ему слишкомъ поздно вздумалось поиграть въ войну. «Въ ваши годы, милостивый государь, Наполеонъ давно умеръ»-сказалъ Флоке генералу Буланже; это язвительное замѣчаніе вызвало дружный смѣхъ въ парламентѣ: въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько смѣшонъ человѣкъ, который на шестомъ десяткѣ лѣтъ еще желаетъ «найти свой Тулонъ»... Тѣмъ не менѣе лишніе шансы на успѣхъ у Вильгельма II есть. Первый изъ нихъ — кронпринцъ. Александръ и Цезарь не оставили вовсе дѣтей, у Наполеона родился сынъ, когда всемірная имперія была *почти* готова. Но на мѣсто Вильгельма II уже запасенъ ничѣмъ не худшій Вильгельмъ III. Гогенцоллерны чадолюбивы и чадообильны; человѣчество можетъ быть спокойно:

оно обезпечено всемірными императорами на много времени впередъ. Если вѣрить нѣмецкому мыслителю, всякое историческое явленіе имѣетъ мѣсто дважды: одинъ разъ, какъ трагедія, другой разъ, какъ фарсъ. Явленію міровой имперіи предстоитъ, по Оствальду, другая участь. Оно трагедіей было трижды, а фарсомъ —съ кронпринцами въ заглавной роли—будетъ, повидимому, десятки и сотни разъ: фарсъ Вильгельмъ третій, фарсъ Вильгельмъ тридцатый, фарсъ Вильгельмъ трехсотый... Не будучи оптимистомъ, я все таки думаю, что оптимистъ Оствальдъ переоцѣниваетъ нелѣпость историческаго хода вещей. Можно многаго ждать отъ человѣческой глупости, но не слѣдуетъ ожидать отъ нея слишкомъ многаго.

Химикъ. Досадно, однако, что Оствальдъ не нарисовалъ болѣе подробно картины свѣтлаго будущаго Европы; было бы очень любопытно точно узнать, какъ именно нѣмцы станутъ насаждать въ завоеванномъ мірѣ блага высшей организаціонной культуры. Теперь, положимъ, германскій солдатъ держитъ въ одной рукѣ томикъ Гете, а въ другой спринцовку для горящаго керосина. Но вѣдь отъ необходимости употребленія спринцовки у него «сердце обливается кровью», какъ телеграфировалъ шутникъ Вильгельмъ президенту Вильсону послѣ сожженія Лувена. Слѣдовательно, для того, чтобы нѣмецкое сердце не изошло кровью окончательно, необходимо послѣ войны тотчасъ разбить спринцовку и остаться при одномъ томикѣ Гете,— не можетъ же проф. Оствальдъ отстать въ либерализмѣ отъ императора Вильгельма? Однако, разбить спринцовку опять таки нельзя, ибо французы и англичане, не понимающіе своего блага, упорно не хотятъ воспринять высшую организаціонную культуру и пред-

почитаютъ коснѣть въ своемъ поганомъ индивидуализмѣ. Какъ же быть? Повторяю, жаль, очень жаль, что проф. Оствальдъ, который такъ много занимался психологіей, не нарисовалъ подробнѣе картины будущаго насажденія высшей потсдамской культуры среди феллаховъ Парижа и Лондона.

Писатель. Вы ломитесь въ открытую дверь. Гораздо любопытнѣе совершенная *ненужность* разсужденій Оствальда.

Химикъ. Итакъ, къ какой же категоріи вы его относите?

Писатель. Я отношу его къ категоріи растерявшихся людей изъ породы неисправимыхъ оптимистовъ. Эта порода послѣдніе годы свирѣпствуетъ въ странѣ Шопенгауера (вотъ, кстати, кто навѣрное не подписалъ бы воззванія). Какъ оптимистъ, проф. Оствальдъ можетъ сравниться съ Вильгельмомъ II: онъ вѣритъ въ счастливую развязку каждаго акта исторической трагикомедіи такъ же твердо, какъ германскій императоръ. Конечно, этотъ веселенькій финалъ представляется обоимъ въ совершенно различномъ цвѣтѣ. Вильгельмъ II—реакціонеръ, набожный лютеранинъ и націоналистъ; проф. Оствальдъ—либералъ, свободный мыслитель и космополитъ. Вильгельмъ II ждетъ отъ войны посрамленія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; проф. Оствальдъ—перехода всего человѣчества къ нѣмецкой, т. е. высшей организаціи культуры. И оба, разумѣется, ждутъ желаннаго результата отъ побѣдъ германскихъ генераловъ. Разница между ними въ томъ, что въ страшномъ крушеніи 1914 г. первый сыгралъ роль машиниста, а второй—роль товарнаго груза. Въ одинъ злосчастный день съ балкона берлинскаго дворца

прозвучала воинственная рѣчь императора, заигралъ сигнальный рожокъ въ десяти тысячахъ нѣмецкихъ казармъ, забили въ бубны газетные звонари,—и куда дѣвался энергетическій императивъ проф. Оствальда? Жизнь пошла не туда, куда онъ ее приглашалъ; ее погнали совсѣмъ въ другое мѣсто. Исторія еще разъ повернула назадъ, на зло всѣмъ своимъ теоретикамъ. Въ такихъ случаяхъ мыслителю nella città dolente остается только одно: посыпать себѣ голову пепломъ (по крайней мѣрѣ фигурально). Но авторъ «Философіи цѣнностей» не можетъ съ этимъ помириться. Насилуя разумъ и факты, онъ присоединяется къ бравурному оркестру своей страны; болѣе того, ѣдетъ самостоятельно гастролировать въ Швецію и тамъ даетъ такой концертъ, что даже профессіональный барабанщикъ, Теодоръ Вольфъ, счелъ, говорятъ, нужнымъ охладить на страницахъ «Berliner Tageblatt'a» пылающія страсти профессора... Впрочемъ, Оствальдъ составляетъ исключеніе среди авторовъ воззванія. Внушительное ядро тамъ образуютъ юркіе люди. Эти всегда и во всемъ стоятъ на сторонѣ своего правительства или своей улицы (что чаще всего одно и то же). Къ чести нѣмецкой мысли, юркихъ людей оказалось довольно много среди лицъ, подписавшихъ манифестъ.

Химикъ. Отчего *къ чести*, неисправимый парадоксалистъ?

Писатель. Здѣсь нѣтъ никакого парадокса. Мнѣ совершенно понятно, почему Вильгельмъ II является идоломъ прусскаго феодальнаго дворянства: онъ самъ плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови. Я легко объясняю себѣ популярность германскаго императора въ средѣ духовной; такихъ благочестивыхъ рѣчей не произносилъ, навѣрное, ни Людовикъ Святой, ни Лю-

довикъ Благочестивый. Я могу понять и то, что исключительно бодрый оптимизмъ, свойственный Вильгельму II, нравится торгово-промышленной Германіи: во главѣ огромнаго процвѣтающаго предпріятія, какъ Deutschland G. m. b. H., недальновиднымъ акціонерамъ, разумѣется, пріятно видѣть столь жизнерадостнаго и самоувѣреннаго директора-распорядителя (у всѣхъ знаменитыхъ банкротовъ былъ именно такой темпераментъ). Наконецъ, чрезвычайная популярность императора среди нѣмокъ тоже совершенно въ порядкѣ вещей: всякая нѣмка занимается кухней, тряпками, ходитъ въ церковь и слѣдитъ за дѣтьми, и, когда преподанная съ высоты престола теорія четырехъ К говоритъ ей, что этимъ она выполняетъ нѣкій святой долгъ и пріобрѣтаетъ право на вѣчную признательность отечества, то, разумѣется, нѣмка не можетъ не чувствовать благодарной симпатіи къ автору указанной теоріи. Но если какой-нибудь Вундтъ, изучившій mit heissem Bemühn все, что доступно человѣческому уму, подвергшій анализу тысячи философскихъ системъ, въ результатѣ *искренно* приходитъ къ культу Вильгельма II и *убѣжденно* говоритъ: das ist der Weisheit letzter Schluss, то это явленіе врядъ ли можетъ внушить особенно радостныя чувства. И потому я утѣшаю себя надеждой, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ германскихъ ученыхъ болѣе или менѣе сознательно «нажимаютъ на истину»—мягкое и знаменитое выраженіе. Но, можетъ быть, я и ошибаюсь: безчисленныя идеологическія упражненія нашихъ дней именно тѣмъ любопытны, что порою весьма трудно обнаружить, гдѣ въ нихъ начинается коварство и гдѣ кончается чистосердечіе. Приходится искать критерій въ личности авторовъ; въ данномъ же случаѣ и этотъ критерій не

надеженъ. Массѣ юркихъ людей соотвѣтствуетъ сѣрая масса геніевъ.

Химикъ. «Сѣрые геніи»? Это что-то новое.

Писатель. Не пугайтесь. Вы-то должны были видѣть на своемъ вѣку достаточно знаменитыхъ ученыхъ, чтобы относиться къ нимъ безъ суевѣрнаго преклоненія студента-первокурсника. Впрочемъ, многіе изъ васъ сохраняютъ этотъ священный трепетъ до сѣдыхъ волосъ. Покойный Сѣченовъ въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается о Германѣ Гельмгольцѣ въ такомъ тонѣ, въ какомъ индусскій браминъ можетъ говорить о богѣ Вишну. А между тѣмъ Гельмгольцъ, который, конечно, подписалъ бы манифестъ 93-хъ, лучшій образецъ сѣрой геніальности. Его гигантскій умъ точно скользилъ по дугѣ,—по длинной дугѣ огромнаго радіуса, неспособной, однако, сомкнуться въ полный кругъ. Этотъ величайшій естествоиспытатель былъ наивный консерваторъ, узкій пруссакъ и ограниченный монархистъ. Да вдобавокъ придворный ученый. Знаете ли вы, что это такое? Услышавъ о близости Гельмгольца къ берлинскому двору, Сѣченовъ спросилъ своего коллегу Людвига, что можетъ интересовать въ великомъ ученомъ военнаго человѣка, Вильгельма I.—Императоръ находитъ наслажденіе въ процессѣ Гельмгольцевскаго мышленія,—отвѣтилъ Людвигъ. На самомъ дѣлѣ роль знаменитаго физика при дворѣ заключалась въ томъ, что время отъ времени Гельмгольцъ являлся въ покои монарха и излагалъ свои мысли по разнымъ научнымъ вопросамъ. Вильгельмъ I слушалъ и, разумѣется, ничего не понималъ. Въ царствованіе нынѣшняго императора эти дружественныя отношенія сохранились,—съ той разницей, что мысли по разнымъ научнымъ вопросамъ высказывалъ уже Вильгельмъ II, а слушалъ и ничего

не понималъ Гельмгольцъ. Въ этомъ и заключается весь Genuss, о которомъ нѣжнымъ голосомъ говорилъ Сѣченову Людвигъ. Съ императорской точки зрѣнія желательность подобныхъ сеансовъ Genuss'a, разумѣется, если они не слѣдуютъ другъ за другомъ слишкомъ часто, болѣе или менѣе понятна. Это и есть тотъ царскій путь къ наукѣ, существованіе котораго отрицалъ древній мудрецъ. Иначе это еще называется «расширеніемъ кругозора коронованнаго вождя Германіи», «непосредственнымъ общеніемъ съ цѣлебнымъ источникомъ знанія» и т. д. Нѣмцамъ это очень нравится. Они убѣждены, что Гельмгольцу есть о чемъ говорить съ Вильгельмомъ и что изъ этихъ разговоровъ для обоихъ проистекаетъ большая польза. Вѣдь Пиѳодоръ, сынъ Исолоховъ, и Каллій, сынъ Калліадовъ, сдѣлались знаменитыми мудрецами, заплативъ Зенону по сто минъ. Однимъ словомъ, очень легко понять, для чего Вильгельмы приглашаютъ къ себѣ Гельмгольцевъ. Нѣсколько менѣе понятно, для чего Гельмгольцы ходятъ къ Вильгельмамъ. Мизантропъ можетъ, правда, сказать, что и въ этомъ нѣтъ ничего непостижимаго: въ свое время императоръ пожаловалъ Гельмгольцу прусское дворянство, или вѣрнѣе, какъ писалъ «Кладдерадачъ», пожаловалъ Гельмгольца прусскому дворянству. Но стоитъ ли ради ста невещественныхъ минъ разыгрывать роль, въ сущности довольно близкую къ должности королевскаго шута,—объ этомъ я судить не берусь. Большинство нѣмецкихъ ученыхъ, повидимому, склоняется къ мысли, что стоитъ. Впрочемъ, было бы странно, если бы это было иначе: современное государство имѣетъ превосходно налаженныя мастерскія для выдѣлыванія почтительныхъ профессоровъ. Въ особенности, германская имперія. У нея вѣдь есть двѣ

драгоцѣнности, внушающія намъ такую зависть: primo, хваленая нѣмецкая школа; та самая, которая, какъ извѣстно, въ 1866 г. побѣдила австрійскую армію (а нѣсколько раньше, слѣдовало бы добавить, германскую революцію). Secundo, хваленая нѣмецкая академическая свобода.

Химикъ. Она-то здѣсь при чемъ?

Писатель. Къ востоку отъ Рейна академическая свобода имѣетъ разумные предѣлы, колеблющіеся въ зависимости отъ рода науки: профессорамъ ботаники и геодезіи предоставляется совершенная свобода мысли и слова; на каѳедры философіи не допускаются лишь отъявленные атеисты (безъ налета Deus sive natura); въ области соціально-экономическихъ знаній сдѣлано ограниченіе для соціалистовъ (не употребляющихъ румянъ катедеръ-соціализма); и, наконецъ, отъ преподаванія исторіи устранены неисправимые либералы (не прибѣгающіе къ черно-желтой пудрѣ націоналъ-либерализма). Всѣхъ остальныхъ государство охотно оплачиваетъ небольшими деньгами и обиліемъ почетныхъ званій. Изъ 93-хъ авторовъ манифеста 12 имѣютъ чинъ превосходительства, который, кстати сказать, всѣ двѣнадцать не преминули отмѣтить въ своей подписи, очевидно, съ тѣмъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на воображеніе «цивилизованнаго міра». Суммируйте эту ограничительно-подкупательную, глубоко развращающую дѣятельность власти за много десятилѣтій, подумайте, что государство стало *откупщикомъ* народной мысли, поймите, что въ манифестѣ 93-хъ мы пожали одинъ изъ плодовъ такого откупа,—и вы со мной согласитесь, что правъ былъ, хоть отчасти, тотъ нѣмецкій писатель, который сказалъ: «профессоръ—вотъ національная болѣзнь Германіи»... Впрочемъ, нѣтъ, вы со мной не со-

гласитесь: я и забылъ, вѣдь вы сами—«ординарный».

Химикъ. Я напомню вамъ, что воззваніе 93-хъ подписали не только профессора, но и писатели, художники, музыканты.

Писатель. Лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ, среди авторовъ манифеста едва ли наберется 10 процентовъ. Тонъ во всякомъ случаѣ давали не они.

Химикъ. Это голословно. Съ гораздо большимъ правомъ я могу васъ попрекнуть ролью, которую сыграли въ подготовкѣ нынѣшней бойни иные господа писатели. Въ любимомъ зрѣлищѣ испанскаго народа такъ называемые бандериллосы при помощи каленыхъ стрѣлъ и краснаго платка доводятъ быка до бѣшенства. Выполнивъ свою задачу, они граціозно исчезаютъ за рѣшетку, уступая мѣсто торреадору. Благодарную и благородную роль бандериллосовъ въ международныхъ бойняхъ выполняютъ нѣкоторые изъ вашихъ собратьевъ по перу. Если они не подписали манифеста, то исключительно потому, что ихъ никто къ этому не приглашалъ: какое значеніе могла бы имѣть для «цивилизованнаго міра» подпись графа Ревентлова или Максимиліана Гардена?

Писатель. Братствомъ бандериллосовъ печати я никогда особенно не дорожилъ. Не отрицаю, что лавры органовъ желтой прессы иногда не даютъ спать органамъ менѣе желтымъ: pudet non esse impudentem. Но, въ общемъ, подавляющая масса бандериллосовъ относится къ той же категоріи лицъ, такъ или иначе получающихъ деньги отъ казны. Закройте секретную кассу и вы подивитесь пониженію воинственнаго азарта: pas d'argent, pas de suisses. Я чувствую, впрочемъ, нѣкоторое состраданіе къ этимъ господамъ. Старушка

Шехерезада должна была каждый вечеръ разсказывать волшебную исторію своему господину подъ страхомъ немедленной смертной казни. Оффиціальные и оффиціозные публицисты должны каждое утро выдумывать для своихъ читателей 1001-ую арабскую сказку подъ страхомъ немедленной голодной смерти. Ибо, какъ говоритъ Чеховская Анфиса: «отъ хорошей жизни не заиграешь»... Я нимало не желаю вводить въ нашъ разговоръ профессіональную точку зрѣнія, но все же позвольте преподнести вамъ подъ конецъ самаго лучшаго профессора: это Вернеръ Зомбартъ, авторъ произведенія «Герои и Торгаши».

Химикъ. Да онъ, кажется, не подписалъ воззванія?

Писатель. Не подписалъ и не могъ подписать. Авторы воззванія, въ сущности, робкіе рутинеры. Передъ святыней истины, добра и красоты пылаетъ лампада германскаго идеализма; передъ лампадой благоговѣйно склонили свои сѣдыя головы девяносто три автора воззванія. По досадной случайности, отъ лампады зажглась Лувенская библіотека и сгорѣла съ книгами, рукописями и библіотекаремъ. Девяносто три сердца облились кровью. Но что подѣлаешь, если такова горестная судьба? Старикамъ и въ голову не пришло измѣнить свою благоговѣйную позу. Всѣмъ достаточно ясно, что они и не измѣнятъ ея, не взирая ни на какія случайности. Они будутъ подписывать что угодно, оправдывать что угодно, защищать кого угодно, но не иначе, какъ во имя общечеловѣческой солидарности, истины, добра, красоты, братства и высшихъ интересовъ цивилизаціи, во имя «наслѣдія Канта, Гете и Бетховена». Зомбартъ же погасилъ плевкомъ ту лампаду, передъ которой благоговѣйно склонились

его ученые коллеги. Разница между нимъ и авторами манифеста 93-хъ огромна. Начать съ того, что тѣ написали воззваніе, обращенное къ культурному міру (оно такъ и называется: Aufruf an die Kulturwelt). Зомбартъ, разумѣется, ни къ какому культурному міру не обращается: «намъ, нѣмцамъ, нужны развѣ лишь іудеи древности и античные греки, больше никто». У авторовъ манифеста болитъ душа при мысли о томъ, что нѣмецкіе солдаты сожгли половину Лувена. Зомбарта, должно быть, огорчаетъ, что они не сожгли и другой половины, ибо Лувенъ есть порожденіе культуры торгашей. Авторы манифеста говорятъ о «высшемъ достояніи человѣчества». Людей, говорящихъ такимъ языкомъ, Зомбартъ отправляетъ «къ чертямъ, вмѣстѣ съ $^3/_4$ нашихъ интеллигентовъ». Авторы манифеста видятъ въ германскомъ милитаризмѣ только *защитника* нѣмецкой культуры («Ohne den deutschen Militarismus wäre die deutsche Kultur längst von Erdboden getilgt»). Для Зомбарта онъ самъ есть нѣмецкая культура, онъ даже больше ея: нѣмецкая культура — Веймаръ, нѣмецкій милитаризмъ, по словамъ Зомбарта, — «Потсдамъ и Веймаръ въ ихъ высшемъ сочетаніи». Не пять, а пять съ плюсомъ. Однако, любопытная подробность: надъ созданіемъ идеологіи германизма потрудились главнымъ образомъ иностранцы или люди не чистой нѣмецкой крови. Философскій апофеозъ его изобрѣлъ французъ Гобино; англичанинъ Стюартъ Чемберленъ далъ этому апофеозу безсмысленно-утрированную форму; чехъ (или получехъ) Трейчке обосновалъ его исторически; шведъ Арндтъ воспѣлъ германскую идею въ стихахъ; еврей Лотаръ Бухеръ былъ долголѣтнимъ бухгалтеромъ на ея службѣ; датчанинъ Мольтке подтвердилъ ее высшимъ

аргументомъ кулака. Я не хочу сказать, что коренные нѣмцы совершенно не способны изобрѣсти подобную мудрость. Но все же странно и забавно, что торгаши были главными идеологами героевъ. Что думаетъ объ этомъ Вернеръ Зомбартъ?...—«Съ внутреннимъ отвращеніемъ, съ возмущеніемъ и негодованіемъ, съ брезгливостью возсталъ нѣмецкій духъ противъ идей 18 столѣтія». Какъ характерна эта ненависть къ «вѣку, который долженъ быть помѣщенъ въ Пантеонъ». По словамъ Ренана, 18 вѣкъ продолжается по сію пору. Вѣрнѣе было бы сказать, что его еще не было. Но обычно восемнадцатый вѣкъ отрицаютъ во имя семнадцатаго или даже тринадцатаго. Авторъ «Героевъ и Торгашей» составляетъ исключеніе. Что для Зомбарта средневѣковье съ его универсальнымъ католицизмомъ, съ его латинской рѣчью, съ преобладаніемъ духовнаго меча? Я не знаю, каково нынѣшнее отношеніе профессора къ религіи. Перемѣнивъ аксіомы, онъ, вѣроятно, обрекаетъ христіанскую вѣру (кажется, онъ рожденъ въ лютеранствѣ) на роль старой почтенной прислуги въ той изолированной казармѣ, какой онъ желалъ бы видѣть будущую Германію. Можетъ быть, онъ не прочь и обобрать прислугу въ пользу хозяина, воздавъ Кесарево Кесарю и Божье тоже Кесарю: когда въ домѣ не хватаетъ денегъ, первымъ дѣломъ перестаютъ платить прислугѣ. Въ военное время колокола переливаются на пушки и, по волѣ исторіи, въ нынѣшней Германіи Вильгельма и Гинденбурга, пожалуй, заиграетъ подъ новую инструментовку революціонная мелодія сороковыхъ годовъ:

Reisst die Kreuze aus der Erden,
Alle sollen Schwerter werden...

Кстати, я не прочь бы выяснить, какъ вы сами рѣшаете проблему взаимоотношеній креста и меча?

Химикъ. Я думаю, что не могутъ угаснуть истины, зажегшіяся тихимъ и вѣчнымъ свѣтомъ на берегахъ Тиверіады и въ кельѣ голландскаго стекольщика, у стѣнъ мертваго Port Royal'я и въ старомъ саду Ясной Поляны.

Писатель. Отчего не могутъ? Большинство истинъ, подобно радіоактивнымъ элементамъ, испускаетъ свѣтъ лишь въ теченіе опредѣленнаго времени. Для Анри Пуанкаре идея Коперника была гипотезой, столь же условной, какъ средневѣковая доктрина неподвижности земли. Геніальный ученый думалъ, что вопросъ о соотношеніи земли и солнца *невѣрно поставленъ* классической астрономіей. Отсюда можно сдѣлать мало утѣшительный выводъ, что Галилей подвергся пыткѣ и Бруно взошелъ на костеръ изъ-за невѣрно поставленной проблемы! Но если такъ обстоитъ дѣло съ истинами небесной механики, то гдѣ черпаете вы увѣренность въ вѣчной силѣ построеній земной морали?

Химикъ. Достаточно ясно, что, какъ только кончится война, всѣ мы, побѣдители и побѣжденные, вновь потянемся къ тѣмъ же вѣчнымъ догмамъ. «Злобою сердце питаться устало, много въ ней правды, да радости мало».

Писатель. Сердцу, какъ желудку, нужна разнообразная пища, но злобою оно можетъ питаться очень долго.

Химикъ. Рискуя показаться вамъ смѣшнымъ, я утверждаю,—не дѣлая, впрочемъ, отсюда практическихъ выводовъ, — что даже война, въ особенности ея мелкіе эпизоды, засвидѣтельствовала торжество той морали, которая предписываетъ прощать согрѣшив-

шему брату не до семи, а до седмижды семидесяти разъ.

Писатель. Что дѣлать съ братомъ, согрѣшившимъ 491 разъ? Вы мнѣ,—признаюсь, нѣсколько неожиданно,—напомнили московскихъ толстовцевъ, одинъ изъ которыхъ на судѣ изъяснялся въ любви къ «брату-обвинителю».

Химикъ. Замѣтьте, что толстовцы были окружены атмосферой всеобщаго сочувствія и въ обществѣ, и въ народной массѣ, и даже въ средѣ военныхъ судей.

Писатель. Я тоже былъ радъ мягкому приговору суда. Однако, если бы 170 милліоновъ русскихъ людей прониклись взглядами симпатичныхъ подсудимыхъ, братъ Вильгельмъ пировалъ бы теперь въ Кремлѣ. Какъ вы выйдете изъ этой «антиноміи эмоціональнаго и интеллектуальнаго»?

Химикъ. Я готовъ оправдать искренняго толстовца «интеллектуально»...

Писатель. А я нѣтъ: «Lui qui voit tout en Dieu n'y voit pas qu'il est fou». Въ связи съ этой антиноміей и съ упорнымъ нежеланіемъ воюющихъ державъ удовольствоваться благожелательнымъ нейтралитетомъ Бога, мнѣ приходитъ на память слѣдующее. Какъ вы знаете, истинное мѣстонахожденіе могилы Христа не установлено археологической наукой. Видѣніе этого мѣста явилось Императрицѣ Еленѣ, матери Константина Великаго, во время ея путешествія къ Святымъ Мѣстамъ, и произведенныя раскопки дѣйствительно обнаружили въ указанномъ ею мѣстѣ остатки крестной казни. Здѣсь-то, въ результатѣ видѣнія и находки, былъ воздвигнутъ Константиномъ Храмъ Гроба Господня. Однако арабско-еврейская традиція, а съ ней цѣлый рядъ археологовъ, переноситъ Голгофу въ другое

мѣсто—у Дамасскихъ воротъ; и кто хоть разъ видѣлъ поражающія воображеніе, зловѣщія скалы этой окраины Іерусалима, тотъ скорѣе допуститъ, что именно здѣсь свершилась казнь, которая сыграла столь необычайную роль въ таинственныхъ судьбахъ людей. Но если вѣрна арабско-еврейская традиція, если правъ англійскій генералъ Гордонъ, разыскавшій у Дамасскихъ воротъ вторую, «подлинную» могилу Христа, то кто же, кто похороненъ на мѣстѣ, понынѣ привлекающемъ ежегодно сотни тысячъ пилигримовъ? Съ незапамятнымъ временъ человѣчество распинаетъ на крестахъ двѣ категоріи «ближнихъ»: самыхъ лучшихъ и самыхъ худшихъ. Но такъ какъ первыхъ неизмѣримо меньше, то естественно возникаетъ выводъ, который въ моихъ глазахъ символизируетъ судьбы государственнаго христіанства, пятнадцативѣковое историческое недоразумѣніе, связанное съ именемъ Константина. И даже не имѣя христіанской вѣры, можно почувствовать легкій холодъ при мысли, что человѣчество уже полторы тысячи лѣтъ съ трепетомъ молится на могилѣ, гдѣ по всей вѣроятности погребены кости удалого молодца большой дороги.

Химикъ. Дѣло Константина Великаго оправдано самимъ фактомъ своей пятнадцативѣковой жизни.

Писатель. Я и не думаю, чтобы этому дѣлу грозила отъ войны серьезная опасность. Христіанство не обанкротилось въ настоящую войну. Оно временно признано несуществующимъ. По христіанской морали, какъ по многимъ другимъ цѣнностямъ, объявленъ мораторій. Но раздраженный крикъ умирающаго Вольтера аббату Готье, заговорившему съ нимъ о Христѣ: «Monsieur, ne me parlez pas de cet homme!» — остается всецѣло на отвѣтственности французскаго просвѣтителя... Когда стала заново отстраиваться разрушенная земле-

трясеніемъ Мессина, уцѣлѣвшіе жители первымъ дѣломъ воздвигли крѣпость — для *безопасности*—и соборъ—изъ *благодарности*. Этотъ недавній прецедентъ краснорѣчиво засвидѣтельствовалъ прочность креста и меча даже при самой неблагопріятной «конъюнктурѣ». Но въ теоріи проблема ихъ сожительства почти всегда разрѣшается неопредѣленно... Въ сущности, Вернеръ Зомбартъ, этотъ ученый профессоръ, который такъ старательно себя нататуировалъ и гордо подвѣсилъ къ поясу скальпъ Эдуарда Грея (совсѣмъ «Длинный Языкъ, вождь бреславльцевъ»),— единственный вполнѣ послѣдовательный милитаристъ нашего времени.

Химикъ. Почему?

Писатель. Война есть зло. Война есть добро. Вотъ двѣ аксіомы, между которыми нужно сдѣлать выборъ. Казалось бы, выборъ нетрудный: что ужъ тутъ хорошаго, если цивилизованные люди рѣжутъ другъ друга и совершаютъ всевозможныя преступленія, прикрывая ихъ звучными латинскими именами, какъ репрессія, реквизиція, контрибуція. Однако, мы знаемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, и та, и другая аксіома принимались огромнымъ большинствомъ людей съ весьма существенными ограниченіями, которыя сильно сблизили сторонниковъ самыхъ различныхъ взглядовъ въ ихъ отношеніи къ войнѣ. *Абсолютнымъ* пасифистомъ былъ (вѣрнѣе, хотѣлъ быть) развѣ только Л. Н. Толстой. Громадное же большинство культурныхъ людей нашего времени не стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютнаго пасифизма. Многіе—и отнюдь не одни только глупцы и мерзавцы—отстоятъ даже очень далеко отъ этой точки зрѣнія. Давидъ Юмъ утверждалъ, что вѣчная война превращаетъ людей въ дикихъ звѣрей, а вѣчный миръ—во вьючныхъ скотовъ. Великій англійскій мыслитель,

правда, не объяснилъ, сколько именно времени люди могутъ жить въ мирѣ, не превращаясь въ скотовъ, и сколько имъ нужно воевать для того, чтобы превратиться въ звѣрей. Отъ 1870 г. по 1914 г. западная Европа не знала ни одной серьезной войны, однако, признаковъ повальнаго отупѣнія въ ней не было замѣчено. Но возможно, что это именно и былъ максимумъ продолжительности европейскаго миролюбія. По-видимому, въ войнѣ есть безконечная притягательная сила. О ней можно сказать то, что Октавъ Мирбо говоритъ о зданіи брюссельскаго Palais de Justice: «C'est tellement laid que ça en devient beau» [1]). Казалось бы, нейтральныя страны легче всего могутъ извлечь пользу изъ гигантскаго урока, который дается имъ безплатно (вѣрнѣе, за большую плату въ ихъ карманъ). Однако, мы видимъ, что и въ Италіи, и въ Швеціи, и въ Румыніи, и въ Португаліи крѣпнетъ военная партія. Точно зачарованные, люди смотрятъ въ пасть дракона... Какъ бы то ни было, всѣ мы до сихъ поръ полагали, что въ войнѣ дорогъ главнымъ образомъ ея результатъ: миръ. Цѣною крови—своей или чаще чужой—мы готовы были пріобрѣтать извѣстныя культурныя блага: независимость, національное единство, осуществленіе историческаго права, выходъ къ морю или что нибудь еще. Мы думали, что не миръ для войны, а война для мира. Вернеръ Зомбартъ думаетъ какъ разъ наоборотъ. Для него миръ есть неестественный промежутокъ времени между двумя войнами, нѣчто вродѣ быстро преходящей непріятной болѣзни. Онъ *абсолютный* милитаристъ, какъ Толстой былъ *абсолютный* пасифистъ, какъ мы всѣ—середка

[1]) Это такъ безобразно, что становится прекраснымъ.

на половинкѣ. Зомбартъ — Лобачевскій германской политической мысли. Онъ перемѣнилъ ея аксіомы... —Homo homini lupus,—говоритъ, не блѣднѣя, Гоббсъ (сынъ великодушнаго Альбіона).—Homo homini deus,—говоритъ, не краснѣя, Фейербахъ (коварный тевтонъ). Разумѣется, оба преувеличиваютъ: человѣкъ человѣку не волкъ и не богъ, а чужой. Но замѣтьте, оба философа говорятъ въ изъявительномъ наклоненіи. Зомбартъ, кажется, первый вставилъ въ волчью формулу наклоненіе повелительное: да будетъ человѣкъ волкомъ человѣку! Либеральный оппонентъ автора «Героевъ и Торгашей» Конрадъ, повидимому, очень серьезно доказываетъ ему, что Англія дала міру Шекспира и что Шекспиръ великій писатель. Собственно говоря, опровергать теорію Зомбарта доводами обычной логики безполезно: если изъ словъ человѣка выходитъ, что въ Берлинѣ на Leipzigerstrasse въ лавкахъ торгуютъ исключительно герои, а изъ Англіи добровольцами отправились въ окопы два милліона торгашей, то его можно смѣло оставить въ покоѣ. Надо помнить, что въ философіи Зомбарта другія аксіомы. Конечно, первая мысль, возникающая при знакомствѣ съ ней, заключается въ томъ, что бреславльскій профессоръ сошелъ съ ума. Такая догадка, дѣйствительно, высказывалась въ печати. Зомбартъ можетъ сказать себѣ въ утѣшеніе, что, когда Лобачевскій выступилъ впервые со своей «Воображаемой геометріей», она была встрѣчена точно такъ же: извѣстный математикъ, академикъ М. В. Остроградскій, прямо рекомендовалъ свезти ея автора въ домъ умалишенныхъ. Людямъ очень трудно освоиться съ мыслью, что можно произвольно мѣнять аксіомы.—«Практическая цѣнность истины измѣряется той вѣрой, которую она внушаетъ»,

говоритъ Гюставъ Лебонъ. Практическая цѣнность лжи—тоже. Какія аксіомы восторжествуютъ у насъ въ 1917 году, я не знаю. Но пока духъ сиваго мерина властно паритъ надъ страницами европейской прессы. Недаромъ о подвигахъ Feldgrauen и чудо-богатырей пишутъ совершенно тѣмъ же стилемъ, что о скаковой доблести благороднаго сына Айришъ-Лада и Медузы. Но, можетъ быть, вы первый еще разжалуете «святую скотину» въ скотину—просто.

Химикъ. Дѣло не въ стилѣ. Военная реторика, какъ средство, ведущее къ цѣли, тоже служитъ прогрессу.

Писатель. Прогрессу—въ какую сторону? «Человѣчество идетъ *назадъ* и мы въ первыхъ рядахъ». Я видѣлъ когда-то матчъ знаменитыхъ боксеровъ. Два гигантскихъ негра ожесточенно колотили другъ друга, и всякій разъ, какъ одинъ изъ нихъ получалъ особо тяжелый ударъ, онъ, выплевывая выбитые зубы изъ окровавленнаго рта, тщательно, хотя и непохоже, изображалъ на лицѣ довольную усмѣшку. Нельзя было не отдать должнаго энергіи и стойкости гладіаторовъ. Неизмѣримо противнѣе была галерка, возбуждавшая борцовъ улюлюканьемъ и площадной бранью... Надо ли вводить элементъ клоунады въ явленіе міровой трагедіи? Я отъ всей души желаю полнаго пораженія Германіи,—ея побѣда была бы величайшей катастрофой цивилизаціи,—и я говорю: побольше тяжелыхъ снарядовъ, но поменьше безстыдной болтовни. Можно не стремиться къ тому, чтобы стать «выше свалки» (какъ Ромэнъ Ролланъ), но обязательно ли становиться ниже ея? Между тѣмъ намъ, штатскимъ людямъ, выпала, повидимому, именно роль галерки. Какъ объективно, какъ хладнокровно обсуждаемъ мы происходящія событія!

Какіе выдумываемъ тонкіе аргументы и какъ кстати ихъ приводимъ:—«А, вы объявили намъ войну! Ну, такъ знайте: Ньютонъ стащилъ дифференціальное исчисленіе у Лейбница!» Изъ-за моря несется телеграфный отвѣтъ флегматическаго британца:—«Самъ дуракъ! Лейбницъ стащилъ дифференціальное исчисленіе у Ньютона».—«Англійскія канальи! Отъ французской болѣзни не вылечитесь безъ нѣмецкаго лѣкарства!».—«А у васъ скоро животики подведетъ отъ голода!». Въ Берлинѣ спорятъ, можно ли играть на сценѣ Шекспира, и рѣшаютъ, что можно, такъ какъ онъ ругалъ Францію. У насъ для исполненія сонатъ Бетховена пожаловали послѣднему голландскую натурализацію. Нѣмцы, чтобы доканать французовъ, изгнали изъ своего языка слово coiffeur. Французы, чтобы доканать нѣмцевъ, обогатили свой языкъ словомъ boche. Два бурныхъ потока залили Европу 1914 года: волна героизма и волна глупости. Авторъ «Сида» и авторъ «Бувара и Пекюше», оба нашли бы въ нынѣшнихъ событіяхъ неисчерпаемый источникъ темъ.

Химикъ. Безнадежный соціалъ-пессимистъ, вы высказываете весьма мрачныя мысли, вовсе не соотвѣтствующія тому уроку, который Anno Domini 1917 послала намъ жизнь. Очистительныя молніи великой грозы, ея громовые удары скуютъ свободу и право народовъ. Въ конечномъ счетѣ, зломъ будетъ порождено добро. Улетятъ черные вороны, Кассандры прикусятъ языкъ,—и послышится побѣдное пѣніе человѣчества, смѣло идущаго впередъ къ яркой завѣтной цѣли. Такъ надъ трупомъ разочарованнаго датскаго принца торжествуя проходитъ побѣдоносный боецъ Фортинбрасъ.

Писатель. Великъ былъ бы для меня соблазнъ

отвѣтить вамъ словами французскаго писателя: «Les pessimistes tombent continuellement dans l'erreur. Mais par trop d'optimisme encore».[1]) Однако, такъ далеко я не иду; я, если и пессимистъ, то ужъ во всякомъ случаѣ далеко не безнадежный. Мнѣ только кажется, что слишкомъ дорого человѣчество платитъ за изученіе азбуки, слишкомъ долго ей учится, слишкомъ скоро ее забываетъ. Не скрою,—я нѣсколько умиляюсь при видѣ того баланса, который «въ конечномъ счетѣ» порождающаго зла и порожденнаго добра неизмѣнно очищаетъ сальдо—разумѣется, въ пользу послѣдняго. Бѣда хотя бы въ томъ, что, подъ очистительными молніями великой грозы, для многихъ изъ насъ конечный счетъ уже наступилъ и притомъ нѣсколько преждевременно. Для очень многихъ другихъ онъ тоже скоро наступитъ при еще менѣе соблазнительныхъ условіяхъ. Въ самомъ же конечномъ счетѣ земля, повидимому, будетъ раздавлена въ столкновеніи съ какой-то планетой. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ астрономы и, вѣроятно, именно это предвидѣлъ принцъ Гамлетъ, когда навстрѣчу торжествующему невѣждѣ Фортинбрасу бросалъ свое знаменитое: «The rest is silence».

Химикъ. Съ удовольствіемъ констатирую, что элементы міровой скорби вами перенесены изъ соціально-политической области въ сферу космическую.

этой не очень новой шуткой я почтительно и съ нѣкоторой скукой умолкаю. Она никакъ не помѣшаетъ мнѣ радоваться близящемуся дѣлу разумнаго вѣчнаго мира освобожденныхъ демократій Европы.

---

[1]) Пессимисты постоянно ошибаются. Но все еще по избытку оптимизма.

Писатель. «Радуйся, бане, омывающая совѣсть, радуйся, всечудное всѣхъ къ Богу примиреніе». Не вы первый, не вы и послѣдній: съ давнихъ поръ радостные люди лечатъ насъ радостною вѣстью. Лечатъ по рецепту Мольеровскаго врача: «Maladus dût il crevare». [1]).

Химикъ. Какую же вѣсть несете намъ вы? Чѣмъ кончится нынѣшняя трагедія?

Писатель. Кто знаетъ? Ужъ слишкомъ благопріятна обстановка для проявленій той силы, которую Стендаль называлъ «le divin imprévu». На тронѣ теперь сидитъ его величество случай, опредѣляющій ходъ и исходъ войны, отъ которыхъ и зависитъ все остальное... Ошибка вершителей судьбы Европы, затѣявшихъ эту безумную войну, заключается въ томъ, что они считаютъ свою власть основанной на какомъ-то незыблемомъ принципѣ, будь это божественное право, парламентаризмъ, комбинація божественнаго права съ парламентаризмомъ или что-нибудь еще. На самомъ же дѣлѣ власть ихъ покоится главнымъ образомъ на силѣ принужденія и на инстинктивной тягѣ къ порядку со стороны широкихъ народныхъ массъ. Міровая война, съ ея неслыханнымъ размахомъ, медленно подтачиваетъ вторую изъ этихъ опоръ, вслѣдствіе чего сѣдокъ сталъ переносить свою тяжесть на первую. Что, если рано или поздно подломится и первая опора? Мы видимъ передъ собою страшныя кольца змѣя великой войны; стоглавый змѣй міровой пугачевщины можетъ скоро вползти на арену. Какое изъ чудовищъ побѣдитъ? Какой ужасный драконъ родится въ результатѣ поединка?— Соціалистическій строй,—говорятъ наши

---

[1]) Хотя бы больной издохъ.

глубокомысленные пораженцы.—Драконъ всемірнаго одичанія,—склоненъ думать я.

Химикъ. Итакъ, вы «не пріемлете» войны? Бѣда въ томъ, что война, какъ смерть, не спрашиваетъ, угодно ли вамъ ее принять.

Писатель. Кто-жъ вамъ сказалъ, что я ея «не пріемлю»? За долгій вѣкъ я, слава Богу, сколотилъ маленькій капиталъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ». Я думаю, правда, что въ день заключенія мира намъ останется повторить слова стариннаго мудреца: «Ich möchte was darum geben, genau zu wissen, für wen eigentlich die Thaten gethan worden sind, von deren man öffentlich sagt, sie waren für das Vaterland gethan worden» [1]). Мнѣ прекрасно извѣстно, что Кай смертенъ и что его природѣ свойственно дѣлать всевозможныя глупости и гадости. Но по утрамъ я открываю газету, вижу въ ней наглядное доказательство смертности Кая (иногда цѣлыхъ дивизій Каевъ), узнаю о томъ, что Кай натворилъ за 24 часа короткой человѣческой жизни, безъ того достаточно полной зла, —и меня давитъ тяжелый кошмаръ исполинскаго дома умалишенныхъ. Я пріемлю и сумасшедшій домъ, но порою позволяю себѣ роскошь называть его сумасшедшимъ домомъ. Видно, сильны въ человѣкѣ нелогичное стремленіе къ логикѣ и экстравагантная идея добра.

Химикъ. Въ этой войнѣ, которую пріемлетъ Анатоль Франсъ и которой не пріемлетъ Сережа

---

[1]) Дорого бы я далъ, чтобы точно узнать, ради кого собственно совершены тѣ дѣянія, о которыхъ вслухъ говорятъ, что они совершены для отечества.

Поповъ, разумъ сохранилъ свои державныя права... Или вы думаете, что мы всѣ—моральные банкроты?

Писатель. Нѣтъ, моральные пролетаріи. Война пустила насъ по міру и лучше намъ не составлять своего баланса. Публичная отчетность къ тому же теперь отмѣнена на все время военнаго положенія.

Химикъ. Я думаю, напротивъ, мы станемъ духовно богаче. Неужели, по вашему, философская мысль ничего не вынесетъ изъ грозныхъ годинъ исторіи?

Писатель. Напротивъ, многое. Но... вы помните, у Шекспира есть сцена, неподражаемая по силѣ таящейся въ ней ироніи. Когда великія несчастья рушатся на голову Ромео, его пробуетъ утѣшить старый Лоренцо.— Вамъ остается,—говоритъ онъ,— «adversity's sweet milk—philosophy», «сладкое молоко несчастья—философія». На это веронскій юноша отвѣчаетъ не совсѣмъ вѣжливо: «повѣсьте вашу философію, если она не можетъ отдать мнѣ Джульеты».

Химикъ. Ромео—это вы?

Писатель. Нѣтъ, я говорю о васъ. Мои Джульеты давнымъ давно умерли и не встать имъ изъ заколоченныхъ гробовъ. Но вы, вы, сѣдовласый юноша,— кто воскреситъ вамъ вашу Джульету, когда наконецъ вы увидите, что ея больше нѣтъ? Кто вернетъ вамъ вѣру въ силу права, въ прочность культуры, въ общность исканій, въ творческую власть добра, въ неуклонность прогресса, въ идеалы Бѣлинскаго, котораго вы читали гимназистомъ, въ завѣты Грановскаго, котораго вы вовсе не читали? И, главное, кто вернетъ, кто дастъ эту вѣру вашимъ нынѣшнимъ ученикамъ, юношамъ безъ сѣдыхъ волосъ, когда и предъ ними предстанетъ обнаженное тѣло мертвой Джульеты? Вдругъ они позволятъ себѣ маленькую логическую

экстраполяцію: наши идейные вожди совершали ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣкоторый нажимъ на истину во имя любви къ родинѣ и къ своему народу. Почему же не допустить, что они нажимаютъ на истину и въ мирное время во имя любви къ своему классу, къ своей партіи, къ своему кружку? Amica veritas, sed magis amicus Plato. И я думаю, что потеря на десятилѣтія вѣры въ печатное слово [1]) будетъ не менѣе тяжкимъ послѣдствіемъ войны, чѣмъ неизбѣжные спутники послѣдней—милліоны инвалидовъ, массы разоренныхъ тружениковъ, сотни безчестныхъ богачей, колоссальный ростъ преступности и побѣдоносное шествіе сифилиса.

Химикъ. Въ концѣ концовъ для «моихъ учениковъ», какъ бы они молоды ни были, врядъ ли будетъ откровеніемъ тотъ фактъ, что людямъ свойственно защищать свои интересы. Я все больше убѣждаюсь въ чисто поверхностныхъ свойствахъ вашего великаго скептицизма. Брюзжащій зритель-рецензентъ въ первомъ ряду партера, кто виноватъ вамъ, что сидите вы такъ близко къ рампѣ и что въ вашихъ рукахъ кривой бинокль? Пожалуйте на авансцену или ступайте прочь изъ зала... Въ сущности, вы принадлежите къ породѣ людей, которыхъ французы называютъ «les idéalistes manqués». Рудинъ, прельщенный философіей Пигасова, истинно говорю вамъ,—надо подождать безпристрастнаго приговора исторіи.

Писатель. Извольте, подождемъ. Ничего другого намъ къ тому же и не остается. Боюсь только, что

---

[1]) Опасеніе это, повидимому, должно быть признано неоправдавшимся: вѣра въ печатное слово остается непоколебимой и послѣ четырехъ лѣтъ войны.

исторія вынесетъ нѣсколько безпристрастныхъ приговоровъ. Какъ говоритъ одинъ остроумный писатель: «L'histoire est écrite par des gens impartiaux. Ils sont en désaccord, parce qu'il y a des gens impartiaux dans tous les partis» [1]).

---

[1]) Исторія пишется безпартійными людьми. Они между собой не согласны, потому что безпартійные люди имѣются во всѣхъ партіяхъ.

КОЛЕСНИЦА ДЖАГЕРНАТХА.

(Изъ записной книжки Писателя).

Tutti i matti non sono al ospedale.
(Не всѣ сумасшедшіе находятся въ больницѣ).

Въ грозные дни празднествъ Кришну роковой поступью катафалка проходитъ по полямъ Пури тяжелая колесница Джагернатха.

Кто можетъ, идетъ за ней вслѣдъ. Кто хочетъ, бросается подъ колеса. Осторожные бѣгутъ прочь безъ оглядки.

Но мудрость старой страны не предсказываетъ маршрута колесницы и не ищетъ на ней возницы.

«Que tout rentre dans le chaos et que de ce chaos sorte un monde nouveau et régénéré» [1]).

Европейское человѣчество вотъ ужъ скоро пятый годъ упорно трудится надъ осуществленіемъ первой части этой формулы Бабефа. На вторую надежды мало.

Процессъ, начавшійся въ 1914 г., цѣленъ и недѣлимъ. Психологія войны и революціи одна и та же. Въ идеологіи ихъ очень много общаго. «Налѣво кругомъ значитъ то же самое, что и направо кругомъ, только совершенно наоборотъ». Всякій разъ, когда я слышу, какъ съ презрѣніемъ и ненавистью бросаются слова «буржуй» или «товарищъ», я вспоминаю «les sales boches» и «Gott, strafe England». Повидимому, тупость, одно изъ самыхъ мощныхъ проявленій человѣческой энергіи, слѣдуетъ великому термодинамическому закону: общее количество ея въ мірѣ постоянно, она только мѣняетъ свою форму.

Европейская жизнь на ближайшія десятилѣтія опредѣлена тѣмъ фактомъ, что въ цивилизованнѣйшихъ странахъ міра будутъ гулять на свободѣ милліоны людей, которымъ разрядить ружье въ «ближняго» ровно ничего не стоитъ. По нѣсколько простодушному выраженію Шиллера, «der physische Mensch ist real, der moralische aber nur problematisch»: физическій человѣкъ дѣйствителенъ, моральный же только проблематиченъ. Событія нашего времени показываютъ, что онъ съ каждымъ днемъ становится все проблематичнѣе. Въ ночь торжества «послѣдней войны» отъ руки спасающаго Францію полоумнаго милитариста гибнетъ «измѣнникъ Herr Jaurès». Въ ночь торжества

---

[1]) Пусть же все станетъ хаосомъ и пусть изъ хаоса выйдетъ новый и возрожденный міръ.

«послѣдней революціи» («c'est la lutte finale») распропагандированные хулиганы во имя соціализма убиваютъ «буржуевъ-кровопійцъ» Кокошкина и Шингарева.

Цѣльный единый процессъ перехода потенціальнаго звѣрства въ активное продолжается. Хуже всего то, что прекратиться теперь онъ не можетъ и не долженъ. Великая трагедія въ томъ, что мы, «оборонцы», мы, люди культуры, обречены работать во славу мірового Ленина.

◆◆

Двѣ роковыя даты русской исторіи: день, когда началась проклятая война, и день, когда она прекратилась.

Сенаторъ Никитинъ въ «Воскресеніи» Л. Н. Толстого аккуратно записывалъ въ дневникъ всѣ свои разговоры съ чиновниками первыхъ двухъ классовъ. —Онъ былъ,—говоритъ иронически Толстой,—вполнѣ искренне убѣжденъ, что записи эти составляютъ очень важный историческій матеріалъ.—Событія 1914 г., однако, показываютъ, что Толстой напрасно иронизировалъ надъ сенаторомъ Никитинымъ. Послѣдній былъ совершенно правъ. Историкъ никогда не узнаетъ всей правды о возникновеніи міровой войны, если не изучитъ самымъ тщательнымъ образомъ всевозможные дневники, мемуары, «Erinnerungen», «Rückblicke», «Tagebuch'и» и другія литературныя произведенія всевозможныхъ Никитиныхъ. Для того, чтобы выяснить, почему погибло много милліоновъ людей и истреблено на сотни милліардовъ цѣнностей, созданныхъ народнымъ трудомъ, намъ необходимо будетъ знать, что сказали 18-го Іюля Сухомлинову Николай II, Виль-

гельму Бетманъ-Гольвегъ, фонъ-Ягову фонъ-Чиршкій и т. д. Какъ бы мы ни старались смотрѣть въ «корень вещей», мы все же не обойдемся безъ дневниковъ и «Rückblicke». Событія 1914 г. показали историческую роль личности,—въ особенности, личности скверной. Какимъ только ничтожествамъ не было дано расписаться ярко-кровавыми буквами въ книгѣ судебъ человѣчества...

Что касается второй роковой даты, связанной съ вѣчнопамятнымъ Брестомъ, то по ея исторіи самымъ цѣннымъ документомъ будетъ, вѣроятно, не дневникъ, а гроссбухъ германскаго канцлера.

◆◆

Никто ничего не зналъ, никто ничего не поннмалъ, никто ничего не предвидѣлъ. Меньше всего знали, кажется, господа дипломаты. Они играли въ жмурки на краю бездонной пропасти. Въ одно прекрасное утро выяснилось, что Европѣ грозитъ война, къ полудню она оказалась «неминуемой», а къ вечеру дипломаты посторонились съ очаровательной улыбкой и изъ-за спинъ ихъ загремѣли пушки. Вопросовъ господамъ дипломатамъ, разумѣется, не задавали. Ихъ резолюціи были приняты, какъ откровеніе съ горы Синайской.

Остальное произошло по церемоніалу. Разсудокъ подѣйствовалъ на сердце, сердце подѣйствовало на разсудокъ. Разсчетъ породилъ воодушевленіе, воодушевленіе отняло разумъ. Комедіанты стали кликушами, симуляція обратилась въ нервный припадокъ. Въ недѣлю были наведены мосты черезъ всевозможные Рубиконы. Одинъ Марксъ никогда не объяснитъ, почему

возникла война; нужно обратиться еще къ психіатрамъ.

Маратъ, «nanti de l'office du fou à la cour du peuple», требовалъ въ свое время лишь двѣсти тысячъ головъ. И то по его скромному счету было отпущено современниками не болѣе одного процента. Въ наши дни, не требуя аргументовъ, не спрашивая отчета, пошло на смерть десять милліоновъ людей. Въ подобныхъ случаяхъ народнымъ массамъ предоставляется только проявленіе энтузіазма: «Their's not to reason why, their's but to do and die», «ихъ дѣло не разсуждать, какъ да почему, а исполнять и умереть», говоритъ англійскій поэтъ, не замѣчая, повидимому, зловѣщей ироніи своихъ словъ.

Я видѣлъ когда-то въ одномъ изъ нѣмецкихъ юмористическихъ журналовъ слѣдующую забавную картинку: на урокѣ солдатской словесности прусскій офицеръ задаетъ глуповатому рекруту, очевидно только что приведенному изъ деревни, вопросъ учебной программы: «Майеръ, отчего каждый нѣмецъ обязанъ умереть въ любую минуту по первому слову кайзера?» Майеръ озадаченно чешетъ голову, а затѣмъ съ сконфуженнымъ видомъ возвращаетъ тотъ же вопросъ своему наставнику: «Въ самомъ дѣлѣ, Herr Leutnant, отчего таки каждый нѣмецъ обязанъ умереть въ любую минуту по первому слову кайзера?» Вспоминая эту картинку, я невольно думаю, что величайшій позоръ Германіи 20-го вѣка не потопленіе «Лузитаніи», не калишскія звѣрства и не сожженіе Лувена, но тотъ фактъ, что въ іюлѣ 1914 г. на 66 милліоновъ населенія «страны мыслителей» не оказалось ни одного рекрута Майера.

◆◆

На протяженіи двухъ столѣтій два человѣка подняли вооруженное возстаніе противъ могущественной страны; оба обратились за помощью къ ея «исконному врагу», который, впрочемъ, успѣлъ перемѣниться за время между двумя возстаніями. Первому изъ этихъ революціонеровъ поставили рядъ памятниковъ; второго повѣсили. Въ честь перваго слагали оды величайшіе поэты міра; второго забрасывали грязью до и послѣ его смерти.—Историкъ, вѣрящій въ имманентную справедливость, вѣроятно, признаетъ, что геройское возстаніе Джорджа Вашингтона, въ отличіе отъ безумной попытки Роджера Кэзмента, шло по линіи движенія общечеловѣческаго прогресса. Историкъ, не вѣрящій въ имманентную справедливость, со вздохомъ повторитъ, что въ политикѣ успѣхъ даетъ возможность отличить подвигъ отъ преступленія... А преступленіе отъ «ошибки». Послѣднее вѣрно также и для казнящихъ. Ибо часто (хотя и не всегда) оправдываются слова стараго Мальбранша: «Dans les lieux où l'on brûle les sorciers on en trouve un grand nombre»: колдуновъ всего больше тамъ, гдѣ ихъ жгутъ.

Арманъ Каррель съ оружіемъ въ рукахъ сражался за испанскую свободу противъ армій французскаго короля. Лордъ Байронъ считалъ великимъ несчастьемъ англійскую побѣду при Ватерлоо. Вольтеръ поздравлялъ Фридриха II съ военными неудачами французовъ. На смѣну этого романтическаго пораженчества пришло акціонерное общество Парвусъ и К°. Что сказать о подобномъ прогрессѣ за столѣтіе, утвердившее идею патріотизма?

Циммервальдъ и Кіенталь не были, впрочемъ, чужды своеобразной романтики монашескаго ордена. Но внѣ «конъюнктуры», «проэкціи» и «перспективы» цѣнность идеологіи любого ордена не поддается никакому учету. Какъ разсматривать Циммервальдскій манифестъ безъ проэкціи на брестскій трактатъ? Обѣ стороны приняли «опредѣленное обязательство дѣйствовать съ такой силой, чтобы движеніе въ пользу мира заставило наши правительства прекратить эту бойню». Страну культурную и просвѣщенную это *обязательство* пока не привело ни къ чему. Страну невѣжественную и нигилистическую оно привело къ рабству. Прекрасная рѣчь Ледебура въ рейхстагѣ все же недостаточная компенсація за потерю трети Россіи.

И потомъ — какъ разсматривать Циммервальдскій манифестъ внѣ проэкціи на личность его авторовъ? Имена Гримма, Радека и Ганецкаго говорятъ сами за себя. Если въ воззваніи германскихъ ученыхъ подписи были лучше всего, то въ манифестѣ циммервальдистовъ все лучше подписей.

«Послѣдняя война». «Война войнѣ»... Міръ безконечно усталъ отъ побѣдъ и пораженій, отъ дипломатическихъ успѣховъ и дипломатическихъ неудачъ, отъ Цорндорфовъ и Кунерсдорфовъ, отъ стратеговъ и интригановъ. Генералъ Бернгарди, doctor mirabilis воинствующаго пангерманизма, писалъ недавно статьи, подъ которыми охотно бы подписалась покойная Берта Сутнеръ. Но это ничего не значитъ. Юнкера отдохнутъ, подрастутъ ихъ младшіе братья и все начнется, быть можетъ, сначала. А потому, какъ сказалъ въ

своей знаменитой рѣчи, «вызвавшей вмѣшательство Италіи въ войну», старый pince-sans-rire Габріель д'Аннунціо: «счастливы милосердные,—имъ предстоитъ унимать кровь».

— «Это могло случиться только въ Россіи». — Кто знаетъ? Не будемъ валить слишкомъ много на *русское* невѣжество и некультурность. Послѣ «Бѣсовъ» Достоевскаго полезно перечесть «Землю» и «Разгромъ» Зола. Умѣніе читать и писать не дѣлаетъ человѣка культурнымъ. Знаніе четырехъ правилъ ариѳметики не убиваетъ въ немъ звѣря. Когда отъ пятилѣтія неслыханной бойни порвутся крѣпкіе нервы западноевропейскаго человѣка, когда возвѣщенная больше, виками «соціальная революція», вмѣсто земного рая принесетъ ужасы всеобщаго одичанія, отъ самоубійственныхъ руссофобскихъ припадковъ нашихъ дней многіе будутъ, вѣроятно, лѣчиться холодными душами мизантропіи.—«Шопенгауера, братъ, надо читать, Шопенгауера»,—совѣтовалъ Тургеневъ Герцену въ періодъ несравненно болѣе легкаго кризиса въ жизни Европы. Того Шопенгауера, который, умирая, оставилъ большую часть своего состоянія солдатамъ, возстановившимъ «порядокъ» въ 1848 г. А меньшую часть—своей собакѣ.

И въ самомъ дѣлѣ въ наши дни это чтеніе нѣсколько успокаиваетъ. Почти такъ, какъ успокаиваетъ астрономія.

Умъ Шопенгауера кладбище, но это величайшее Campo Santo въ мірѣ. Кладбище безъ крестовъ, безъ надписей утѣшенія...

Вопросъ общій: что хорошаго можетъ выйти изъ событій, представляющихъ собой прямое слѣдствіе такого явленія, какъ міровая война?

Вопросъ частный: къ чему хорошему можетъ привести движеніе, которымъ руководятъ гг. Парвусъ, Радекъ, Зиновьевъ, Троцкій, Ганецкій, Муравьевъ и т. д.?

Покойный Антонъ Менгеръ, очень ученый, очень благородный и очень наивный человѣкъ, мечталъ о томъ, какъ въ соціалистическомъ государствѣ будетъ издаваться газета, которая поставитъ себѣ задачей слѣдить за частной жизнью вождей общества, выставляя ихъ «къ позорному столбу» при каждомъ невѣрномъ шагѣ, при каждомъ сомнительномъ поступкѣ. Я себя спрашиваю: что, если въ соціалистическомъ государствѣ, въ которое мы вступаемъ по словамъ Ленина, будетъ, дѣйствительно, осуществлена идея Менгера: гдѣ мы возьмемъ столько позорныхъ столбовъ?

Тѣмъ не менѣе, второй вопросъ имѣетъ, вообще говоря, лишь ограниченное значеніе. Въ общей формѣ онъ врядъ ли можетъ быть поставленъ.

— «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ»,—сказалъ мнѣ одинъ политическій дѣятель, справедливо гордящійся бѣлоснѣжностью своей ризы, въ отвѣтъ на предложеніе привлечь къ важному дѣлу знаменитаго N.—N, конечно, далеко не святой, но, навѣрное, хорошій музыкантъ...

Каждому свое: однимъ людямъ позировать для революціонныхъ иконъ, другимъ—дѣлать революцію. Вотъ чего требуетъ, повидимому, жизнь. Надо бы помнить и историческіе примѣры: Мининъ былъ взяточникъ; Пожарскій при Борисѣ Годуновѣ занимался

писаніемъ доносовъ. Это не помѣшало имъ, однако, спасти отъ гибели Россію.

Объ одной политической организаціи: Senatores boni viri, senatus enim mala bestia [1]).

Есть поговорки, представляющія собой явное издѣвательство надъ истиной. Напримѣръ: лежачаго не бьютъ.

Большевики очень возмущены тѣмъ, что А. Ф. Керенскій скрылся отъ «суда».

Иванъ Грозный писалъ князю Андрею Курбскому: «Се бо есть воля Господня—еже, благое творяще, пострадати. И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни носити?»

Царь Иванъ Васильевичъ здѣсь явно давалъ волю своему зловѣщему юмористическому дарованію. Но вожди современной опричнины, которымъ для полноты историческаго сходства не мѣшало-бъ украсить себя песьими головами, повидимому, говорятъ совершенно серьезно. Участь Духонина, Коровиченки, Шингарева, Кокошкина, тысячъ другихъ не смущаетъ ихъ:

---

[1]) Сенаторы хорошіе люди, но сенатъ скверное животное.

«Избіенныя же и заточенныя вси пріяша по своимъ винностѣмъ».

Когда подъ звуки барабановъ Сантерра въ корзину парижскаго палача упала голова Людовика XVI, кто могъ предположить, что черезъ 20 лѣтъ на томъ же самомъ мѣстѣ будутъ служить траурную очистительную мессу вѣрные слуги новаго короля Франціи и Наварры? И тѣмъ болѣе—кто могъ подумать, что въ числѣ этихъ вѣрныхъ слугъ, благоговѣйно проливающихъ слезы надъ мѣстомъ успокоенія «вѣнценоснаго мученика», окажется не мало людей, громогласно требовавшихъ съ трибуны Конвента головы «преступнаго Капета».— Въ составъ Революціоннаго Комитета III года входили тринадцать будущихъ графовъ и одинъ будущій князь...

Гильотина произвела отборъ достойнѣйшихъ. За грѣхи французской монархіи поплатился добрѣйшій изъ королей Франціи; за грѣхи революціи—лучшіе изъ революціонеровъ. Карлъ X и Фуше остались невредимы...

Царь Николай II былъ, за недѣлю до своего паденія, совершенно увѣренъ въ безпредѣльной преданности самодержавному строю всего русскаго народа. Въ этомъ смыслѣ у насъ безспорно существуетъ преемственность, если не власти, то по крайней мѣрѣ ея традицій. Годъ тому назадъ Россія всенародно нарушила свою присягу царю,—и, разумѣется, прекрасно сдѣлала. Это не помѣшало Временному Правительству первымъ дѣломъ привести армію къ новой присягѣ, на которую, кажется,

сильно разсчитывалъ добрый князь Львовъ. Теперь красноармейцы присягаютъ *по новому* на вѣрность совѣтской власти. Сильный этимъ и сочувствіемъ «трудящихся массъ всего міра», Ленинъ бодро шагаетъ по пути къ взыскуемому граду. Но волей судьбы взыскуемый градъ иногда носитъ названіе Тобольскъ, и въ году великой, міровой, послѣдней, коммунистической революціи одинъ изъ мѣсяцевъ называется термидоръ.

Современныя событія несомнѣнно являютъ полное торжество идеи забитой и загнанной буржуазіи: ея побѣдители буржуазнѣе, чѣмъ она сама.

Ленинъ правъ: жизнь, взбаламученная «соціалистической революціей», принесетъ въ деревню «кодексъ новой правды». Только этотъ кодексъ, вѣроятно, будетъ—съ небольшими поправками—Десятый Томъ Свода Законовъ. Онъ освятитъ сложившееся положеніе вещей, закроетъ на многое глаза и назоветъ благопріобрѣтеннымъ награбленное.

Любителямъ исторической телеологіи предлагается отвѣтъ на вопросъ: для чего нуженъ Ленинъ?—Для торжества идеи частной собственности. Если вѣрить К. Пруткову, то «и терпентинъ на что нибудь полезенъ». Но такое назначеніе большевистскаго терпентина представляетъ, несомнѣнно, одну изъ самыхъ злыхъ шутокъ исторіи.

Протопоповъ компрометтировалъ реакцію и подготовлялъ революцію. Ленинъ компрометтируетъ революцію и подготовляетъ реакцію. Прежде мы могли утѣшаться формулой, завѣщанной Россіи Пушкинымъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Теперь, къ несчастью, чѣмъ хуже тѣмъ хуже.

Все, что дѣлается, есть самая очевидная и чистѣйшая импровизація. Русская революція, какъ дочь родную мать, напоминаетъ русскую войну. Ленинъ законный наслѣдникъ Николая Николаевича. Походъ на капиталистическій строй, по замыслу и подготовкѣ, стоитъ похода на Карпаты. Гдѣ будутъ при отступленіи «заранѣе подготовленныя позиціи»?

Въ Парижскомъ Люксембургскомъ Музеѣ есть прекрасная скульптура Тюргона: слѣпой ведетъ парализованнаго. Московитская Совнаркомія должна была бы украсить свой гербъ изображеніемъ этой статуи.

Писатель, смѣло выдающій бронзовые векселя: Д. С. Мережковскій. Года два тому назадъ онъ торжественно обѣщалъ: «Будетъ радость». Его пьесу подъ этимъ названіемъ мы видѣли, но радости все еще ждемъ. Теперь мы услышали лекцію,—она надѣлала много шума: «Россія будетъ». Конечно, будетъ. Но какая? За свой пожаръ мы платимъ крупную страховую премію: въ международной практикѣ обычаи гражданскаго обихода нерѣдко соблюдаются навыворотъ.

Фридрихъ Штейнъ, «создатель новой Пруссіи», одинъ изъ виднѣйшихъ актеровъ европейской поли-

тической сцены, на склонѣ своихъ дней писалъ: «Das Resultat meiner Lebenserfahrung ist die Nichtigkeit des menschlichen Wissens und Treibens, besonders des politischen» [1]).

Эти слова крупнаго государственнаго дѣятеля мнѣ вспомнились въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ бывшихъ министровъ. Онъ, напротивъ, приписывалъ своему политическому Wissen и, въ особенности, Treiben едва ли не всемірное значеніе. И видитъ Богъ, что ему весьма далеко до Штейна.—«Это человѣкъ или нарочно?»,—спрашиваетъ въ извѣстномъ анекдотѣ дѣвочка, увидѣвшая писателя Апухтина, который отличался необычайной толщиной. Здѣсь на устахъ вертѣлся такой же вопросъ: министръ или нарочно?

Онъ пишетъ теперь свои воспоминанія. Судя по его словамъ, оправдываетъ себя, винитъ другихъ, шумитъ, жалуется и грозитъ.

Такъ, впрочемъ, ему и подобаетъ.

Le bruit est pour le fat, la plainte pour le sot,
L'honnête homme se retire sans prononcer un mot.

Къ парадоксамъ современнаго милитаризма. Наполеонъ утверждалъ, что командовать арміей можно только до 40 лѣтъ. Ни одинъ коммерсантъ не пригласилъ бы къ себѣ на службу управляющаго или бухгалтера въ возрастѣ современныхъ генералиссимусовъ. Говорятъ, военный опытъ пріобрѣтается долгими годами. Гдѣ же его пріобрѣтаютъ? Девяносто процен-

[1]) Результатъ моего жизненнаго опыта—ничтожество человѣческаго знанія и дѣйствія, въ особенности политическаго.

товъ нынѣшнихъ полководцевъ до 1914 года ни разу не видали настоящаго поля сраженія. Для Аннибала, Цезаря, Тюренна, Наполеона, Нея, Даву война была ремесломъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: они провели въ походахъ большую часть своей жизни. Но Аннибалы и Цезари германскаго генеральнаго штаба могли вынести опытъ высшаго командованія развѣ только изъ недавней войны съ герреро. Тѣмъ не менѣе они превосходно справляются со своей задачей. Можетъ быть, это свидѣтельствуетъ о томъ, что индивидуальность полководцевъ имѣетъ въ настоящее время довольно ограниченное значеніе,—какъ для хода военныхъ дѣйствій, такъ и для психики народныхъ массъ. Гинденбургъ только минутное воплощеніе потребности культа героевъ. Вчера Гинденбургомъ былъ Маккензенъ, позавчера Клуккъ, Тирпитцъ или кто-то еще.

Жоресъ въ одной изъ самыхъ вдохновенныхъ своихъ рѣчей, призывая Францію къ разоруженію, воскликнулъ: «въ крайнемъ случаѣ мы погибнемъ, но наша гибель послужитъ дѣлу освобожденія человѣчества». Во всякой другой странѣ, будь это Германія, Англія или Соединенные Штаты, политическая карьера человѣка, который позволилъ бы себѣ такую фразу, была-бъ навѣки разбита. Французская аудиторія отвѣтила трибуну бѣшеннымъ взрывомъ апплодисментовъ.

Но когда началась война, этотъ удивительный народъ, неожиданно для своихъ враговъ и даже для самого себя, сталъ самымъ воинственнымъ народомъ въ мірѣ. Въ эпикурейцахъ современныхъ Аѳинъ проснулся духъ крестовыхъ рыцарей. Сердце человѣка полно

контрастовъ. Пасифистская пропаганда иногда влечетъ за собой непредвидѣнные результаты. Съ извѣстнымъ правомъ можно утверждать: «si vis bellum para pacem».

Въ наше время, по очень несчастному для народовъ обыкновенію, тѣ, что объявляютъ войну, не принимаютъ въ ней участія; а тѣ, что сражаются и гибнутъ, не участвуютъ въ объявленіи войны. Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII были послѣдніе монархи, павшіе на полѣ брани.

У войны есть особая этика, не безъ труда усваиваемая чувствомъ справедливости штатскаго человѣка. Когда простой солдатъ прокрадывается во вражескій станъ и, показывая чудеса хладнокровія и отваги, исполняетъ то, къ чему его обязываютъ солдатскій долгъ и дисциплина, его, какъ шпіона, немедленно вѣшаютъ. Но если въ плѣнъ, въ видѣ исключенія, попадется императоръ, пролившій море крови, то враги съ почтительными поклонами и съ непокрытой головой просятъ его величество пожаловать въ отведенный для него роскошный замокъ. Для помазанниковъ Божіихъ девизъ Борджіа «aut Caesar, aut nihil» лишь весьма рѣдко имѣетъ буквальный смыслъ: въ трудныя минуты иные изъ нихъ, какъ Фридрихъ «Великій», поговариваютъ о самоубійствѣ, но никогда не кончаютъ съ собой—по религіознымъ побужденіямъ. Сорвавшійся помазанникъ проводитъ остатокъ жизни, занимаясь на досугѣ спортомъ, составленіемъ мемуаровъ и придумываніемъ красивыхъ *восклицаній* (они вѣдь не говорятъ, а восклицаютъ), вродѣ «все потеряно, кромѣ

чести»,—восклицаній, которыми немедленно укашается поэтическая легенда коронованнаго страдальца: участь деспота, потерявшаго опасную игрушку, больше волнуетъ нелѣпый романтизмъ человѣческой природы, чѣмъ хотя бы судьба солдата, котораго носятъ въ мѣшкѣ, такъ какъ ему оторвало ядромъ руки и ноги. «Vae caecis ducentibus, vae caecis sequentibus», грозилъ когда-то св. Августинъ. Въ особенности, конечно, sequentibus.

Впрочемъ, статистикъ Молинари давно доказывалъ, что ремесло убійцы безопаснѣе ремесла рудокопа.

Въ смерти Бисмарка было что-то символическое. Вотъ какъ ее описываетъ его біографъ Welschinger: «Въ субботу 30-го іюля 1898 года, около трехъ часовъ, началась агонія. Въ это время буря разразилась на Сѣверномъ морѣ и бѣшеный вѣтеръ врывался въ окна замка и стоналъ между соснами огромнаго лѣса. Въ одиннадцать часовъ вечера князь поднялся на постели, поднесъ руки къ лицу, *точно защищаясь отъ какого-то страшнаго видѣнія*, и скончался»...

Какъ извѣстно, Бисмаркъ въ отставкѣ испытывалъ «угрызенія совѣсти». Одну изъ его покаянныхъ мыслей помѣстилъ даже Л. Н. Толстой въ своемъ «Кругѣ Чтенія»: «Тяжело у меня на душѣ. Во всю свою долгую жизнь никого не сдѣлалъ я счастливымъ, ни своихъ друзей, ни семьи, ни даже самого себя. Много, много надѣлалъ я зла... Я былъ виновникомъ трехъ большихъ войнъ. Изъ-за меня погибло болѣе 800 тысячъ людей на поляхъ сраженій; ихъ теперь оплакиваютъ

матери, братья, сестры, вдовы... И все это стоитъ между мною и Богомъ»...

Большого значенія покаянныя настроенія канцлера, конечно, не имѣютъ. Поклонники Бисмарка даже рады увидѣть на своемъ героѣ, кромѣ всѣхъ прусскихъ орденовъ, еще вѣнецъ христіанскаго величія. Но, въ связи со страничкой изъ Welschinger'a, это насъ, современниковъ каннибальскаго торжества, должно тѣмъ не менѣе нѣсколько утѣшать. Особенно если вспомнить, что и дѣла Бисмарковъ не такъ ужъ прочны—sub specie durationis. Германское могущество рано или поздно будетъ тамъ, гдѣ покоится величіе Камбиза, Августа, Филиппа II, Николая I.

Hoc equidem occasus Troiae tristesque ruinas
Solabar fatis contraria fata rependens. [1])

«Что сдѣлало революцію? Честолюбіе. Что положило ей конецъ? Тоже честолюбіе. Но какимъ прекраснымъ предлогомъ была для насъ всѣхъ свобода.» Такъ говорилъ въ соотвѣтствующій моментъ исторіи большой знатокъ дѣла Наполеонъ I. Герой 18-го брюмера, быть можетъ, и заблуждался, насмѣхаясь надъ «среднеумными людьми», которымъ, какъ ни какъ, принадлежалъ и принадлежитъ міръ. Въ революціи, да и въ другихъ большихъ человѣческихъ дѣлахъ, должно умѣть отдѣлять результаты отъ мотивовъ, трагедію отъ актеровъ. Рушатся государства и троны, подъ свистъ разгнѣванной толпы сходятъ со сцены вчерашніе

[1]) Это мнѣ было утѣшеньемъ въ закатѣ Трои, въ ея печальныхъ развалинахъ: року противоставлялся мною рокъ.

кумиры, въ мукахъ что-то умираетъ, говорятъ даже, будто въ мукахъ что-то рождается,—какъ же забыть въ вихрѣ подобныхъ событій о существованіи «исторической перспективы»? Къ сожалѣнію, ее одинаково извращаетъ и свое, и чужое 18-ое брюмера.

18-ое брюмера передъ нами. Чужое и скверное. Что съ того, что наши Наполеоны обыкновенно начинаютъ съ Ватерлоо? Очень нетрудно «абстрагировать» 18-ое брюмера отъ бутафоріи пирамидъ и Маренго, отъ Аркольскаго моста и Яффскаго лазарета. Шпага побѣдителя, или штыкъ дезертира, ботфорты со шпорами или немазанные сапоги, преторіанскій порядокъ или красногвардейскій хаосъ, не все ли въ концѣ концовъ равно съ точки зрѣнія принципа? Я смотрю на политическій календарь и ясно читаю: 19 брюмера.

«Timeo homines unius libri», «боюсь людей одной книги», говорилъ Ѳома Аквинскій. Гораздо страшнѣе люди одной газеты. Особенно, если газета эта «Правда».

Опредѣляющая черта большевистской идеологіи—примитивность. Г. Ленинъ несомнѣнно очень выдающійся человѣкъ, но онъ примитивенъ, какъ протопопъ Аввакумъ, котораго сильно напоминаетъ и первобытностью своего полемическаго темперамента: «Ни риторъ, ни философъ, дидаскальства и логофетства не искусенъ, простецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣдѣнія». Напоминаетъ онъ протопопа и своей ненавистью къ противнику, глубокимъ презрѣніемъ къ чужой мысли (недаромъ онъ написалъ когда-то прелестную книжку противъ всѣхъ философовъ),—черта генія въ одномъ случаѣ, черта варвара въ ста другихъ. Въ полемиче-

скомъ обиходѣ г. Ленина весь словарь Аввакумовскихъ ругательствъ, разумѣется нѣсколько модернизированный. Но «буржуазная сволочь», «презрѣнные дурачки» и «звѣри капитализма» значатъ, вѣроятно, то же самое, что алгмѣй, косая собака или антихристовъ шишъ.

Въ частности, своихъ противниковъ изъ лагеря соціалистовъ г. Ленинъ всегда ненавидѣлъ больше, чѣмъ служителей самодержавнаго строя.

Надо отдать справедливость лидеру большевиковъ: онъ не церемонится и со своей братіей, когда послѣдняя осмѣливается выходить изъ подъ ферулы учителя. Неподражаема его гнѣвная статья о г. Зиновьевѣ, испытавшемъ мучительныя минуты колебанія передъ вооруженнымъ выступленіемъ 25 октября. Совершенно такъ же честилъ Аввакумъ ученика, который какъ-то пошелъ противъ его воли: «Не помышляй себѣ того, дуракъ, еже отъ Бога тебѣ, кромѣ покаянія, помилована быти... Да пріидетъ на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжетъ тя огнь яко содомлянъ, аще не зазришь души своей треокаянной! Кайся, трехглавый змій, кайся, собака дура!». Аввакумовъ ученикъ, какъ и г. Зиновьевъ, дѣйствительно, немедленно покаялся.

Протопопъ царя Алексѣя Михайловича тоже не жаловалъ буржуазію: «Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянной... Плюнулъ бы ему въ рожу-ту и въ брюхото толстое пнулъ бы ногою». Весьма вѣроятно, что Аввакумъ стоялъ бы теперь за додушеніе буржуазіи и за отправку капиталистовъ «на шесть мѣсяцевъ въ рудники».

Зато въ отношеніи свободы слова протопопъ былъ, при всей своей ненависти къ латынникамъ, много либеральнѣе г. Ленина. «Чюдо», говорилъ онъ о никоніанахъ, «какъ то въ познаніе не хотятъ придти? Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ —не знаю... Тѣ учители явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же». — Золотыя мысли.

Свобода слова, разумѣется, лишь «наименьшее зло». Есть два рода писателей: одни сѣютъ «разумное, доброе, вѣчное», а другіе поставляютъ для этой цѣли навозъ. Но такъ какъ подраздѣленіе писателей по названнымъ двумъ категоріямъ всегда нѣсколько субъективно, то въ концѣ концовъ Европа додумалась до принципа свободы слова, который такъ плохо усваиваютъ русскіе правители, начиная отъ Рюрика и кончая нынѣшнимъ генераломъ Дитятинымъ, не закрывшимъ *всѣхъ* газетъ только потому, что противъ этого возражаютъ печатники.

«По мнѣнію дураковъ», говорилъ Гейне, «для того, чтобы взять Капитолій, нужно первымъ дѣломъ напасть на гусей». Мнѣніе дураковъ, повидимому, совершенно раздѣляется Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ. Коммунистическому Унтеру Пришибееву слѣдовало бы помнить хоть то, что не всякая стая птицъ спасаетъ отъ гибели Римъ. Опаснѣйшими гусями при Капитоліи русской свободы оказались вечернія газеты.

«Книга губитъ соціальную революцію», сказалъ какъ-то г. Ленинъ. По существу онъ, разумѣется, совершенно правъ: его революцію, какъ и его соціализмъ, книга дѣйствительно губитъ. Приходится въ данномъ случаѣ констатировать нѣкоторую непослѣдователь-

ность: настоящее безсмертіе г. Ленинъ обрѣлъ бы, еслибъ во славу большевистскаго Корана сжегъ Публичную Библіотеку.

— «Отлучаю тебя отъ церкви воинствующей и торжествующей», — сказалъ епископъ Вазонъ, когда Джироламо Савонарола всходилъ на костеръ.—«Воинствующей, но не торжествующей»,—поправилъ Савонарола. «Слова эти были произнесены съ такимъ выраженіемъ», разсказываетъ Виллари, «что остались въ памяти навѣки у тѣхъ, кто ихъ слышалъ.»

Флорентійскій мученикъ былъ совершенно увѣренъ въ надземной правотѣ своей смерти: «Пусть міръ тѣснитъ меня сколько хочетъ, пусть враги мои возстаютъ на меня, я ничего не боюсь, какъ тотъ, который возложилъ всю свою надежду на Бога... Не буду надѣяться на людей, а лишь на Господа, и хвалу воздамъ Ему передъ лицомъ всего народа, ибо честна передъ Господомъ смерть преподобныхъ Его. Если даже полки всего міра устремятся на меня, не убоится сердце мое, ибо Ты прибѣжище мое и Ты приведешь меня къ моей цѣли». Это послѣднія слова, написанныя Савонаролой: затѣмъ у него была отобрана бумага. Ученикъ фанатика, Фра-Доменико, узнавъ, что будетъ сначала повѣшенъ, а только потомъ сожженъ, умолялъ сжечь его живымъ, «чтобы онъ могъ перенести еще болѣе тяжкія муки ради креста Христова».—«Погребите меня», писалъ онъ монахамъ Санъ-Доменико въ Фіезоле,—«въ самомъ скромномъ мѣстѣ, не въ церкви, а у вратъ ея въ уголкѣ. Молитесь за меня, совершая литургію et coetera solita; я же тамъ, гдѣ надѣюсь быть,

стану молиться за васъ. Соберите въ моей кельѣ всѣ произведенія Фра-Джироламо.»

Эта психологія болѣе или менѣе чужда людямъ новаго времени. Повидимому, 18 вѣкъ сдѣлалъ ее невозможной. Много легендъ, связанныхъ со смертью героевъ, знаетъ Великая Французская Революція или Плутарховская эпопея Народной Воли, но характеръ этихъ легендъ все-же совершенно другой. Не такіе мотивы звучали въ Conciergerie на прощальномъ ужинѣ жирондистовъ, не такъ писали и говорили передъ казнью Дантонъ и Демуленъ, Желябовъ и Валеріанъ Осинскій. Какая-то струна въ аккордѣ вѣры, очевидно, порвалась за четыре столѣтія.

Къ фанатизму мучениковъ средневѣковья примѣшивался и личный интересъ: вѣра обѣщала имъ за гробомъ райскую счастливую жизнь. У нынѣшнихъ апостоловъ нѣтъ такой надежды. Ихъ вѣра поэтому чище, но съ другой стороны и слабѣе. Нынѣшнія же событія могутъ печально отразиться и на будущемъ гуманитарнаго идеализма. Четыре пережитыхъ нами года стоятъ вѣковъ и было бы удивительно, еслибъ аккордъ вѣры не сталъ неизмѣримо бѣднѣе послѣ всего, что произошло. Костры погасли и, должно быть, не возродятся. Висѣлицы пока уцѣлѣли, но, быть можетъ, когда либо исчезнутъ,— хотя по нынѣшнимъ временамъ это и не слишкомъ вѣроятно. Будутъ ли однако появляться кандидаты на костеръ и висѣлицу? Такъ ли достовѣрно, будто психологія самопожертвованія неотъемлема отъ природы человѣка? Старикъ Монтэнь, правда, въ свое время увѣрялъ, что нѣтъ такой глупости, ради которой homo sapiens не былъ бы способенъ сломать себѣ шею. Вдругъ однако homo sapiens впредь откажется ломать себѣ шею даже ради самыхъ серьезныхъ дѣлъ?

Иное дѣло—ломать шею другимъ.

На тему: изъ Назарета можетъ ли быть что доброе? Мыслителемъ русскаго стараго строя считался К. П. Побѣдоносцевъ, человѣкъ большого практическаго ума, но совершенно ничтожный компиляторъ реакціонныхъ теорій, умѣвшій черпать политическую мудрость изъ самыхъ неожиданныхъ источниковъ. Его критика «великой лжи нашего времени»,—парламентаризма и прессы («Московскій Сборникъ»)—представляетъ собой буквальное воспроизведеніе «Парадоксовъ» Макса Нордау безъ малѣйшаго указанія на источникъ. Заимствовать для оффиціознаго изданія, выходящаго подъ фирмой оберъ-прокурора св. Синода, цѣлыя страницы изъ произведеній главы сіонистовъ, добавить отъ себя къ мыслямъ еврея приличную дозу антисемитизма и пустить парадоксы вѣнскаго фельетониста въ качествѣ руководящихъ наставленій для православныхъ священниковъ,—этотъ трюкъ былъ какъ разъ во вкусѣ Великаго Инквизитора.

Гражданинъ, примыкающій не то къ меньшевикамъ-интернаціоналистамъ, не то къ объединеннымъ соціалъ-демократамъ (никакъ не пойму, въ чемъ разница между этими партіями), убѣдительно доказывалъ мнѣ губительность большевистскихъ дѣйствій для Россіи, Европы, человѣчества, свободы, демократіи и соціализма. Я совершенно съ нимъ соглашался.

— Какой-же выходъ изъ положенія при создавшейся конъюнктурѣ?—спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Medicamenta, навѣрное, non sanant. Можетъ быть, ferrum sanat?

— Ни въ коемъ случаѣ,—ужаснулся онъ.—Соціализмъ погибнетъ, если они будутъ раздавлены силой.

Въ этомъ тоже была доля правды (правда, очень небольшая). Тѣмъ не менѣе я счелъ возможнымъ напомнить объединенному меньшевику слѣдующій эпизодъ изъ жизни Бодлэра, разсказываемый Анатолемъ Франсомъ:

Знакомый поэта, морской офицеръ, показывалъ ему однажды фигуру идола, вывезенную изъ дикихъ земель Африки. Показавъ свою негритянскую достопримѣчательность, офицеръ непочтительно бросилъ ее въ ящикъ.

— Берегитесь,—съ ужасомъ воскликнулъ Бодлэръ.—Что, если это и есть настоящій Богъ!

Одна изъ любопытнѣйшихъ личныхъ драмъ нашихъ дней—молчаливая трагедія П. А. Кропоткина. Думалъ ли апостолъ анархическаго ученія, что на старости лѣтъ онъ увидитъ въ родной своей странѣ недосягаемый идеалъ полнаго безвластія на развалинахъ сокрушеннаго государства? И думалъ ли онъ, каковъ будетъ этотъ идеалъ въ передачѣ г. Блейхмана и въ осуществленіи кронштадскихъ матросовъ?

Знаю дѣла твои, и трудъ твой, и терпѣніе твое, и то, что ты не можешь сносить развратныхъ, и испыталъ тѣхъ, которые называютъ себя апостолами, и они не таковы, и нашелъ, что они лжецы.

Ты много переносилъ и имѣешь терпѣніе, и для имени Моего трудился и не изнемогалъ.

Но имѣю противъ тебя то, что ты оставилъ первую любовь твою.

Впрочемъ то въ тебѣ хорошо, что ты ненавидишь дѣла Николаитовъ, которыя и Я ненавижу». (Апокалипсисъ, гл. II, 2—6).

Интересный человѣческій документъ: разговоръ Наполеона съ Бенжаменомъ Констаномъ, разсказанный въ воспоминаніяхъ послѣднимъ. Изъ этихъ двухъ людей одинъ—теоретикъ исторіи и права, другой—ихъ созидатель; одинъ—философъ, другой—тема для философа; одинъ пишетъ романы, другой творитъ ихъ своей жизнью. Оба внимательно всматриваются другъ въ друга. Наполеонъ чуть презираетъ Констана надменной мудростью все пережившаго человѣка, обаяніемъ своей легенды, снисхожденіемъ врожденнаго повелителя къ либеральному юристу. Констанъ не безъ робости вглядывается въ стоящее передъ нимъ живое чудо, хочетъ понять душу Наполеона художественнымъ инстинктомъ, старается противоставить идеѣ императора одну изъ своихъ идей... «Дѣло пятнадцати лѣтъ моей жизни погибло», говоритъ Наполеонъ, «оно не можетъ быть начато вновь». И въ это хладнокровное замѣчаніе человѣка, который констатируетъ фактъ и дѣлаетъ изъ него выводъ, вдругъ, какъ искра, вскальзываетъ нота неукротимаго кондотьера, давно утратившаго представленіе о возможномъ и невозможномъ: «Il faudrait vingt ans et deux millions d'hommes à sacrifier». Но нѣтъ ни того, ни другого,—ни двадцатилѣтняго срока, ни двухъ милліоновъ жизней... Практикъ тотчасъ же беретъ верхъ надъ кондотьеромъ.—Мнѣ нуженъ народный

энтузіазмъ. Народъ хочетъ (veut ou croit vouloir) свободы,—говоритъ Наполеонъ тономъ человѣка, котораго нельзя удивить никакой игрушкой,—я готовъ заплатить ему за одушевленіе конституціей, свободой слова, отвѣтственностью министровъ. «Je comprends la liberté».

Это пониманіе къ тому же достаточно гибко: «En prenant pour prétexte le prétendu principe de l'utilité générale on peut aller où l'on veut». Врядъ ли какая политическая максима оправдывалась въ исторіи такъ часто, какъ этотъ Наполеоновскій афоризмъ.

Мирабо и Жоресъ—два, быть можетъ, наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятеля новой эпохи. Въ нихъ много общаго. Даръ слова, ученость, разносторонность, способность къ работѣ были свойственны обоимъ въ необычайной мѣрѣ. Оба никогда не были у власти, но оба царили надъ людьми. Оба погибли въ роковыя минуты исторіи, на порогѣ міровыхъ крушеній.

Въ жизни—Мирабо буйный темпераментъ, Бенвенуто Челлини 18-го столѣтія, извѣдавшій много личныхъ бурь, авторъ Erotica Biblion, величайшій и глубоко развращенный эгоистъ; Жоресъ высоко нравственный человѣкъ, тихій семьянинъ, скромный профессоръ, жившій только для своего дѣла, для народа, для человѣчества. Въ политикѣ—Мирабо умѣреннѣйшій и аккуратнѣйшій «кадетъ», почти неизмѣнно стремившійся успокоить, примирить, согласовать, найти компромиссъ; Жоресъ неумолимый, послѣдовательный революціонеръ, апостолъ борьбы, апологетъ бунта...

Темпераментъ въ политикѣ и темпераментъ въ жизни—вещи разныя.

«Но то, что жизнью взято разъ, не въ силахъ рокъ отнять у насъ». Увы, «взятое» жизнью рокъ отнимаетъ у насъ ежедневно и есть много охотниковъ по мѣрѣ силъ помогать въ этомъ дѣлѣ року. Хуже всего, что отнынѣ ничего больше нельзя валить на «русскую жизнь» и никого не будетъ впредь заѣдать среда, та среда, которая заѣла половину героевъ нашей литературы. Не проходитъ безслѣдно вѣковая школа деспотизма и грубости. Русскій человѣкъ, грозящій своей кухаркѣ разсчитать ее «въ 24 часа», нынѣ гражданинъ «самой свободной страны въ мірѣ». Здѣсь року не приходится ничего и отнимать: политическая революція у насъ произошла, соціальная, повидимому, производится, но психологическая, навѣрное, будетъ не скоро.

«Судьба», говоритъ Людвигъ Берне, «никогда не даетъ матъ королю, не сказавши ему прежде—шахъ». Низверженный русскій императоръ не могъ пожаловаться на невниманіе со стороны Немезиды исторіи: въ выстрѣлѣ на набережной Мойки прозвучалъ для него послѣдній, но далеко не первый шахъ.

Только ли, однако, къ монархамъ примѣнимо правило Берне?

Въ день годовщины февральской революціи русское общество оглядывается назадъ. Проигравшій шахматный игрокъ съ сумрачнымъ интересомъ разбираетъ

потерянную партію, отыскивая роковую ошибку. Для чего? Для новой игры? Нѣтъ, онъ слишкомъ усталъ. Разбираетъ просто, чтобы знать. Вѣроятно, для теоріи.

Говорятъ, русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Это было бы не такъ плохо, еслибъ было вѣрно. Задній умъ по крайней мѣрѣ даетъ нѣкоторыя гарантіи для будущаго. Но, кажется, поговорка преувеличиваетъ: особыхъ проявленій задняго ума у насъ пока незамѣтно.

Впрочемъ, день національнаго праздника ознаменованъ открытіемъ «Просвѣтительнаго Общества 27-го февраля». Въ этомъ обществѣ сошлись виднѣйшіе дѣятели весенняго и лѣтняго періода 1917 года. Горькая иронія судьбы: русская революція, начавшая съ освобожденія вселенной, кончила просвѣтительнымъ обществомъ. Отъ «воззванія къ народамъ всего міра» мы— какою цѣною—пришли къ букварю.

◆◆

«Несчастная русская обломовщина»... Обломовъ— русскій, но развѣ не русскій Желябовъ? Любопытно, что прототипомъ «безвольнаго» Рудина послужилъ Тургеневу Бакунинъ, человѣкъ большихъ дѣлъ, оставившій прочный слѣдъ не только въ русской, но и въ европейской жизни. Чего стоитъ, въ смыслѣ практическаго результата, одна только его формула (впрочемъ, заимствованная у Прудона): «le suffrage universel est la contre - révolution», формула, выводы изъ которой сдѣлали историческую карьеру матроса Желѣзнякова.

◆◆

«Les haines sociales, comme les haines religieuses, sont beaucoup plus intenses, plus profondes que les haines politiques».

Такъ говорилъ Бакунинъ. Вѣрно ли это? Въ Россіи большевики *ставили* на соціальную вражду (къ буржуазіи), ихъ противники на національно-политическую (къ Германіи). Побѣдили большевики. На западѣ пока результатъ обратный. Но рѣзкія грани легко стираются жизнью. Вражда къ нѣмцамъ, порабощающимъ Россію, можетъ пріобрѣсти соціальный характеръ. Ненависть пролетаріата къ буржуазіи или буржуазіи къ пролетаріату облечется, весьма вѣроятно, въ форму антисемитизма. Даже люди, очень довольные внѣшней политикой г. Троцкаго, могутъ не простить ему того, что онъ распялъ Христа.

Гомеръ говоритъ гдѣ-то о волшебномъ растеніи лотосъ, отвѣдавъ котораго человѣкъ забывалъ о своей родинѣ. Въ наше время лотосъ сталъ русскимъ національнымъ блюдомъ. Но онъ рано или поздно пріѣстся —и тогда улица проявитъ такую любовь къ отечеству (въ особенности, къ его дыму), что мы всѣ превратимся въ интернаціоналистовъ.

Поэты, какъ статуя Мемнона, поютъ тогда, когда надъ страною восходитъ солнце. У всякой революціи есть свои Шенье.

Пѣвцомъ «великой пролетарской зари» оказался г. Александръ Блокъ. Почему этотъ подлинный поэтъ очутился въ числѣ соперниковъ г. Демьяна Бѣднаго, можетъ быть, не совсѣмъ понятно. Но нетрудно отыскать въ такомъ представительствѣ сим-

волику, если принять во вниманіе юношескую свѣжесть и дѣвственную чистоту таланта г. Блока.

Дикая утка «потолстѣла». Оказалась черной вороной прекрасная синяя птица. Ибсенъ и Метерлинкъ не нашли бы источниковъ вдохновенія въ совѣтской, коммунистической Россіи.

Авторъ «Незнакомки» était tout indiqué:

Звѣзда, павшая съ неба и воплотившаяся въ прекрасную *незнакомку,* была, какъ извѣстно, просто уличной женщиной.

Органически кощунственный талантъ могъ возвести октябрьскую революцію въ перлъ созданія.

И мы имѣемъ поэму «Двѣнадцать», отмѣченную большимъ чувствомъ ритма, выдающимся фонетическимъ дарованіемъ.

Но съ ужасомъ мы слышимъ въ ней старое «Бри!», такъ угнетавшее когда-то фантазію г. Блока.

Безчисленные «Gott mit uns», которые произносились на всѣхъ языкахъ въ теченіе этой безпримѣрно-варварской войны—чаще всего людьми, непосредственно въ ней не участвующими,—были, разумѣется, проявленіями самаго подлиннаго кощунства. Но мы привыкли къ тому, что военныя гекатомбы славословятся текстами изъ Евангелія.

Было бы странно, если бъ самыя отвратительныя страницы революціи, законное наслѣдье войны, обошлись безъ подобныхъ славословій, нѣсколько менѣе для насъ привычныхъ.

Отрядъ красногвардейцевъ только-что пристрѣлилъ «толстоморденькую Катьку»: она «съ юнкерьемъ гулять ходила, съ солдатьемъ теперь пошла»,—и при

этомъ измѣнила одному изъ «двѣнадцати». Прикончивъ Катьку, красногвардейцы идутъ дальше:

Такъ идутъ державнымъ шагомъ—
Позади—голодный песъ,
Впереди—съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ—
Впереди—Исусъ Христосъ.

Цѣль достигнута: неожиданность образа безспорна. О цѣнности его этого сказать нельзя.

«Абстрагировать» отъ кучки революціонныхъ хулигановъ идею борьбы за соціальную справедливость; «абстрагировать» отъ борьбы то, что роднитъ ее съ обликомъ Христа, — этотъ философскій примитивъ очень не дорого стоитъ. Онъ всецѣло на уровнѣ пониманія любого читателя «Правды».

И главное, г. Блокъ не выдумалъ все таки ничего новаго.

Такъ же легко было отвлечь отъ потопленія «Лузитаніи» самопожертвенную дѣятельность моряковъ подводной лодки и по этому случаю вспомнить «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ»,—что неоднократно и дѣлалось на страницахъ пангерманской печати, какъ въ прозаической, такъ и въ стихотворной формѣ.

Но тамъ всетаки Христосъ съ подводнымъ пиратомъ сближался гораздо искуснѣй, хотя и съ меньшимъ звуковымъ дарованіемъ. Фиговые листочки, какъ ни какъ, представляютъ собой дань чувству приличія у читателя.

Трахъ-тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ, [1])
Вскрутился къ небу снѣжный прахъ!..
Лихачъ—и съ Ванькой—на утекъ...
Еще разокъ! Взводи курокъ!..
Трахъ-тарарахъ! Ты будешь знать,
. . . . . .
Какъ съ дѣвочкой чужой гулять!..

Стихъ, обозначенный точками, очевидно передаетъ народное скиѳское восклицаніе, которое произноситъ, убивая Катьку, краснѳгвардеецъ, шествующій въ обществѣ Исуса Христа...

По моему, чтобы окончательно посрамить отсталую Европу, скиѳскій художественный и соціальный радикализмъ требовалъ помѣщенія этого восклицанія цѣликомъ.

Иначе получается недостаточно философской глубины и слишкомъ много буржуазнаго вкуса.

Наша революція, за полгода пришедшая отъ г. Родзянки къ г. Ленину, прошла подъ девизомъ лондонскихъ извозчиковъ «keep to the left» (держи налѣво). Несчастье «демагогіи» (опредѣленіе точнаго смысла этого слова связано съ чрезвычайными трудностями) заключается именно въ томъ, что на смѣну всякаго лѣваго демагога быстро приходитъ демагогъ, еще болѣе лѣвый.

То же самое у насъ было и въ смутное время. Самозванецъ обѣщалъ больше, чѣмъ Борисъ, Шуйскій больше, чѣмъ Самозванецъ, Ляпуновъ больше, чѣмъ Шуйскій. Кончилось это, какъ извѣстно письмомъ,

[1]) Нетрудный, кстати сказать, стихъ.

Шереметева къ Голицыну: «Миша де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ».

Можетъ быть, и теперь кончится буквально такъ же.

Въ первый день русской военно-революціонной трагедіи (20-го іюля 1914 года) на площади Зимняго Дворца съ пѣніемъ преклонила колѣни передъ царемъ стотысячная толпа авангарда революціи—петербургскихъ рабочихъ. Прелюдіей къ нынѣшней Zukunftsmusik было «Боже, царя храни». Отчего и финалу не быть—въ темпѣ presto—такимъ же?

Но, разумѣется, и финалъ въ свою очередь есть не болѣе, какъ прелюдія.

◆◆

При царяхъ евреи разсматривались въ Россіи, какъ національность, вѣроисповѣданіе, сословіе и политическая партія. Въ 1913 году они стали еще изувѣрской сектой. Теперь въ нихъ видятъ правящую касту. Но глубоко правъ былъ Меттернихъ, утверждая, что всякая страна имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ заслуживаетъ.

◆◆

Нѣтъ ничего легче, чѣмъ предсказывать то, что было. Пророковъ, предсказывающихъ то, что будетъ, гораздо меньше и они часто бываютъ не слишкомъ ясны. Но въ исторіи мірового шарлатанства и роль Пиѳіи не принадлежитъ къ числу самыхъ легкихъ.

Гипотетическій умъ, созданный фантазіей Лапласа, охвативъ единой формулой движеніе міровыхъ массъ и крошечныхъ атомовъ, могъ увѣренно читать въ

книгѣ грядущихъ судебъ. Вовможно, что съ современнымъ Бедламомъ не справился бы и этотъ фантастическій геній. Въ мірѣ реальномъ онъ во всякомъ случаѣ упорно не хочетъ воплотиться.

«Notre vertu la moins contestable, c'est d'être clairvoyants» [1]), говоритъ Морисъ Барресъ, за всю свою жизнь ни разу ничего правильно не предвидѣвшій. Изъ ста людей, которые оставили послѣ себя слѣдъ, быть можетъ, одинъ добродѣтеленъ въ этомъ смыслѣ слова. Въ старыхъ книгахъ порою встрѣчаешь страницы рѣдкаго проникновенія и удивляющей глубины. Но фантазіи, но ошибокъ все же неизмѣримо больше.

Особенно много иллюзій порождала категорія времени: ошибались не на годъ и даже не на столѣтіе,—иногда на десятки столѣтій.

Мечта о земномъ раѣ покрыта пылью вѣковъ. Первымъ соціалистомъ былъ, вѣроятно, Адамъ...

Нынѣшній строй не вѣченъ,—это совершенно несомнѣнно. Въ строѣ, который придетъ ему на смѣну, будутъ преобладать формы коллективнаго владѣнія,—это весьма вѣроятно. Новый строй принесетъ людямъ больше матеріальнаго благосостоянія,—это вполнѣ возможно. Но какъ онъ наступитъ и черезъ сколько времени,—вотъ вопросъ, многочисленные отвѣты на который представляютъ собой одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи человѣческаго незнанія.

Нѣсколько примѣровъ наудачу:

Когда старикъ Платонъ, называемый обыкновенно божественнымъ, хотя это былъ, въ сущности, очень земной философъ, отправлялся въ Сиракузы къ муд-

---

[1]) Наша самая несомнѣнная добродѣтель—это быть проницательными.

рому тирану Діонисію, онъ былъ увѣренъ, что, проникшись силой его доводовъ, просвѣщенный правитель Сициліи осуществитъ въ своей землѣ принципы коммунистической республики и тѣмъ самымъ откроетъ новую счастливую эру бѣдствующему человѣческому роду. Однако, Діонисій Сиракузскій оказался другого мнѣнія—и Платона, какъ извѣстно, постигли большія непріятности. Проданный въ рабство, онъ спасеніемъ своимъ былъ обязанъ лишь дружбѣ Киринеянина Аннихериса, который на эгинскомъ базарѣ купилъ знаменитаго мудреца за 20 минъ, что́, разумѣется, было недорого. Печальныя обстоятельства однако не поколебали вѣры Платона въ близость коммунистическаго переворота и много лѣтъ спустя, по смерти Діонисія Старшаго, онъ вторично отправился въ Сиракузы съ тѣмъ же предложеніемъ къ новому просвѣщенному тирану Діонисію Младшему, который принялъ его не лучше.

Совершенно такъ же, какъ Платонъ, былъ увѣренъ въ близости соціалистическаго строя благочестивый доминиканскій монахъ Томмазо Кампанелла, авторъ гремѣвшей когда-то книги Civitas Solis. Этотъ Калабрійскій Ленинъ 16-го столѣтія организовалъ большой политическій заговоръ съ цѣлью замѣны существовавшаго въ Неаполѣ строя коммунистической республикой посредствомъ военнаго возстанія. Исторія повторяется. Картина заговора Кампанеллы до мелочей сходна съ тѣмъ, что происходило въ Петербургѣ въ дни 3—5 Іюля 1917 г. Для осуществленія плана Кампанелла предполагалъ напасть со своими приверженцами на страшную неаполитанскую тюрьму («Кресты» той эпохи назывались «Яйцомъ» —Il Ovo), выпустить политическихъ заключенныхъ, а заодно воровъ и бан-

дитовъ, захватить съ ихъ помощью правительственныя учрежденія, сжечь всѣ бумаги (это очень характерно), а затѣмъ, расправившись съ іезуитами, къ которымъ онъ относился приблизительно такъ, какъ большевики къ «меньшевикамъ и правымъ эсъ-эрамъ», приступить къ организаціи общества на новыхъ коммунистическихъ началахъ. Желая обезпечить успѣхъ своему предпріятію, Кампанелла, человѣкъ исключительнаго безкорыстія, счелъ возможнымъ войти въ соглашеніе съ могущественнымъ внѣшнимъ врагомъ, съ турецкимъ визиремъ Гассаномъ. Возстаніе однако не удалось. Вице-король неаполитанскій, графъ Лемосъ (Керенскій калабрійской революціи) быстро собралъ войска и разбилъ заговорщиковъ. Кампанелла пытался бѣжать на турецкій военный корабль, но—не можетъ же исторія повторяться буквально—радость спасенія и реванша не была уготована несчастному монаху. Пойманный и подвергнутый тяжкой пыткѣ, онъ провелъ въ томъ же «Яйцѣ» 27 лѣтъ жизни. Вѣра его въ близость коммунистическаго строя, какъ и у Платона, не поколебалась отъ испытаній.

Въ видѣ исключенія изъ общаго правила нѣсколько менѣе оптимистично былъ настроенъ предтеча всѣхъ утопистовъ, изобрѣтатель острова «Утопіи», Томасъ Муръ. «Знаменитѣйшій, ученѣйшій мужъ, лондонскій гражданинъ и виконтъ»,—такъ аттестовалъ Мура его издатель,—кажется, плохо вѣрилъ въ прекрасное дѣтище своей фантазіи: «Я охотно признаю», писалъ онъ въ заключеніи своего діалога, «что въ утопійскомъ государствѣ много такого, чего можно было бы пожелать и нашимъ странамъ, но особенной надежды на близкое осуществленіе этихъ желаній я не имѣю». Впрочемъ, комментаторы Мура высказы-

ваютъ мнѣніе, что такія мысли предназначались для отвода глазъ блюстителямъ порядка. Это, конечно, возможно. Такъ или иначе, Муръ довольно основательно забылъ разсказы Рафаэля Гитлодея и его критику существующаго строя въ тотъ самый день, когда сталъ государственнымъ канцлеромъ. Но, повидимому, не забылъ объ этомъ король Генрихъ VIII и послѣ нѣсколькихъ попытокъ канцлера—коммуниста, отличавшагося благородной независимостью характера, напомнить—не о конституціи острова Утопіи, а о конституціи острова Англіи—приказалъ отрубить Муру голову. Такимъ образомъ авторъ «Утопіи», бывшій канцлеромъ при жестокомъ королѣ, что довольно рѣдко случается съ коммунистами, «въ конечномъ счетѣ» не избѣжалъ обычной участи апостоловъ будущаго строя. «Всякій человѣкъ рано или поздно, но обязательно попадаетъ на свою полочку», любилъ говорить Бѣлинскій. Для Мура этой полочкой оказалась плаха.

Практическій скептицизмъ Томаса Мура во всякомъ случаѣ составляетъ исключеніе. Почти всѣ другіе коммунисты жили, борясь за осуществленіе своихъ идей, и умирали съ твердой вѣрой, что только нѣсколькими днями не довелось имъ дожить до всеобщаго, прочнаго, окончательнаго соціалистическаго переворота. Таковы были и первые христіане, и беггарды, и вальденсы, и апостолики, и амальрикане, и табориты, и адамиты, и богемскія братья, и анабаптисты, и левеллеры, и диггеры, и бабувисты, и сенъ-симонисты, и фурьеристы, и шекеры, и гармонисты, и бакунисты, и набатовцы, и землевольцы, и духоборы.

«Вообразите себѣ», писалъ въ 1872 г. Михаилъ Бакунинъ своимъ итальянскимъ друзьямъ, «что во всѣхъ

итальянскихъ деревняхъ раздается кличъ: «война дворцамъ, миръ хижинамъ», какъ во время возстанія нѣмецкихъ крестьянъ въ 1520 году, или тотъ другой, еще болѣе выразительный: «земля трудящимся!». Вы думаете, много найдется въ Италіи крестьянъ, которые останутся спокойны! При этомъ жгите побольше оффиціальныхъ бумагъ (опять эта поразительная боязнь бумаги!) и соціальная революція будетъ сдѣлана».

Бакунинъ былъ впрочемъ далеко не самымъ «утопическимъ» изъ русскихъ утопистовъ. П. Н. Ткачеву, напримѣръ, соціальная революція даже не представлялась, повидимому, сколько нибудь труднымъ предпріятіемъ. Если Бакунинъ разсчитывалъ легко поднять на возстаніе массы русскаго и итальянскаго крестьянства, то философія «Набата» считала достаточнымъ участіе кучки энергичныхъ революціонеровъ. И даже самый трезвый изъ русскихъ соціалистовъ-эмигрантовъ той эпохи, П. Л. Лавровъ, въ своемъ отвѣтѣ на письмо В. А. Гольцева, болѣе или менѣе опредѣленно говорилъ о близости минуты, когда, одновременно въ Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, Италіи и Испаніи, вспыхнетъ великая и окончательная соціальная революція.

«Исторія учитъ тому, что она ничему не учитъ»... Если-бъ это было иначе, то черезъ два тысячелѣтія послѣ Платона Шарль Фурье не обращался бы къ Бонапарту на страницахъ своей «Теоріи четырехъ движеній и общихъ судебъ» съ предложеніемъ воздвигнуть изъ развалинъ варварскаго строя «всеобщую гармонію коммунистическаго фаланстера». Если-бъ это было иначе, то черезъ три вѣка послѣ Кампанеллы г. Ленинъ не выступалъ бы съ проповѣдью соціальнаго переворота по старому рецепту доминиканскаго монаха...

— Но соціализмъ прошлыхъ вѣковъ былъ дѣломъ вѣры. Нынѣшній соціализъ покоится на фундаментѣ научнаго знанія.

— Да... Впрочемъ, Кампанелла также основывалъ свои проэкты на твердыхъ данныхъ науки. Именно, на показаніяхъ астрологіи, которой со страстью предавался авторъ «Государства Солнца».

Вѣра есть вѣра даже тогда, когда она называетъ себя наукой.

Карлъ Марксъ, творецъ научнаго соціализма, всю жизнь былъ убѣжденъ въ крайней близости коммунистическаго строя и ровно семьдесятъ лѣтъ тому назадъ писалъ: «буржуазная революція можетъ быть только непосредственной прелюдіей революціи пролетарской».

Въ 1849 г. Марксъ доказывалъ Лассалю, что пролетарская революція во Франціи вспыхнетъ не позднѣе слѣдующаго года.

Въ 1850 г. онъ выступилъ съ идеей перманентной революціи, продолжающейся до тѣхъ поръ, пока «государственная власть не будетъ завоевана пролетаріатомъ и производительныя силы, по крайней мѣрѣ главныя, не сосредоточатся въ рукахъ пролетаріевъ».

Въ 1862 г. Марксъ писалъ Кугельману: «Мы, очевидно, идемъ навстрѣчу революціи, въ чемъ я, начиная съ 1850 г., никогда не сомнѣвался».

Наконецъ, въ 1872 г. онъ утверждалъ въ письмѣ къ Зорге, что «пожаръ разгорается во всѣхъ углахъ Европы».

Впрочемъ, у великаго утописта научнаго соціализма бывали и періоды сомнѣнія. Въ какомъ русскомъ ла-

герѣ находился бы нынѣ Карлъ Марксъ, сказать очень трудно.

Фридрихъ Энгельсъ тридцать лѣтъ тому назадъ высказывалъ взглядъ, что «царское правительство этотъ годъ ужъ не протянетъ, а когда ужъ въ Россіи начнется — тогда ура!». Впослѣдствіи Энгельсъ, какъ извѣстно, пріурочивалъ соціалистическій переворотъ къ 1898 г.

Равнымъ образомъ, Августъ Бебель не разъ высказывалъ надежду дожить до будущаго строя—и былъ наказанъ судьбой, пославшей ему исключительно долгую жизнь.

Наконецъ, по мнѣнію Жореса, который, впрочемъ, не принадлежалъ къ числу чистыхъ марксистовъ, соціальная революція должна была произойти между 1907 и 1917 годами.

Марксисты *знаютъ*, что время неизмѣнно работаетъ для нихъ и не можетъ работать противъ нихъ. Совершенно такъ же *знали* это соціалисты первыхъ временъ христіанства... Прежняя синдикалистская вѣра Жоржа Сореля въ непогрѣшимость всеобщей забастовки стоитъ его нынѣшней католической вѣры въ непогрѣшимость папской энциклики.

Историческій прогнозъ (не отдѣльный и случайный) невозможенъ. Здѣсь вѣчное—ignorabimus.

День 1-го Мая, день «международной солидарности трудящихся», день очередного воззванія къ нѣмецкому пролетаріату... Съ давнихъ поръ революціонеры Германіи поступали вопреки завѣту Маркса: въ парламентѣ

грозили уличными баррикадами, а на улицѣ вели себя парламентарно.

Если бы въ день объявленія войны правительствомъ Вильгельма II вожди нѣмецкой соціалъ-демократіи провозгласили вооруженное возстаніе, ихъ бы прокляли одни, благословили другіе (первымъ дѣломъ ихъ бы, разумѣется, повѣсили, — это само собой)... Не отказъ отъ возстанія, не голосованіе 4-го Августа будетъ вмѣнено имъ въ войну,—имъ, поправшимъ права разсудка вмѣстѣ съ «правомъ бунта», имъ, принявшимъ не только всю кровь войны, но и всю ложь ея идеологіи.

Кольбъ и Гейне поютъ гимны императору, Грюнвальдъ и Гейнишъ въ умиленіи отъ Гинденбурга. Ersatz-соціализмъ торжествуетъ по всей линіи, Коммунистическій Манифестъ положенъ на мелодію Deutschland, Deutschland. Благодаря русской измѣнѣ, смерть, быть можетъ, смотритъ въ глаза противникамъ центральныхъ имперій. Но свой долгъ родинѣ, съ ростовщичьими процентами, партія Шейдемана продолжаетъ исправно вноситъ на текущій счетъ кайзера.

Бисмаркъ аннексировалъ Эльзасъ-Лотарингію, Бебель протестовалъ противъ этой аннексіи. Кто же былъ правъ,—германскій ли канцлеръ, единодушно признанный величайшимъ политическимъ дѣятелемъ эпохи, или тридцатилѣтній ремесленникъ, токарь Бебель? Въ 1871 г. правымъ былъ признанъ Бисмаркъ, въ 1971 г. правымъ будетъ, вѣроятно, Бебель. Кто правъ въ настоящее время, это мы скоро узнаемъ. Но германскіе соціалъ-демократы, повидимому, склонны считать правымъ Бисмарка. По крайней мѣрѣ они единодушно отвергли мысль о возвращеніи Франціи аннексированныхъ провинцій.

Бебель протестовалъ противъ аннексіи Эльзаса и

Лотарингіи, Шейдеманъ доказываетъ незыблемость германскаго права на эти земли. Какъ же было правительству Вильгельма II не аннексировать въ Брестѣ новыхъ территорій, когда на смѣну Бебелевскаго *veto* менѣе, чѣмъ черезъ полстолѣтія, приходитъ Шейдемановское *«быть по сему»*?

Зато Ersatz—соціалисты «направляютъ внутреннюю политику Германіи». Къ нимъ «внимательно прислушивается» самъ канцлеръ. Такъ въ популярной у нѣмцевъ дѣтской книжкѣ заботливый отецъ оказывалъ вниманіе непослушному сыну,—кстати, и тезкѣ Шейдемана: отцу важно, «ob der Philipp heute still wohl bei Tische sitzen will»...

Логически всегда будетъ трудно объяснить, почему гильотинировали Тропмана, если Вильгельмъ II умретъ спокойно на своей постели. Но исторически, въ данной средѣ, въ данное время, въ этой феодальной magnum latrocinium этотъ германскій ἐπιστημονάρχος, повидимому, умѣстенъ и даже необходимъ. Къ казарменному соціализму казарменная монархія составляетъ совершенно естественный коррелатъ.

◆◆◆

Въ своихъ «Reflexions on the Revolution in France» Эдмундъ Бёркъ доказывалъ, что революція погубила Францію своимъ неуваженіемъ къ историческимъ традиціямъ страны: «Вы начали плохо, такъ какъ начали съ презрѣнія ко всему, что у васъ было. Вы затѣяли торговлю безъ основного капитала. Если послѣднія поколѣнія въ вашей странѣ представлялись вамъ лишенными блеска, вы могли пройти мимо нихъ, обратившись къ болѣе отдаленной линіи предковъ. Вы не

должны были разсматривать французовъ, какъ народъ, существующій со вчерашняго дня (as a people of yesterday), какъ націю, состоявшую изъ низкорожденныхъ тварей до освободительнаго 1789 года».

Вѣроятно, будущій Бёркъ русской революціи (который не заставитъ себя ждать) скажетъ о ней то же самое. Она не связала себя съ историческими традиціями Россіи. Гдѣ было ихъ взять? У «болѣе отдаленной линіи предковъ»? Не только Андрей Курбскій, Д. М. Голицынъ или Сперанскій, но и Пестель, какъ политическій дѣятель, «неприложимъ» къ русской революціи... Наша коммунистическая республика только полустолѣтіемъ отдѣлена отъ крѣпостного права. У Ленина есть современники, отцы которыхъ лично знали Аракчеева.

Въ идейномъ отношеніи наши 1917-8 годы еще свободнѣе отъ традицій, чѣмъ французское четырехлѣтіе 1789—1793. Вольтеръ и даже Руссо («безумный Сократъ Національнаго Собранія», какъ называетъ послѣдняго Бёркъ) были, по крайней мѣрѣ, классическіе писатели Франціи.—Что общаго съ Россіей имѣютъ Марксъ или Бланки? Правда, Разинъ и Пугачевъ — чисто русскіе люди.

Можетъ быть, Бёркъ и правъ. Но у революцій есть своя историческая традиція. Она заключается въ томъ, чтобы не считаться съ историческими традиціями.

— Destruam et aedificabo.—Это звучитъ гордо. Гдѣ ужъ тамъ—aedificabo? Въ лучшемъ случаѣ—aedificabitur. А если угодно, то даже и не destruam: по нынѣшнимъ временамъ, кто въ полѣ воинъ?

«J'ai vu partout le mal où le mieux pouvait être,
Et je l'ai blasphémé, ne pouvant le connaitre;
Et ma voix, se brisant contre ce ciel d'airain,
N'a pas même eu l'honneur d'irriter le destin.

Концертъ-митингъ лѣтомъ 1917 года Три рѣчи о томъ, что теперь не время для рѣчей: Россія гибнетъ... Въ промежуткахъ съ той же эстрады тенора пѣли цыганскіе романсы и балерины танцовали экзотическіе танцы... Публика цвѣтущаго призывного возраста (единственный популярный институтъ стараго строя—бѣлый билетъ) шумно апплодировала и ораторамъ, и тенорамъ.

— «Въ наше время говорили гораздо меньше»,— сказалъ съ недоумѣніемъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей Г. А. Лопатинъ.

Историкъ, вѣроятно, не безъ любопытства остановится на понятіи политической оріентаціи. Положительно, война открываетъ новые горизонты даже передъ людьми, видавшими, какъ имъ казалось, всякіе виды. Много, напримѣръ, мы знали храбрыхъ генераловъ, увѣнчанныхъ по заслугамъ всевозможными знаками отличій. Но такого заслуженнаго воина, какъ бѣлогвардейскій (прежде просто гвардейскій) генералъ. Маннергеймъ, *который за одну войну получилъ и орденъ Св. Георгія, и орденъ Желѣзнаго Креста*, мы все же видимъ впервые,—если не восходить къ преданіямъ наемныхъ войскъ 17-го столѣтія. Намѣтилось и намѣчается еще много другихъ варіацій на тему Quantum

mutatus ab illo Hectore... И если бы все это были Гекторы... Теперь подобныя варіаціи называются «перемѣной оріентаціи въ виду измѣнившейся конъюнктуры». Прежде это называлось иначе. Въ частности, въ послѣдніе четыре года много людей было повѣшено на фронтахъ, да и въ тылу, за гораздо меньшую амплитуду въ колебаніяхъ политической оріентаціи, притомъ независимо отъ какой бы то ни было конъюнктуры.

Оріентація у насъ въ настоящее время можетъ быть только одна,—и довольно старая: «Еже какова скорбная не сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися».

Кромѣ того, еще Вовенаргъ сказалъ: «Le trafic de l'honneur n'enrichit pas» [1]).

Но, можетъ быть, онъ и преувеличивалъ.

— Капиталистическое общество было беременно соціализмомъ. Война ускорила роды. — Такова точка зрѣнія большевиковъ.

Что-то въ этомъ родѣ предсказано въ «Апокалипсисѣ». О нынѣшнихъ событіяхъ все труднѣе мыслить иначе, какъ образами Апокалипсиса.

«И явилось на небѣ великое знаменіе—жена, облеченная въ солнце. Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія.

И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ, большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами...

Драконъ сей сталъ предъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца».

---

[1]) Торговля честью не обогащаетъ.

Дальше въ «Апокалипсисѣ» не поймешь: жена родила, «и восхищено было дитя ея къ Богу».

Землю оно, значитъ, покинуло. Драконъ такъ или иначе погубилъ и мать, и ребенка.

Не осталось ничего...

«*Mephistopheles*. Die Uhr steht still.
Chor. Steht still. Sie schweigt wie Mitternacht.
Der Zeiger fällt.
Mephistopheles. Er fällt, es ist vollbracht.
Chor. Es ist vorbei.
Mephistopheles. Vorbei! ein dummes Wort.
Warum vorbei?
Vorbei und reines Nichts, vollkommnes Einerlei...

Труды, мечты десятка поколѣній надолго прошли vorbei.

— «Warum vorbei»?

— «Ich liebte mir dafür das Ewig—Leere»,—говоритъ далѣе Мефистофель.

◆◆◆

«Народные комиссары», «революціонный трибуналъ», «декларація правъ трудящихся»... Почти всѣ революціи 19-го и 20-го столѣтій имитировали образцы 1789-1799 годовъ, и ни одинъ изъ мексиканскихъ переворотовъ, происходящихъ регулярно два раза въ годъ на улицахъ Вера—Круца, не обошелся безъ своего Робеспьера и безъ своего Бабефа. Любопытно, что образцы въ свою очередь не блистали особой оригинальностью, и тотъ же Бабефъ, которому судьба послала прозаическое имя Франсуа-Ноэля, окрестилъ себя сперва Камилломъ, а затѣмъ Гракхомъ.—Тогда былъ въ модѣ древній Римъ.

Правда, герои Великой Революціи играли премьеру

И, надо сказать, играли ее много лучше. Есть жрецы и жрецы. Есть Прометей и есть Калхасъ... Еслибъ Робеспьеръ удралъ въ Швейцарію послѣ 9-го термидора, на свѣтѣ было бы меньше одной героической легендой. И потому нельзя сказать съ увѣренностью, что въ кофейняхъ Женевскаго Carouge туристамъ 21-го столѣтія будутъ показывать столикъ комиссара Троцкаго, какъ въ Парижскомъ Café Procope гордятся столомъ Робеспьера. Но такъ грандіозенъ фонъ, на которомъ дѣйствуютъ русскіе пигмеи, и такъ велика власть исторической перспективы, что, быть можетъ, и вокругъ Народныхъ Комиссаровъ создастся героическая легенда. Исторія терпѣла не такія надругательства надъ справедливостью и здравымъ смысломъ.

Doch werden sich Poete finden
Der Nachwelt deinen Ruhm zu künden,
Durch Thorheit Thorheit zu entzünden.

Россія будетъ, вѣроятно, принадлежать людямъ, которые сумѣютъ дать крестьянству то, что ему нужно. Крестьянству же нужны три вещи: миръ, земля и порядокъ. Оно ихъ и получитъ именно въ этой послѣдовательности. Вопросъ, отъ кого.

— А народовластіе?—Бернардъ Шоу увѣряетъ, что оно создано не для блага народа, а для его развлеченія. Такъ думалъ и Наполеонъ. Если даже они правы (а они, конечно, не правы), то дѣло отъ этого не мѣняется. Люди дорожатъ такой забавой не меньше, чѣмъ хлѣбомъ...

Говорятъ, демократія обанкротилась. Кто же не «обанкротился» въ это ужасное четырехлѣтіе? Старый

міръ даже не скомпрометтированъ войною, а прямо уничтоженъ. Поскольку рѣчь идетъ о критикѣ существующаго строя, Ленинъ—отсталый человѣкъ, а Себастьянъ Форъ—умѣренный консерваторъ.

Пусть корона не къ лицу народу,—въ чью пользу откажется онъ отъ нея? По Гизо, въ пользу банкировъ, которые всегда носили ее очень скверно? или, по Ренану, въ пользу философовъ, которые, вѣроятно, носили бы ее еще хуже? Демократія все же лучшій выходъ, придуманный человѣческой мыслью за три тысячи лѣтъ исторіи.

Въ этомъ ея скромное оправданіе. Не нужно ни поминокъ, ни апофеоза.

Демократической идеѣ, однако, придется пережить тяжелое время: она, повидимому, пришла въ нѣкоторое противорѣчіе сама съ собой. Опытъ показалъ, что ничто такъ не чуждо массамъ, какъ уваженіе къ чужому праву, къ чужой мысли, къ чужой свободѣ. Иллюзій у насъ больше нѣтъ. Мы массами руководить не можемъ. Но если массы будутъ руководить нами? Если державная воля народа потребуетъ у насъ отреченія отъ азбучныхъ началъ либерализма?

Интеллигенція возсоздавала народъ изъ глубинъ собственнаго духа,—вродѣ какъ Врубель писалъ Гамлета съ самого себя. Мы сѣяли «разумное, доброе, вѣчное» или, по крайней мѣрѣ, думали, что сѣемъ. Но толпа сказала намъ не «спасибо сердечное», а нѣчто совершенно другое...

Уйти отъ народа все же некуда: въ 20-мъ вѣкѣ нѣтъ ни аскетическихъ схимниковъ, ни комфортабельныхъ келій. Жить съ массами «въ долинѣ» намъ такъ или иначе придется: на Монбланѣ «гордаго одиночества» коротать дни неудобно, да и скучно. Я вспо-

минаю уныло: «Kehre, mein Freund, in deine Einsamkeit» [1]). Въ какой партіи состоятъ нынѣ русскіе Штокманы? На какихъ популярныхъ курсахъ ведутъ агитацію Заратустры? Глубокочтимый А. В. Луначарскій состязается нынѣ съ лучшими клоунами цирка Модернъ, читая соціалъ-дезертирамъ лекціи—правда, о Богѣ, но, вѣроятно, «въ связи съ текущимъ моментомъ».

Барбэ д'Орвильи, обожавшій всевозможныя ходули, былъ католикъ «par mépris de cette triste époque, pour avoir un balcon d'où cracher sur ce peuple» [2]). Возможно, что въ недалекомъ будущемъ появятся соціалисты сходнаго толка. Покажутся слишкомъ жалкими народныя массы въ своемъ невѣжествѣ, въ своей тупости, въ своемъ безсердечіи; «любовь къ дальнему» будетъ искать силъ въ чувствѣ жалости и презрѣнія къ «ближнему». Будутъ приходить къ соціализму, какъ Толстой къ христіанству—«отъ противнаго». Будутъ исходить изъ того, что все другое еще хуже.

Впрочемъ, такъ ли это окажется ново? Далеко не всегда въ основѣ коммунистическихъ настроеній лежала дѣйственная любовь къ народу.

Беру тѣ же примѣры.

Аристократъ по рожденію, свидѣтель суда надъ Сократомъ и его смерти, Платонъ ненавидѣлъ народъ, и немногіе изъ остроумцевъ нынѣшней буржуазіи отпускали по адресу «товарищей» больше язвительнаго негодованія, чѣмъ можно найти на этотъ счетъ въ твореніяхъ эллинскаго мудреца.

---

[1]) Уйди, другъ мой, въ свое одиночество.

[2]) Изъ презрѣнія къ этой печальной эпохѣ, для того, чтобъ имѣть балконъ, откуда можно было бы плевать на этотъ народъ.

Недалеко ушелъ отъ него и Кампанелла: въ томительные часы тюремной жизни монахъ-революціонеръ излилъ свое презрѣніе къ массѣ въ стихахъ, гдѣ народъ называется дикимъ, неразумнымъ звѣремъ, не вѣдающимъ добра и зла.

Что касается Мура, то онъ, вообще говоря, былъ много благожелательнѣе къ людямъ. Но, по свидѣтельству исторіи, благочестивый канцлеръ короля Генриха VIII любилъ только католиковъ; протестантовъ же терпѣть не могъ—и много еретиковъ всходило на костеръ, въ канцлерство автора «Утопіи», за непризнаніе католическихъ догматовъ—до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ двойной убѣдительности монастырскаго золота и красоты Анны Болейнъ, Генрихъ VIII не увѣровалъ въ ученіе Лютера, послѣ чего еретики стали восходить на костеръ за признаніе католическихъ догматовъ...

Примѣры, болѣе близкіе къ намъ по времени, часто говорятъ о томъ же. Образцомъ любви къ людямъ не является и нашъ современный Кампанелла, генералъ Дитятинъ русской революціи, такъ хорошо сочетающій пугачевскій марксизмъ съ самодурствомъ симбирскаго помѣщика и русское примитивное лукавство съ фанатизмомъ протопопа Аввакума.

Но послѣ того, какъ идеи коллективизма получатъ дѣйствительное осуществленіе?.. Такъ незначительными покажутся къ тому времени нынѣшнія обѣщанія даже въ области благъ матеріальныхъ. Тотъ же Кампанелла, перечисляя великія преимущества коммунистическаго строя соларіевъ, съ восторгомъ описывалъ между прочимъ, какъ счастливые граждане «Государства Солнца» стираютъ свое бѣлье не менѣе

одного раза въ мѣсяцъ. Это ему, по тѣмъ временамъ, представлялось идеаломъ гигіены и чистоты.

О цѣнностяхъ не матеріальныхъ трудно и говорить. Кто предскажетъ, какую психологическую реакцію вызоветъ противъ себя осуществленный коллективизмъ? Мы видѣли, что пришло на смѣну философіи и практики 18-го вѣка. Въ область какой антисоціалистической романтики потянутъ фантазію пресыщеннаго человѣчества Шатобріаны 21-го столѣтія? И гдѣ же будетъ конецъ, окончательный конецъ, этой фантастической course des abimes? Или весь смыслъ въ томъ, что такого конца быть не можетъ?

Что говорили мудрѣйшіе изъ мудрыхъ:

«Ces grands corps sont trop malaisés á relever étant abattus ou même à retenir étant ébranlés, et leur chutes ne peuvent être que très rudes»... (Descartes) [1].

«Denn die grosse, schwere Masse sich in rascher Bewegung vorzustellen, ist ein schrecklicher Gedanke»... (Schopenhauer) [2].

Люди мѣняются. Но мѣняются ли народы? Стендаль называлъ нѣмцевъ «les bons et simples descendants des anciens Germains» [3]. Въ ихъ философіи

[1]) «Слишкомъ трудно поднять великія эти тѣла, если они повержены, и даже ихъ поддержать, если они поколеблены. А паденіе ихъ можетъ быть только очень тяжкимъ».

[2]) «Представить себѣ большую, тяжелую массу въ быстромъ движеніи, это страшная мысль».

[3]) «Добрые и простые потомки древнихъ германцевъ».

онъ видѣлъ «une espèce de folie, douce, aimable, et surtout sans fiel» [1]). А Стендаль былъ одинъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей, какихъ мы знаемъ.

Идея войны на истощеніе не такъ нова. Ее высказывалъ еще Фридрихъ II: «Ce ne sera pas l'esprit d'humanité qui nous la fera faire, cette paix, à tous tout que nous sommes, Impériaux, Russes, Français: ce sera le manque d'argent; on s'égorgera jusqu à l'extinction de ce vil métal» [2]).

Вольтеръ писалъ на склонѣ своихъ дней Даламберу: «Chacun a pris son parti tout doucement, et je crois qu'on restera là. Les charlatans en tout genre débiteront toujours leur orviétan; les sages en petit nombre s'en moqueront. Les fripons adroits feront leur fortune. On brûlera de temps en temps quelque apôtre indiscret. Le monde ira toujours comme il est toujours allé; mais conservez-moi votre amitié, mon très cher philosophe» [3]).

18-ый вѣкъ отличался въ высшей степени своеобразной психологіей. Съ такими взглядами Фридрихъ постоянно воевалъ «за принципы», а Вольтеръ всю жизнь былъ просвѣтителемъ.

---

[1]) «Родъ безумія, кроткаго, любезнаго и, въ особенности, чуждаго желчи.

[2]) «Не духъ человѣчности заставитъ всѣхъ насъ заключить миръ, а недостатокъ денегъ; мы будемъ рѣзать другъ друга вплоть до истощенія запасовъ презрѣннаго металла». (Цит. не по первоисточнику).

[3]) «Каждый принялъ рѣшеніе и думаю, что при этомъ мы и останемся. Всякаго рода шарлатаны будутъ неизмѣнно нести че-

Задолго до войны и революціи великій нашъ мудрецъ утверждалъ, что русскій народъ глубоко равнодушенъ къ братьямъ-славянамъ и къ Константинополю. Національный порывъ 1914 года казался опроверженіемъ этихъ словъ. И только скептики тогда себя спрашивали: такъ ли ужъ достовѣрно, что Л. Н. Толстой совершенно не зналъ завѣтныхъ «чаяній» русскаго народа, а Николай II и г. Горемыкинъ, напротивъ, превосходно ихъ знаютъ... Тотъ же безконечно умный Толстой писалъ, что русскій народъ совершенно равнодушенъ къ царю. Эти пророческія слова въ свое время казались еще болѣе далекими отъ жизни. Теперь намъ временно приходится вспомнить третье утвержденіе Толстого: онъ говорилъ, что патріотизмъ есть чувство, совершенно незнакомое подавляющему большинству русскаго народа... Этотъ человѣкъ былъ точно лишенъ способности ошибаться, когда говорилъ о томъ, что есть (а не о томъ, что быть должно).

«Царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличъ: кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку при нихъ? По трое сутокъ кликалъ онъ кличъ, — никто не являлся. Приходитъ Борма-ярыжка и берется исполнить царское желаніе. Послѣ тридцатилѣтнихъ скитаній онъ, наконецъ, возвращается къ московскому государю, приноситъ ему

пуху, умные люди, которыхъ немного,—надъ этимъ насмѣхаться, ловкіе мошенники—устраивать свои дѣлишки. Время отъ времени сожгутъ какого либо нескромнаго апостола. Міръ будетъ всегда идти такъ, какъ онъ всегда шелъ. Но, пожалуйста, сохраните ко мнѣ свою дружбу, мой дорогой философъ».

Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку, и въ награду проситъ у царя Ивана только одного: «дозволь мнѣ три года безданно, безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ».

Вл. Серг. Соловьевъ, который передаетъ эту легенду, видитъ въ ней «не лишенное знаменательности заключеніе для обратнаго процесса народнаго сознанія въ сторону дикихъ языческихъ идеаловъ». Такой выводъ хорошо укладывался въ общую философско-историческую концепцію Вл. Соловьева; но тѣмъ не менѣе (или, вѣрнѣе, поэтому) онъ совершенно произволенъ. Какіе ужъ тутъ «идеалы»? Тутъ водка, а не идеалы. А если «идеалы», то почему «языческіе»? Римскій Сенатъ, безспорно языческій и по-язычески встрѣтившій извѣстіе о битвѣ при Каннахъ, ничего ни въ какомъ отношеніи не теряетъ въ сравненіи съ русскимъ и самобытнымъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который такъ дружно апплодировалъ сообщенію о Брестскомъ договорѣ. Не теряетъ и съ точки зрѣнія мысли. заложенной въ легенду о Бормѣ-ярыжкѣ.

Что касается самой легенды, то она не только «не лишена знаменательности», какъ говоритъ Соловьевъ, но исполнена грознаго смысла, раскрывшагося во всей полнотѣ лишь въ настоящіе дни.

Тотъ же Иванъ Грозный оставилъ намъ—по словамъ того же Вл. Соловьева—«самую вѣрную и самую полную формулу христіанской монархической идеи»: «Земля правится Божіимъ милосердіемъ и пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводы, и еже ипат ы и стратиги».—«Эта формула», говоритъ Вл. С

Соловьевъ, «безукоризненна: нельзя лучше выразить христіанскій взглядъ на земное царство. Но если это совершенное слово сопоставить съ историческимъ образомъ того, кто его произнесъ, то какой новый потрясающій, трагическій смыслъ оно получаетъ. Поистинѣ русская исторія по глубокому внутреннему интересу не уступитъ никакой другой».

Въ интересѣ, представляемомъ русской исторіей, конечно, сомнѣваться ие приходится — особенно, въ наши дни. Можетъ быть, интересъ этотъ и не только «внутренній»; онъ прежде всего, если можно такъ выразиться, дидактическій. Повидимому, Россіи суждено служить школой нагляднаго обученія для Европы. Сколько лѣтъ мы являли міру воспитательное зрѣлище своеобразнаго осуществленія «христіанской монархической идеи». Теперь на насъ европейцы могутъ учиться, какъ не надо дѣлать революцію. Научатся ли однако?..

Но формула Иванъ Грознаго интересна и безъ сопоставленія, которое пришло на умъ В. С. Соловьеву; интересна хотя бы въ силу значительности поставленнаго въ ней вопроса.

Кѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, правится русская земля? —Въ первую очередь «Божіимъ милосердіемъ»,—отвѣчаетъ благочестивый царь. Это безспорно—и глубоко правъ былъ Тютчевъ, утверждая: «Les fonctions du Русскій Богъ ne sont pas une sinécure».—«А послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги». Это не такъ безспорно; результаты правленія государей общеизвѣстны. Что до политическихъ воеводъ, то и они въ большинствѣ оказались отнюдь не на высотѣ положенія; въ этомъ Иванъ Васильевичъ былъ, къ сожалѣнію, правъ. Въ

результатѣ, владыкой оказался Борма-ярыжка, который, осуществляя давнишнюю мечту, немедленно отправился въ кабакъ, бросивъ на произволъ судебъ и корону, и скипетръ, и рукъ державу, и книжку. Въ особенности, книжку.

Все это предсказано въ философскихъ драмахъ Ренана. Пьяный Калибанъ овладѣлъ властью и сталъ дѣлать то, что полагается дѣлать Калибану. Гдѣ же мудрый Просперо? Мы видѣли въ нашей революціи много Просперо разныхъ степеней мудрости. Нѣкоторые изъ нихъ честно боролись съ грубыми инстинктами Калибана, кое кто, какъ Ренановскій прообразъ, попалъ въ заключеніе, иные погибли...

Однако, крайности сходятся. Нѣкоторые изъ мудрѣйшихъ Просперо своимъ благопріобрѣтеннымъ нигилизмомъ превзошли природнаго нигилиста Калибана. По-видимому, политическій нигилизмъ проявляется либо на крайнихъ низахъ культуры, либо на ея недосягаемыхъ вершинахъ.

Мужикъ, отвѣчающій «мы вятскіе» на доводъ о потерѣ западной Россіи, политическій нигилистъ. Л. Н. Толстой, говорившій въ сущности то же самое, такой же нигилистъ. Если въ роли толстовскаго Иванушки-простака, который звалъ солдатъ тараканскаго царя: «да вы, сердешные, совсѣмъ къ намъ жить приходите»,—оказался въ Брестѣ г. Троцкій, то это только случайная подробность...

— «А когда непріятель придетъ, кто-же насъ защищать будетъ?

— Да и не надо вовсе-съ. Въ двѣнадцатомъ году было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго, отца нынѣшнему, и

хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила-бы весьма глупую-съ и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были бы другіе порядки-съ».

Такъ говорилъ Марьѣ Кондратьевнѣ первый русскій пораженецъ или, вѣрнѣе, первый теоретикъ русскаго пораженчества, Смердяковъ.

Но совершенно то же самое утверждалъ въ 1813 г. Артуръ Шопенгауеръ. Въ разгаръ нѣмецкихъ Freiheitskämpfe, онъ открыто высказывалъ предпочтеніе власти умнаго Наполеона передъ властью глупыхъ монарховъ Германіи и этимъ доводилъ до бѣлаго каленія нѣмецкихъ патріотовъ Tugendbund'a .

Оба—нигилисты. Крайности сходятся.

Не случайно Л. Н. Толстой такъ любилъ отъ всего общепринятаго свободный русскій народъ. И не случайно Шопенгауеръ терпѣть не могъ своихъ соплеменниковъ, твердо вѣрующихъ въ честный банкъ, въ философію Фихте, въ лютеранскую добродѣтель и въ монархію Гогенцоллерновъ...

Недавнее русское пораженчество было, разумѣется, весьма далеко отъ Шопенгауеровскихъ построеній міра. Зато оно много почерпало въ умствованіяхъ Смердякова.

«Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна».

Любопытно, что единомышленникомъ Ивана Грознаго по вопросу о правленіи русской землей оказался П. Я. Чаадаевъ: «Façonnés, moulés, créés par nos souverains et par notre climat, ce n'est qu'à force de soumis-

sion que nous sommes devenus un grand peuple» [1]). Этому факту авторъ «Апологіи сумасшедшаго» давалъ слѣдующее объясненіе: «Il faut bien le dire, c'est que nous n'avons guère encore que des instincts patriotiques, c'est que nous sommes fort loin encore du patriotisme réfléchi des vieilles nations» [2]).

Я не касаюсь вопроса о томъ, что могъ, вообще говоря, разумѣть подъ сознательнымъ патріотизмомъ универсально-католически настроенный Чаадаевъ, черпавшій мудрость жизни изъ ключей Шеллинга и отцовъ церкви. Думаю кромѣ того, что въ области практики «les instincts patriotiques» врядъ ли не важнѣе, нежели «le patriotisme réfléchi». Но во всякомъ случаѣ и «патріотическіе инстинкты»-то Чаадаевъ приписывалъ Россіи, повидимому, черезчуръ увѣренно.

Но если діагнозъ Чаадаева весьма споренъ, то его прогнозъ поистинѣ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ страницамъ этого труднаго и рискованнаго жанра мысли: «Nous sommes du nombre de ces nations qui ne semblent pas faire partie intégrante du genre humain, mais qui n'existent que pour donner quelque grande leçon au monde. L'enseignement que nous sommes destinés à donner ne sera pas perdu assurément; mais qui sait le jour où nous nous retrouverons au milieu de l'humanité, et que de misères nous éprouverons avant que nos destinées s'accomplissent?» [3]).

---

[1]) Отдѣланные, отлитые, созданные нашими властителями и нашимъ климатомъ, только въ силу покорности стали мы великимъ народомъ.

[2]) Надо сознаться, причина въ томъ, что мы имѣемъ пока только патріотическіе инстинкты. Мы еще очень далеки отъ сознательнаго патріотизма старыхъ націй.

[3]) Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ націй, которыя какъ бы не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для

Странная судьба необыкновенной мысли Чаадаева: *понять* ее можно было только черезъ столѣтіе.

Рядомъ съ этой замѣчательной страницей можно поставить знаменитый отрывокъ изъ «Капитанской Дочки»:

«Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, и чужая головушка полушка».

Революціонеры временъ Пушкина, за рѣдкими исключеніями, его совершенно не понимали. Достаточно вспомнить, съ какой ненавистью и презрѣніемъ отзывается о немъ въ своихъ мемуарахъ декабристъ Горбачевскій. Пушкинъ, напротивъ, понималъ и цѣнилъ декабристовъ. Но сколько бы объективной правды ни было въ его оцѣнкѣ «бунта», правы были все же декабристы—и объективно, и субъективно.

Замышлять безсмысленное [1]) нельзя. Революція, которую *замышляютъ, невозможна*. Къ тѣмъ, кто хочетъ подчинить ее логическому руководству, она *безпощадна*.

того, чтобы дать міру какой-то важный урокъ. Наставленіе, которое мы призваны преподать, конечно, не будетъ потеряно; но кто можетъ сказать, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать, прежде чѣмъ свершатся наши судьбы?

[1]) Т. е., вѣрнѣе, лежащее внѣ области «смысла».

Переворотъ долженъ обратиться въ *бунтъ*.—Мысль Пушкина въ своей сжатости геніальна.

Однако, въ числѣ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія были люди и не молодые, и не жестокосердые; были даже (хоть въ очень небольшомъ числѣ) люди, знающіе нашъ народъ. Но другого пути передъ ними не было. Они шли за колесницей Джагернатха или бросались подъ ея колеса.

Тургеневъ писалъ Герцену:

«Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ ты видишь великую благодать и новизну, и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, das Absolute... Богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите и ненавидитъ то, что вы любите, богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете»... «Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій меньше всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человѣкъ, самому себѣ предоставленный, неминуемо выростаетъ въ старообрядца: вотъ, куда его гнетъ и претъ, а вы сами лично достаточно обожглись на этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темь, и тиранія. Что же дѣлать? Я отвѣчаю, какъ Скрибъ: prenez mon ours,—возьмите науку».

Тургеневъ, вообще говоря, мало предсказывалъ и неохотно проповѣдывалъ, но почти всегда хорошо, потому что и предсказывалъ, и проповѣдывалъ онъ самыя элементарныя вещи, вродѣ ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Можетъ быть, именно поэтому онъ у насъ въ Россіи почитался оригиналомъ и европейцемъ.

Однако, въ данномъ случаѣ плохо помогло ему знаніе народа, которымъ онъ безспорно превосходилъ Герцена. Надо было отвѣтить и на вопросъ, во что выростетъ русскій человѣкъ, «предоставленный» не самому себѣ, а опекунамъ, еще менѣе «нуждающимся въ свободѣ» и столь же мало заботящимся о «наукѣ». На этотъ вопросъ взялась отвѣтить жизнь.

Вдохновитель двухъ поколѣній русскихъ патріотическихъ публицистовъ, К. Н. Леонтьевъ писалъ: «Въ 1871 г., пока шли переговоры о мирѣ между Бисмаркомъ и Тьеромъ, я боялся до крайности, чтобы французы не сохранили бы какъ нибудь цѣлость своей территоріи. Но мечта сбылась, и я перекрестился».

Положительно, никакая дружба между государствами Европы не продержалась бы дня, если-бъ мы время отъ времени перечитывали старыя передовыя статьи руководящихъ политическихъ публицистовъ. Къ счастью, мы этого никогда не дѣлаемъ.

Тотъ же Леонтьевъ, въ свое время кое-кѣмъ произведенный чуть ли не въ пророки, предсказывалъ, что въ случаѣ европейской войны за побитые горшки заплатятъ, въ качествѣ слабѣйшихъ членовъ обѣихъ коалицій, Австрія и Франція. Интересное совпаденіе: то же самое, почти въ то же время, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, предсказывалъ на другомъ полюсѣ политической мысли Фр. Энгельсъ. Этотъ послѣдній писалъ Зорге: «Если бы дошло до войны, то можно съ полной увѣренностью сказать, что послѣ нѣсколькихъ битвъ Россія сойдется съ Пруссіей насчетъ Австріи и Франціи,—каждая пожертвуетъ союзникомъ».

К. Н. Леонтьевъ съ будущей европейской войной связывалъ такъ много радостныхъ надеждъ, что нимало не огорчался неудачнымъ для Россіи исходомъ Берлинскаго Конгресса: «Тогда (въ 1871 г.)», писалъ онъ, «мы вошли бы въ Царьградъ этотъ во французскомъ кэпи съ общеевропейской эгалитарностью въ сердцѣ и умѣ; а теперь мы вступимъ въ него именно въ той шапкѣ-мурмолкѣ, надъ которой такъ глупо смѣялись наши западники; въ сердцѣ же и умѣ съ кровавой памятью объ ужасномъ днѣ 1-го Марта».

Во всемъ этомъ вздорѣ о грядущей шапкѣ-мурмолкѣ и о французскомъ кэпи на головѣ Николая Николаевича Старшаго любопытно лишь то, что онъ не только принимался въ серьезъ, но, вдохновляя русскихъ государственныхъ людей, имѣлъ практическія послѣдствія въ исторіи.

Тютчевъ тоже «предсказывалъ» (въ апрѣлѣ 1848 г.): «Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы—Революція и Россія. Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой, и быть можетъ завтра онѣ вступятъ въ борьбу. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой! Отъ исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо міръ былъ свидѣтелемъ, зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества».

Къ этому «предсказанію» г. Ивановъ-Разумникъ, находящійся нынѣ, къ сожалѣнію, въ лагерѣ скиѳовъ, добавляетъ слѣдующее послѣсловіе:

«Да, подлинно величайшая здѣсь историческая углубленность, и ни слова не можемъ мы выбросить изъ вдохновеннаго прозрѣнія Тютчева! *Одно только*: за три четверти вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ до сегодняшняго дня, Россія и Европа помѣнялись мѣстами. Тогда—Россія стояла на стражѣ стараго міра противъ всей революціонной Европы, теперь—старая Европа стоитъ на той же стражѣ противъ революціонной Россіи».

Это «одно только» нѣсколько неожиданно. Поэтъ предсказалъ. «Одно только»,—въ дѣйствительности случилось нѣчто прямо противоположное. Но комментаторъ все же видитъ здѣсь величайшую углубленность и вдохновенное прозрѣніе. Поистинѣ, поэты безъ риска могутъ предсказывать что угодно.

«Мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуазіи и отъ спокойствія своихъ пролетаріевъ, покупаемаго уже послѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ».

Кто это говоритъ? Ленинъ? Троцкій?—Нѣтъ, такъ писалъ въ апрѣлѣ 1877 г. Ф. М. Достоевскій («Дневникъ Писателя»).

Казалось бы, quod licet bovi, non licet Jovi.

Книга, откуда взята эта цитата, вся состоитъ изъ политическихъ предсказаній, изъ которыхъ не сбылось *ни одно*. Война Россіи съ Великобританіей; дружба Россіи съ Германіей; торжество католической идеи во Франціи; «Константинополь во что бы то ни стало будетъ русскимъ»; «дѣти наши увидятъ, чѣмъ кончитъ Англія»,—вотъ политическія пророчества Достоевскаго.

Биржи ли европейской буржуазіи или спокойствіе европейскихъ пролетаріевъ или, можетъ, что другое,— однако, Европа *еще* держится. И не только первосортная Европа, т. е. Англія, Франція, Германія, но и «лоскутная Австрія», и «шарманочная Италія», и «акціонерная Бельгія», всѣ *еще* держатся, тогда какъ великая Россія *уже* полгода во власти «Бѣсовъ»...

Въ минуты мрачнаго вдохновенья зародилась эта книга въ злобномъ умѣ Достоевскаго.

Этотъ человѣкъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о политикѣ, былъ въ своей области, въ области «достоевщины», подлинный русскій пророкъ, провидецъ безмѣрной глубины и силы необычайной. Октябрьская революція безъ него непонятна; но безъ проэкціи на нынѣшнія событія непонятенъ до конца и онъ, черный брилліантъ русской литературы.

Схема русскаго революціоннаго движенія, взятаго въ многолѣтней перспективѣ, поражаетъ быстрымъ паденіемъ вдохновенія... Точно опера «Паяцы»... Прекрасенъ драматическій прологъ. Есть сильныя мѣста въ первомъ дѣйствіи. Вульгарно и ничтожно второе. Коломбина зарѣзана. Негодяй Тоніо торжествуетъ. Скоро послышится: la comedia finita...

Достоевскій лучше всего предвидѣлъ второе дѣйствіе. Дѣятелей пролога онъ ненавидѣлъ, его идей не понималъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самый эпиграфъ «Бѣсовъ»: много, очень много свиней пришлось бы утопить въ озерѣ для того, чтобы очистить русскую землю отъ грѣховъ,—въ первую очередь отъ преступленій самодержавія. Съ другой стороны, какіе же грѣхи искуплены смертью Лизогуба, Кибальчича или Софьи Перовской?

Первое дѣйствіе, болѣе или менѣе свободное отъ

подлинной достоевщины, не отпиралось и мистическимъ ключемъ. Гдѣ въ немъ Ставрогины, Шатовы гдѣ сказка о Царевичѣ Иванѣ, гдѣ полуземная мистика Кириллова? Достоевскій отдалъ поклонъ катафалку, на которомъ не было покойника...

Царь отстаивалъ самодержавіе, солдаты стремились къ заключенію мира, крестьяне хотѣли получить землю, помѣщики не желали ее отдавать, рабочіе требовали огромной платы, капиталисты отказывались платить,— какой ужъ тутъ мистицизмъ?

Вѣрно былъ намѣченъ культъ пустословія, творчески предвосхищенный въ геніальной каррикатурѣ вечеринки у акушерки Виргинской.

Были однако въ первомъ актѣ и моменты торжества духа надъ тѣломъ; въ частности, и надъ языкомъ.

Зато второе дѣйствіе—апофеозъ пророческаго дара Достоевскаго. Верховенскій и Шигалевъ, Свидригайловъ и Карамазовъ, Смердяковъ и Федька каторжникъ овладѣли русской землей. Движущія силы октябрьскаго переворота слагались изъ животныхъ инстинктовъ и изъ самой черной достоевщины.

Была также, вѣроятно, крошечная примѣсь идеализма.

Впрочемъ, и Свидригайловъ «ужасно любилъ» Шиллера...

Въ удивительныхъ сценахъ суда изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», въ этой злой насмѣшкѣ надъ правосудіемъ, гдѣ обвинитель и защитникъ обмѣниваются длиннѣйшими, тонкими, въ высшей степени убѣдительными рѣчами, не заключающими въ себѣ ни слова правды о дѣлѣ убійства, прокуроръ Ипполитъ Кирилловичъ заканчиваетъ свое выступленіе такъ: «Роковая тройка наша несется стремглавъ и,

можетъ, къ погибели. И давно уже въ цѣлой Россіи простираютъ руки и взываютъ остановить бѣшеную безпардонную скачку. И если сторонятся пока еще другіе народы отъ скачущей сломя голову тройки, то, можетъ быть, вовсе не отъ почтенія къ ней, какъ хотѣлось поэту, а просто отъ ужаса—это замѣтьте. Отъ ужаса, а, можетъ, и отъ омерзенія къ ней, да и то еще хорошо, что сторонятся, а, пожалуй, возьмутъ да и перестанутъ сторониться и станутъ твердою стѣной передъ стремящимся видѣніемъ и сами остановятъ сумасшедшую скачку нашей разнузданности, въ видахъ спасенія себя, просвѣщенія и цивилизаціи!»

Эта тирада, которую Достоевскій, потѣшаясь, вкладывалъ въ уста разглагольствующаго прокурора, повидимому, заключала въ себѣ не одни только цвѣты краснорѣчія. Въ концѣ концовъ не исключена возможность, что «послѣднія усилія европейскихъ правительствъ» такъ таки и не дадутъ на западѣ прорваться тѣмъ инстинктамъ разрушенія, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ роститъ міровая война. Но если гипнозъ побѣдъ или всеобщая безконечная усталость предотвратятъ отъ взрыва новой бури нѣкоторыя изъ великихъ міровыхъ державъ, то осмѣянный Достоевскимъ прокуроръ имѣетъ много шансовъ оказаться истиннымъ пророкомъ.

«Управлять это предвидѣть». Предвидѣнья европейскихъ государственныхъ людей въ свѣтѣ нынѣшнихъ событій комментаріевъ не требуютъ. Еслибы памятники политическимъ дѣятелямъ запрещалось ставить раньше, чѣмъ черезъ полстолѣтія послѣ ихъ смерти, можно бы-

ло бы осуществить огромную экономію въ мраморѣ и бронзѣ.

Впрочемъ, памятники и вообще являютъ лучшее доказательство большой снисходительности «потомства»...

Въ сферѣ своего спеціальнаго предвидѣнья недалеко ушли отъ государственныхъ людей и тѣ тонкіе стратеги, которые три года назадъ клялись всѣми святыми, что побѣдятъ къ такому-то числу. Одинъ весьма извѣстный генералъ поклялся «честью своего мундира» уничтожить врага къ Рождеству 1914 г. Гдѣ теперь этотъ генералъ? Гдѣ его мундиръ? Гдѣ честь его мундира? Приблизительно съ такой же точностью Гоголевскій мужикъ утверждалъ, что бричка Чичикова доѣдетъ до Москвы и не доѣдетъ до Казани.

Во Франціи въ теченіе перваго года войны военнымъ министерствомъ управлялъ адвокатъ Мильеранъ, а морскимъ—сифилидологъ Оганьеръ (зато во главѣ медицинско-санитарной части и цензурнаго вѣдомства были поставлены боевые генералы). Дѣла отъ этого шли нисколько не хуже. Теперь, наоборотъ, морскимъ министерствомъ правитъ адвокатъ, а военнымъ—врачъ (но какой—самъ Клемансо.) И опять таки не наблюдается особаго недовольства пирожниками, тачающими сапоги. Повидимому, во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, общественное мнѣніе не слишкомъ вѣритъ въ непогрѣшимость генераловъ.

Не будемъ однако несправедливы и къ генераламъ. Они оказались далеко не самыми худшими пророками на мрачномъ фонѣ разбитыхъ надеждъ и несбывшихся ожиданій цивилизованныхъ людей 19-го и 20-го вѣковъ. Не говорю уже о разочарованіи идеалистовъ, которые, какъ Бокль или Литтре, вообще отрицали возмож-

ность европейской войны, исходя изъ умственнаго и моральнаго прогресса Европы. Но люди выкладокъ и цифръ ошибались не менѣе жестоко. Шеффле доказывалъ на основанін точныхъ экономическихъ разсчетовъ, что будущая война не можетъ продолжаться болѣе восьми мѣсяцевъ. Мольтке, никогда не занимавшійся политической экономіей, считалъ такую цифру непомѣрно низкой. Старый фельдмаршалъ былъ, повидимому, убѣжденъ, что на что другое, а на войну «енъ достанетъ» сколько угодно денегъ. Енъ дѣйствительно досталъ.

—«Въ какомъ году наступитъ будущее?»—спрашиваетъ Ибсеновскій звонарь.

Научная теорія соціальной революціи выставляетъ слѣдующія положенія:

Развитіе капиталистическаго строя происходитъ по опредѣленнымъ законамъ, въ силу которыхъ капиталъ концентрируется во все меньшемъ числѣ рукъ, а широкія массы населенія подвергаются процессу пролетаризаціи. Съ другой стороны, производство товаровъ растетъ быстрѣе, чѣмъ потребленіе, и все рѣзче обозначается недостаточность рынка для великихъ промышленныхъ странъ, находящая выраженіе въ имперіализмѣ. Рано или поздно, но неизбѣжно долженъ наступить моментъ хроническаго перепроизводства, справиться съ которымъ неустойчивое, неорганизованное капиталистическое хозяйство будетъ совершенно не въ состояніи. Экономическая анархія повлечетъ за собой соціальную революцію. Огромная масса пролетаріата, прошедшаго на гигантскихъ заводахъ школу

революціонной дисциплины, легко справится съ противостоящей ей кучкой магнатовъ капитализма. Произойдетъ экспропріація экспропріаторовъ: огромныя богатства, накопленныя благодаря прогрессу науки и неутомимому труду сотенъ милліоновъ людей, будутъ обобществлены и начнется новая эра въ исторіи человѣчества.

Творцы научнаго соціализма не описывали, въ какія формы непосредственно выльется соціальная революція и какъ быстро она справится съ эксплоататорами. Впрочемъ, Фр. Энгельсъ еще въ 40-хъ годахъ 19-го вѣка думалъ, что крушенію капиталистическаго строя будетъ предшествовать великая война. Сходный взглядъ высказывалъ въ свое время и Карлъ Каутскій.

Можно сдѣлать, конечно, предположеніе, что въ іюлѣ 1914 г. наступило предсказанное Марксомъ перепроизводство цѣнностей, которое повлекло за собой міровую войну и тѣмъ самымъ опредѣлило катастрофическій моментъ соціальной революціи.

Нетрудно однако убѣдиться въ томъ, что за послѣдніе четыре года европейской исторіи «имманентные законы развитія капиталистическаго хозяйства» перестали, очевидно, быть имманентными, и проявились тенденціи, дѣйствующія какъ разъ въ противоположномъ направленіи.

Здѣсь умѣстны нѣкоторыя историко-статистическія сопоставленія.

Трехлѣтняя война 1812-5 г.г. стоила Россіи 155 милліоновъ рублей. Теперь подобная сумма уходитъ въ три дня. Въ битвѣ при Колензо, которую одинъ изъ историковъ называетъ величайшимъ пораженіемъ Великобританіи въ 19-мъ вѣкѣ, англичане потеряли 1200 человѣкъ и 10 пушекъ. Теперь такая битва, быть

можетъ, не была бы упомянута въ сообщеніи генеральнаго штаба. Сто лѣтъ назадъ война еще могла стать выгоднымъ дѣломъ для націи, такъ какъ она стоила въ сто разъ дешевле; и теперь иная колоніальная экспедиція можетъ до извѣстной степени способствовать росту «національнаго богатства». Но современная европейская война никоимъ образомъ, ни при какихъ условіяхъ не можетъ обратиться въ удачный business и—обстоятельство весьма любопытное—многіе изъ реальныхъ политиковъ нашего фантастическаго времени проявляютъ нынѣ безкорыстный идеализмъ—сами того не зная.

Въ самомъ дѣлѣ какіе «рынки», какіе «пути», какіе «выходы» могутъ окупить фантастическія потери, понесенныя всѣми воюющими странами во время великой войны, этой чудовищной, безсмысленной, ирраціональной исторической катастрофы? Съ большой вѣроятностью позволительно предположить, что, когда статистика подведетъ общій итогъ стоимости четырехъ лѣтъ войны, впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, въ финансовую науку проникнетъ слово трилліонъ (по нѣмецкой математической терминологіи—биллiонъ, т. е. 1000 милліардовъ). До сихъ поръ трилліоны существовали только въ астрономіи. Министерства финансовъ воюющихъ державъ обратились въ издательскія фирмы. Въ средніе вѣка одинъ изъ королей Англіи, для поправленія государственныхъ финансовъ, вынужденъ былъ продавать свои поцѣлуи богатымъ вдовамъ. Къ какимъ героическимъ средствамъ придется прибѣгать послѣ заключенія мира правительствомъ такъ выгодно и дешево повоевавшей Европы?

Отсюда вытекаетъ вопросъ. Если даже предположить, что въ іюлѣ 1914 г. наступило въ Европѣ общее

перепроизводство цѣнностей, опредѣляющее моментъ соціальной революціи, то можно ли безъ горькой усмѣшки говорить о перепроизводствѣ цѣнностей и о недостаточности рынка теперь, когда въ самыхъ богатыхъ изъ воюющихъ странъ нѣтъ предметовъ первой насущной необходимости?

Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что и другіе имманентные процессы развитія капиталистическаго хозяйства подверглись ограниченію или даже вовсе сошли на нѣтъ въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія. Война врядъ ли способствовала концентраціи европейскаго капитала. Правда, за это время составилось немало крупныхъ состояній. Но въ общемъ въ теченіе войны денежныя «богатства» распредѣлились между огромнымъ числомъ людей: обиліе печатныхъ денегъ у крестьянъ, не говоря о безчисленныхъ поставщикахъ, пріемщикахъ, ходатаяхъ, посредникахъ, ни для кого не составляетъ тайны. Матеріальныя же богатства подверглись самому безпощадному уничтоженію и въ итогѣ насчетъ войны не нажилась даже и буржуазія.

Такимъ образомъ, если всѣ чего-то не предвидѣли, то одного обстоятельства не предвидѣли и марксисты: изъ тупика перепроизводства, къ которому ведетъ тенденція развитія капиталистическаго міра, нашелся второй, запасный выходъ «на случай пожара»: вмѣсто обобществленія цѣнностей произошло ихъ разрушеніе въ невиданномъ и неслыханномъ масштабѣ. Когда настала долгожданная пора экспропріаціи экспропріаторовъ, неожиданно на бѣду оказалось, что экспропріировать нечего, хотя «капиталистовъ» очень много. Міру, основывающемуся на новомъ принципѣ, нынѣ остаются въ наслѣдство разоренныя страны, лежащіе

на морскомъ днѣ корабли, разстрѣлянные снаряды, сожженный порохъ, обязательство кормить десятки милліоновъ инвалидовъ и сиротъ, да еще нѣсколько сотъ милліардовъ неоплатнаго государственнаго долга.

Въ частности, у насъ въ Россіи единственнымъ орудіемъ производства является въ настоящее время штыкъ. Въ сущности, пугачевщина 18-го вѣка открывала передъ нами почти такія же возможности соціализма, какъ нынѣшнія апокалипсическія времена.

Совершенно очевидно, что послѣ войны соціализмъ долженъ все больше становиться проблемой развитія производительныхъ силъ. Но такъ какъ an und für sich онъ все же является проблемой перераспредѣленія, то въ будущемъ весьма вѣроятенъ, особенно въ связи съ колоніальнымъ вопросомъ, рядъ конфликтовъ мучительнаго, быть можетъ даже трагическаго свойства. Научной мысли придется много поработать надъ этими конфликтами и не надо терять надежды, что она найдетъ болѣе или менѣе пріемлемое рѣшеніе.

Утѣшаться приходится въ частности тѣмъ, что война, повлекшая за собой стихійное разрушеніе цѣнностей, вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно способствовала развитію «энергіи». Подумать только, что Келлерманъ въ своемъ фельетонномъ «Туннелѣ» поразилъ воображеніе читателей зрѣлищемъ концентрированной человѣческой воли. Что такое прорытіе атлантическаго туннеля по сравненію съ подвигами людей, которые при 30 градусахъ мороза брали штурмомъ неприступныя высоты, обмѣнивались милліонами снарядовъ въ теченіе часа, эвакуировали въ нѣсколько дней огромные города?

Европейское человѣчество никогда не «работало» такъ, какъ въ послѣдніе четыре года. При такомъ же темпѣ созидающаго творчества оно черезъ извѣ-

стный (немалый, конечно) срокъ времени могло бы стать богаче прежняго. Правда, въ ближайшемъ будущемъ, какъ и сейчасъ, для энергіи человѣчества, вѣроятно, найдется другое, отнюдь не созидательное, примѣненіе. Но долженъ же рано или поздно истощиться въ насъ запасъ воли къ трагическому во всѣхъ формахъ проявленія послѣдняго; должны же люди истосковаться по «поэзіи мирной будничной жизни»; долженъ же наступить періодъ духовно-нерадостнаго, но матеріально-созидающаго затишья, вродѣ того, какой послѣдовалъ за бурнымъ двадцатипятилѣтіемъ 1789-1815 г.г.

Такъ или иначе къ Zusammenbruchstheorie опытъ заставитъ внести нѣкоторыя поправки. На вопросъ Ибсеновскаго звонаря мы еще подождемъ отвѣта.

Весьма нелегко опредѣлить, по какому логическому принципу дѣлятся стороны въ нынѣшней «классовой борьбѣ»: большевики сражаются съ украинцами, поляки съ ударниками, матросы съ финнами, чехословаки съ красногвардейцами. Очевидно, люди воюютъ съ кѣмъ попало—по соображеніямъ географическаго удобства.

Классовая борьба у насъ вдобавокъ осложняется нѣкоторой застѣнчивостью. Такъ вожди русской буржуазіи до сихъ поръ стыдятся своего ремесла. У насъ самое что ни есть подлинное купечество почему-то занимается мимикріей подъ внѣклассовую интеллигенцію. Съ другой стороны добрая часть русской внѣклассовой интеллигенціи живетъ такой же мимикріей подъ рабочій пролетаріатъ.

«Красный цвѣтокъ русскаго зла, который прежде цвѣлъ въ Царскомъ Селѣ, теперь цвѣтетъ въ Смольномъ Институтѣ», говорилъ одинъ любитель образной рѣчи...

Пышно расцвѣтшій большевизмъ не болѣзнь, скорѣе симптомъ болѣзни. Міръ боленъ застарѣлымъ невѣжествомъ и Россія, разумѣется, всѣхъ опаснѣе. Намъ, правда, отъ такого діагноза не легче. Врачи называютъ скоротечную чахотку цвѣтущей — phtysis florida—и она дѣйствительно такова—съ точки зрѣнія чахотки. Но позволительно стать и на точку зрѣнія пацієнта.

Это было въ дни побѣдъ и торжествъ Великой Французской Революціи, въ тѣ дни, когда Парижъ приковывалъ къ себѣ напряженное вниманіе человѣчества, въ тѣ дни, когда старикъ Кантъ выходилъ на Кенигсбергскую дорогу, чтобы скорѣе встрѣтить почтальона, привозившаго послѣднія извѣстія изъ освобождавшей міръ Франціи. Въ эти дни великихъ надеждъ Фридрихъ Шиллеръ скорбно писалъ:

«Попытка французскаго народа возстановить священныя права людей и завоевать политическую свободу обнаружила только его безсиліе... Моментъ былъ чрезвычайно благопріятенъ, но онъ встрѣтилъ развращенное поколѣніе, которое не было его достойно и не сумѣло ни возвыситься до этого прекраснаго случая, ни имъ воспользоваться...

По своимъ дѣйствіямъ познается человѣкъ и какой же образъ являетъ онъ намъ въ зеркалѣ настоя-

щаго времени? Въ низшихъ классахъ грубые анархическіе инстинкты, которые, освобождаясь, ломаютъ всѣ связи соціальнаго порядка и съ непреодолимой яростью торопятся къ животному самоудовлетворенію... Не свободныхъ людей угнетало государство, оно дикихъ звѣрей держало въ спасительныхъ цѣпяхъ... Съ другой стороны цивилизованные классы являютъ еще болѣе отталкивающее зрѣлище умственной нищеты и низменности въ характерѣ...

Это ли человѣчество, права котораго отстаивала философія; это ли человѣчество, которое носитъ въ умѣ благородный гражданинъ міра; это ли человѣчество, въ которомъ новый Солонъ могъ бы осуществить свой планъ государственнаго устройства?.. Французская революція погибнетъ такъ же скоро, какъ родилась; республиканская конституція рано или поздно выродится въ анархію и единственное спасеніе націи будетъ заключаться въ томъ, что неизвѣстно откуда явится мощный человѣкъ, который укротитъ бурю, возстановитъ порядокъ и твердо зажметъ въ своей рукѣ бразды правленія, хотя бы ему пришлось стать абсолютнымъ повелителемъ не только Франціи, но и большей части Европы» [1]).

Этому блестящему предсказанію одинаково чужды и соціологія, и политическая экономія. Психологическій силлогизмъ Шиллера приблизительно таковъ: осуществленіе идей «Декларацiи правъ человѣка и гражданина» предполагаетъ высокій моральный уровень людей, призванныхъ осуществлять эти права. Люди конца 18 вѣка, и въ частности вершители су-

---

[1]) Цит. не по первоисточнику: Jaurès. La Convention, I, pp. 543-7.

дебъ Франціи, весьма далеки отъ такого уровня. Слѣдовательно, революція обречена на гибель. Любопытно, что почти въ то же время точно такой же психологическій силлогизмъ зародился въ умѣ артиллерійскаго поручика Бонапарта, который, размышляя надъ нравами и пороками французовъ (подлинныя его слова), сдѣлалъ практическіе выводы о бренности великой и нераздѣльной республики, весьма, какъ извѣстно, пригодившіеся ему въ жизни.

Въ сущности, этотъ Шиллеро-Бонапартовскій силлогизмъ теперь вовсе не представляется убѣдительнымъ. Не такъ ужъ вѣдь далеки были отъ земли идеи «Декларацiи правъ», съ ихъ геніальной подстановкой удобнаго «равенства всѣхъ передъ закономъ» намѣсто неудобнаго равенства—просто. Осуществили же эту «Декларацію»—по крайней мѣрѣ отчасти—праведники 19-го вѣка. Какъ мало въ сущности было нужно для осуществленія «правъ чловѣка» и какъ много пролито было по этому случаю крови, не говоря о чернилахъ...

Буржуазія конца 18-го вѣка въ культурномъ отношеніи стояла выше дворянства; однако, чтобы вырвать у послѣдняго монополію власти и привиллегій, понадобился добрый десятокъ большихъ, малыхъ и крошечныхъ революцій. Современный пролетаріатъ по своему культурному уровню неизмѣримо ниже буржуазіи, а задачу себѣ онъ ставитъ неизмѣримо труднѣе: смѣшно даже сопоставлять ничтожныя, казалось, препятствія, стоявшія на пути «Декларацiи правъ чловѣка» съ той безграничной хозяйственной и психологической инерцiей, на которую неизбѣжно наткнется въ переживаемое нами время попытка осуществленія «Декларацiи правъ трудящихся».

Экономическое наслѣдіе войны ужасно. Но моральное много хуже.

Что въ самомъ дѣлѣ сказалъ бы Шиллеръ о той школѣ, черезъ которую нынѣ прошло человѣчество передъ предполагаемымъ вступленіемъ въ новую эру? Народы, такъ блистательно срѣзавшіеся на экзаменѣ умственной зрѣлости 1914 г., развращены войною глубоко и надолго. Европа изолгалась и одичала. Цвѣтъ поколѣнія провелъ четыре года въ кровавой праздности траншей, утратилъ привычку къ мирному производительному труду, свыкся со всѣми формами самыхъ отвратительныхъ преступленій. Звѣрь разбуженъ и вышелъ на волю.

Отъ поколѣнія, зараженнаго ненавистью и сифилисомъ, родятся ли новые, лучшіе люди?

Я слышалъ когда-то, какъ Жоресъ воскликнулъ въ одну изъ мрачныхъ своихъ минутъ: «Le socialisme heritera d'un monde trop perverti».—Соціализмъ унаслѣдуетъ черезчуръ развращенный міръ...

А все таки *скорѣе всего* унаслѣдуетъ. Это наибольшая *вѣроятность*.

— Съ соціализмомъ кончено навѣки, — говорятъ перепуганные люди. Говорятъ обыкновенно съ радостью: кого этотъ жупелъ не обидѣлъ? Герценъ обезсмертилъ коллежскую ассесоршу, которая всю жизнь не могла простить Наполеону преждевременную смерть своей коровы, скончавшейся въ 1812 г. Теперь коллежская ассесорша, потерявъ не одну корову, во всемъ винитъ соціализмъ, отождествляя его съ пугачевщиной, и ждетъ не дождется спасителя. Пугачевъ не спасъ ея отъ Гинденбурга; она надѣется, что Гинденбургъ спасетъ отъ Пугачева...

Такая возможность не исключается, но поручиться даже и въ этомъ никакъ нельзя.

Соціализмъ не виноватъ; ассесорша тоже не виновата; тѣмъ не менѣе потерпѣть придется обоимъ. Мы живемъ въ историческую эпоху, когда стала чрезвычайно строгой старая взяточница Немезида и сдѣлалась небывало грозной расплата не только за свои, но и за чужіе грѣхи...

Во всякомъ случаѣ, если кончено съ культурнымъ соціализмомъ, то кончено и съ самой культурой. Если не кончено съ культурой, то будетъ и соціализмъ, какъ онъ всегда былъ. Проблема его оправданія тѣсно связана съ вопросомъ о томъ, быть ли или не быть современной цивилизаціи.

Извѣстна судьба Гегелевскаго изреченія: «Was vernünftig ist, das ist wirklich; und was wirklich ist, das ist vernünftig»,—«все дѣйствительное разумно; и все разумное дѣйствительно». Когда-то оно возбуждало бури негодованія и восторговъ. Потомъ его растолковали: Гегель не ставилъ будто бы знака равенства между разумомъ и дѣйствительностью—вообще. Онъ имѣлъ въ виду *истинно-дѣйствительное* (τὸ ὄντως ὄν). И уже Эдуардъ Гансъ, выпустившій посмертное изданіе «Философіи Права», доказывалъ, что въ формулѣ Гегеля не было ничего реакціоннаго.

Объ этомъ можно, разумѣется, спорить. Вотъ что говоритъ Гегель въ знаменитомъ предисловіи къ «Grundlinien der Philosophie des Rechts»: «Настоящая работа, поскольку она содержитъ ученіе о государ-

ствѣ, должна быть только попыткой *понять* и *представить государство, какъ нѣчто разумное въ себѣ* (als ein in sich Vernünftiges). Въ качествѣ философскаго произведенія она *всего дальше отъ конструированья государства,—какимъ послѣднее быть должно* (einen Staat, wie er sein soll)» [1]. Стоитъ прочесть хотя бы девятнадцать параграфовъ (§§ 231—249), посвященныхъ Гегелемъ полиціи, и двѣнадцать (§§ 275—286), относящихся къ власти монарха, чтобы усомниться въ вѣрности словъ Эдуарда Ганса. Или же пришлось бы затѣять споръ о томъ, что такое полиція и die fürstliche Gewalt: просто ли дѣйствительное или истинно-дѣйствительное? Конечно, въ свое время велись и такіе философскіе споры; ибо, какъ говоритъ, по другому поводу, не безъ гордости тотъ же Эдуардъ Гансъ: «was hat der deutsche Geist nicht alles begründet oder zu begründen versucht?» [2].

Въ сущности, изреченіе Гегеля вовсе ему не принадлежитъ. Безъ всякихъ оговорокъ, безъ всякаго желанія укрыться за истинно-дѣйствительное, ту же мысль гораздо раньше высказывалъ Попъ:

> All discord—harmony not understood,
> All partial evil—universal good;
> And spite of pride, in erring reason's spite,
> One truth is clear: whatever is is right. [3].

---

[1]) Курсивъ Гегеля.

[2]) Чего только не обосновывалъ или не пытался обосновать нѣмецкій духъ?

[3]) Всякій диссонансъ есть непонятая гармонія; всякое частное зло—общее благо. Вопреки гордости, вопреки заблуждающеуся разуму, одна истина ясна: все существующее хорошо.

Поэты смѣлѣе философовъ, ибо съ нихъ спрашиваютъ меньше...

Всего нѣсколькими страницами дальше знаменитаго изреченія, Гегель высказалъ мысль, менѣе вызывающую, но неизмѣримо болѣе значительную и интересную:

«Um noch über das *Belehren*, wie die Welt seyn soll, ein Wort zu sagen, so kommt dazu ohnehin die Philosophie immer zu spät. Als der *Gedanke* der Welt erscheint sie erst in der Zeit, nachdem die Wirklichkeit ihren Bildungsprocess vollendet und sich fertig gemacht hat... Wenn die Philosophie ihr Grau in Grau malt, dann ist eine Gestalt des Lebens alt geworden, und mit Grau in Grau lässt sie sich nicht verjungen, sondern nur erkennen; die Eule der Minerva beginnt erst mit der einbrechenden Dämmerung ihren Flug».

Эта мысль не только прекрасна по формѣ и по содержанію. Въ наши дни она кромѣ того и *до нѣкоторой степени* утѣшительна. Надъ состарившимися формами жизни, въ часъ наступленія сумерокъ (такихъ сумерокъ, какія Гегелю и не снились), сова Минервы должна скоро начать свой тяжелый полетъ...

Но все таки очень жаль, что философія является «immer zu spät».

Въ теоріи—преимущество реформы передъ потрясеніемъ достаточно очевидно. Въ теоріи—Бернштейнъ наголову разбилъ Бакунина. На практикѣ—Бакунинъ празднуетъ побѣду надъ Бернштейномъ. Жизнь идетъ не по тому пути, по какому ей слѣдовало бы идти.

Это тоже достаточно очевидно, какъ a priori, такъ и a posteriori.

Но въ вопросѣ объ историческомъ оправданіи русской революціи будутъ все же приняты во вниманіе не одни только *contra,* нынѣ щедро сыпящіяся со всѣхъ сторонъ. Этихъ *contra* почти такъ же много, какъ много теперь людей, которые съ самаго начала все предвидѣли и «съ перваго дня говорили»... Есть однако и *pro.*

Удачныхъ революцій не бываетъ. Революція по природѣ своей не можетъ творить. Она лишь создаетъ такія условія, при которыхъ будущее государственное творчество становится возможнымъ и—главное — неизбѣжнымъ, какъ бы ни кончилась сама революція. По-видимому, законодательное творчество лишь съ трудомъ обходится безъ періодическихъ дозъ революціоннаго фермента. Сколько времени понадобилось бы лучшему парламенту въ мірѣ для того, чтобы высидѣть мартовскіе декреты Временнаго Правительства перваго созыва?

— А много ли осталось въ жизни отъ этихъ памятныхъ декретовъ?

— Что-то все таки осталось. Въ смыслѣ *каталитическомъ* для Россіи не пройдетъ безслѣдно даже безграмотное творчество декретомановъ Смольнаго Института.

Можетъ быть, въ ближайшія десятилѣтія политическая мысль выработаетъ промежуточныя формы между тяжеловѣсной артиллеріей парламентской говорильни и холостыми снарядами скорострѣльнаго творчества революціи...

За исключеніемъ дворцовыхъ и династическихъ переворотовъ, всѣ революціи неудачны, — если ихъ разсматривать внѣ надлежащей перспективы. Есть два рода революцій. Однѣ подавляются немедленно и влекутъ за собой въ результатѣ большее или меньшее число казней. Ихъ обыкновенно называютъ уменьшительнымъ именемъ возстаній, — а онѣ, въ сущности, есть самыя возвышенныя, героическія революціи. Таково было возстаніе декабристовъ; таково было возстаніе Косцюшки; такова была эпопея Народной Воли.

Революціи второго рода развиваются быстро и грозно, но ихъ «развязка» наводитъ на скорбныя мысли. Великая Французская революція, «закончившаяся» торжественнымъ коронованіемъ сперва Наполеона I, а потомъ Людовика XVIII, въ перспективѣ одного двадцатипятилѣтія тяжелый нелѣпый кошмаръ. Такова въ аналогичной перспективѣ Великая Англійская Революція съ финаломъ, гдѣ Кромвель называется Монкомъ и на смѣну казненнаго Карла I приходитъ вдвое худшій Карлъ II. Таковы же революціи 1848 и 1871 г.г.

И тѣмъ не менѣе всегда что-то остается. Вопросъ оправданія революціи въ цѣнѣ, которой куплено это «что-то». Да еще въ невещественныхъ цѣнностяхъ — въ остающейся *легендѣ*...

Вопросъ о цѣнѣ для Россіи рѣшится все же только въ день окончанія міровой войны.

Но легенда? Вмѣсто Вальми — Калущъ, вмѣсто пирамидъ — Двинскъ, вмѣсто Дантона — Троцкій, вмѣсто Карно — Крыленко, вмѣсто Бонапарта — матросъ Желѣзняковъ.

Въ лучшемъ случаѣ *легендой* русской революціи

будетъ то, что вожди ея перваго періода, имѣя полную возможность сохранить свою власть и спасти отъ хаоса Россію цѣной измѣны союзу и собственнаго безчестія, на этотъ путь все же не стали. Нѣкоторые изъ нихъ ясно предчувствовали и предпочитали гибель...

На трудномъ пути революціи одни заблуждались меньше, другіе больше. Одни могутъ говорить mea culpa, другіе — mea maxima culpa. Но и безъ тысячи ошибокъ надъ всѣми неумолимо висѣлъ и виситъ рокъ великой войны.

Вѣковая темнота ускорила катастрофу въ Россіи. Тамъ, на западѣ, «бунтъ» еще только переходитъ изъ области очень возможнаго въ область очень вѣроятнаго. Одинъ лишній годъ выдержки засвидѣтельствовалъ огромное превосходство западной культуры и нервовъ. Однако, всякой выдержкѣ можетъ прійти конецъ.

Ленинъ будетъ, вѣроятно, признанъ геніальнымъ человѣкомъ въ тотъ день, когда на западѣ вспыхнетъ революція. Но такъ какъ «объективныя условія коммунистическаго строя» существуютъ въ 1918 г. только въ головѣ большевистскаго Аввакума, то послѣдствіемъ соціальныхъ потрясеній въ Европѣ будетъ скорѣе всего почти такой же грабежъ награбленнаго, почти такое же моральное и умственное одичаніе.

Передъ нами не премьера и, вѣроятно, не послѣднее представленіе... А, казалось бы, послѣ того, что было и будетъ, надъ этимъ драматическимъ жанромъ много прежнихъ цѣнителей должны-бъ поставить крестъ съ могильной надписью: Род. въ 1793 г. въ Парижѣ, сконч. въ 1918 г. въ Петербургѣ.

Будущее темно. Куда влачитъ насъ колесница Джа-

гернатха?.. Жизнь не перейдетъ послѣ войны ни въ Африку, ни въ Австралію. Матеріальная культура Европы выдержитъ такъ или иначе даже подобныя испытанія. Но какая участь постигнетъ высшія цѣнности европейской цивилизаціи, сказать трудно:

Міроздапіемъ раздвинутъ,
Хаосъ мстительный не спитъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Цѣна 4 рубля.